

1993

ЕСМИ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ

В
Н
О
М
Е
Р
Е

ГАРРИ ГАРРИСОН
*ТЫ НУЖЕН СТАЛЬНОЙ
КРЫСЕ*

ФИЛИП ФАРМЕР
*ПУТЕШЕСТВИЕ В
ДРУГОЙ ДЕНЬ*

АВРАМ ДЭВИДСОН
*МОРЯ, ПОЛНЫЕ
УСТРИЦ*

ФИЛИП К. ДИК
*ФОСТЕР,
ТЫ МЕРТВ!*

1 /6/

ИЗДАТЕЛЬ:
«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»

МОТИВ
СБОР ДАННЫХ
УСЛОВИЯ
ГИПОТЕЗА
ЭКСПЕРИМЕНТ
РЕЗУЛЬТАТ

Филип К. Дик. *Фостер, ты мертв!* 4

Александр Дынкин. Острое, или Новая Атлантида. 11

Гарри Гаррисон. *Ты нужен Стальной Крысе.* Роман. 14

*Владимир Кучеренко, Виктор Петренко.
Люди и марионетки.* 60

Аврам Дэвидсон. *Моря, полные устриц.* 64

Акоп Назаретян. Тест на зрелость. 68

Альфред Бестер. *«Русские горки».* 72

Филип Фармер. *Путешествие в другой день.* 78

Виктор Переведенцев. Что век грядущий нам готовит? 85

Рон Уэбб. *Девушка с глазами цвета виски.* 92

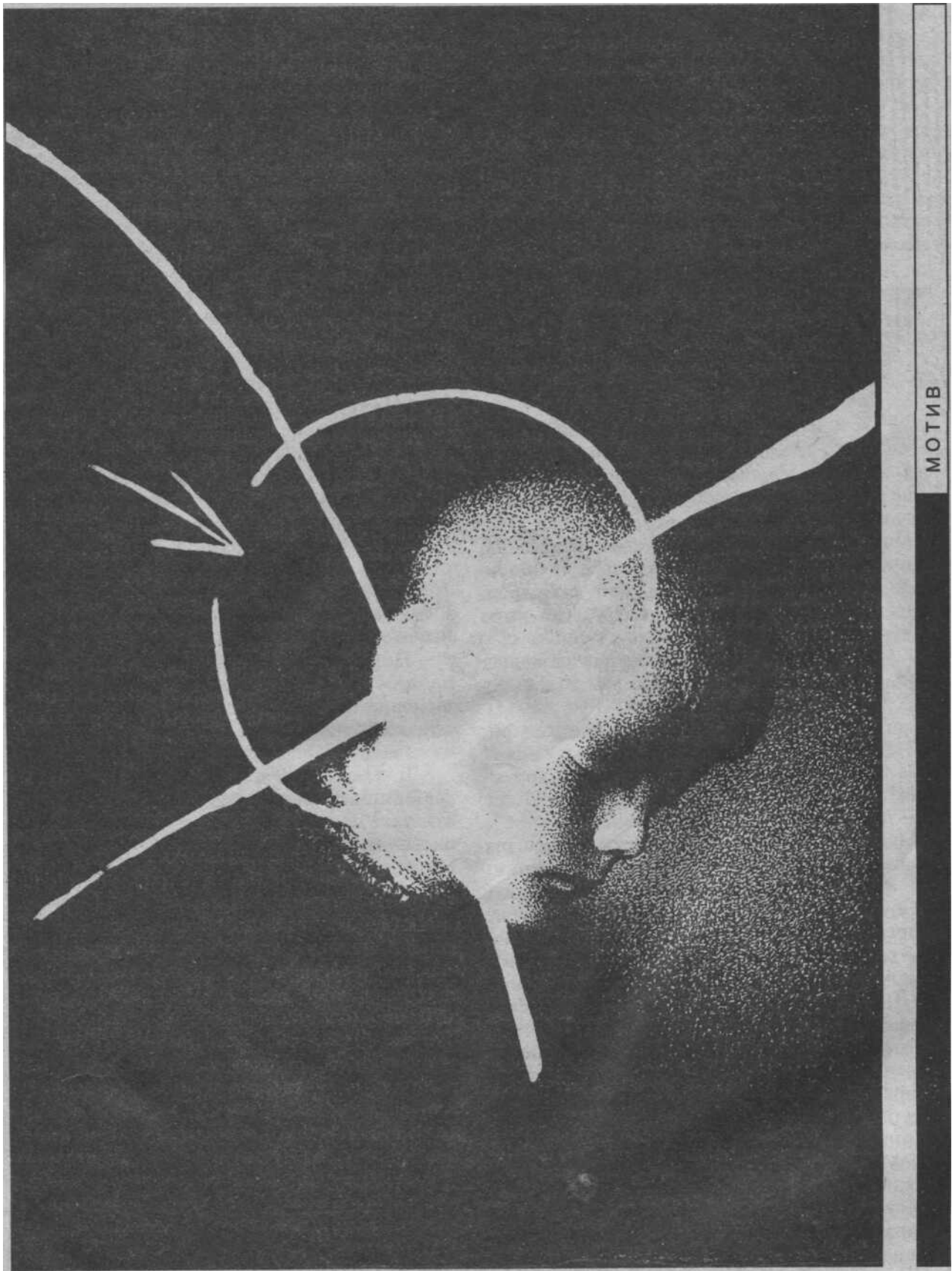
Нина Габриэлян. Женщина, исполняющая желания. 94

Редактор журнала:
Александр Шалганов.

Редакция:
Елена Босовская,
Владимир Губарев,
Павел Гуревич
Михаил Кемеровский,
Елена Сеславина.

Иллюстрации:
Игорь Мельников (Ф.Дик, А.Бестер),
Олег Осинин (Г.Гаррисон, Р.Уэбб),
Константин Рыбалко (А.Дэвидсон, Ф.Фармер).

Верстка:
Татьяна Фединина,
Николай Чучалов.

МОТИВ

Филип К. Дик
Фостер, ты мертв!

руки, как всегда, тянулись медленно и тоскливо. Майк Фостер закончил плести корзинки, не пропускающие воду, и сидел неподвижно. Остальные еще работали. За стенами серого школьного здания из железобетона стоял полдень, солнце светило холодным светом. В бодрящем осеннем воздухе холмы отливали зеленым и коричневым. Несколько НАТС лениво кружили над городом.

К парте приблизилась громадная зловещая тень учительницы, миссис Каммигс.

— Фостер, ты что, все сделал?

— Да, мэм, — с готовностью доложил он, подталкивая корзинки вперед. — Я могу идти?

Миссис Каммигс окинула корзинки критическим взглядом.

— А как насчет капканов?

Майк порылся в парте и извлек ловушку для мелких зверьков замысловатой конструкции.

— Все готово, миссис Каммигс. И нож тоже. — Он показал учительнице острый как бритва, сверкающий нож, изготовленный из бензиновой канистры. Она с сомнением взяла нож и с видом знатока провела пальцем по лезвию.

— Не очень-то прочный, — заключила миссис Каммигс. — Ты слишком его заострил. Стоит хоть раз пустить его в дело, кончик отломится. Спустись в центральную лабораторию оружия и погляди, каким должен быть нож. Потом затупи немного свой, чтобы лезвие стало потолще.

— Миссис Каммигс! — взмолился Майк. — А можно завтра? Пожалуйста!

Класс с интересом следил за ними. Майк покраснел: он не любил быть в центре внимания.

Непреклонная учительница изрекла:

— Завтра — земляные работы. У тебя не будет времени поработать с ножом.

— Я успею, — уверенно выпалил мальчик.

— Нет. Копать ты не умеешь, — пожилая

дама кинула оценивающий взгляд на худые руки и ноги мальчика. — Я полагаю, что нож лучше закончить сегодня, а весь завтрашний день провести в поле.

— Зачем? — в отчаянии спросил Майк.

— Копать должен уметь каждый, — терпеливо пояснила миссис Каммигс. Со всех сторон захихикали. Враждебный взгляд учительницы заставил детей умолкнуть. — Вы прекрасно знаете, что, когда начнется война, на земле останутся одни развалины. Если хотите выжить — учитесь рыть норы и добывать из-под земли пищу. Как суслики. Все вы должны стать маленькими коричневыми сусликами.

Расстроенный, Майк забрал нож. Миссис Каммигс величаво прошествовала по проходу между партами. На лицах некоторых учеников появились презрительные ухмылки, но сквозь пелену горя мальчик ничего не замечал. Ему незачем учиться копать. Когда начнется бомбежка, его сразу убьют. И не пригодятся прививки, от которых ноют ноги, руки и ягодицы. Никакая смертоносная бактерия ему не страшна, его просто не будет в живых. Если только...

Он вскочил и кинулся за миссис Каммигс, изнемогая от отчаяния:

— Пожалуйста, отпустите меня! Мне очень надо.

Увядавшие губы учительницы скривились, однако полные страха глаза мальчика остановили ее.

— В чем дело? Ты болен?

Майк застыл, не находя в себе сил для ответа. Ученики, радуясь неожиданному развлечению, хихикали и перешептывались. Миссис Каммигс сердито постучала ручкой по столу.

— Майк, — ее голос чуточку смягчился, — если у тебя что-то не в порядке, ступай в психохамбулаторию. Мисс Гроувз будет рада тебе помочь.

— Нет, я здоров, — отказался Фостер.

— Что же тогда?

Класс оживился — посыпались ответы, а Майк не мог раскрыть рта от мук унижения.

— Его отец — против Готовности, он — ПГ! У них нет убежища, он не зарегистрирован в Гражданской Обороне и не платит взносы в НАТС! Их семья ничего не делает!

Измученная, миссис Каммигс уставилась на мальчика, утратившего дар речи.

— У вас нет убежища?!

Он кивнул.

Странное чувство охватило учительницу.

— Но... — она чуть было не произнесла «ты умрешь», но спохватилась. — Куда же вы пойдете?

— Никуда, — прозвучал чей-то торжествующий

щий голос. — Все остальные спустятся вниз, в свои убежища, а он останется здесь. У него даже нет разрешения на школьное убежище!

Миссис Каммиг потрясенно подняла брови. Уж одно она знала точно: каждый ученик имеет доступ в тщательно оборудованные комнаты под зданием школы. Каждый, чьи родители состоят в Гражданской Обороне и платят деньги на вооружение города. Но как же можно выступать против Готовности?..

— Он боится сидеть с нами, — мелодично звенели голоса. — Он боится, что это случится, пока он здесь. Понимаете?

* * *

Засунув руки поглубже в карманы, Майк медленно брел по улице, отшвыривая встречающиеся на тротуаре камешки. Солнце садилось. Транспортные ракеты со вздернутыми вверх носами выгружали усталых людей. Те радовались возвращению домой с завода, расположенного в ста милях западнее городка. На далеких холмах блеснуло: радар медленно вращался в вечерних сумерках. Количество патрулирующих небо НАТС увеличилось — это время считалось наиболее опасным. От визуальных наблюдений толку мало, если ракеты летят с высокой скоростью и низко над землей.

Майк миновал механическую машину новостей. Она что-то взволнованно верещала про войну, смерть, про новое оружие, созданное дома и за границей. Ссутулив плечи, мальчик шагал мимо небольших бетонных убежищ, служивших домами. Они походили друг на друга, как капли воды. В опускавшейся темноте где-то впереди ярко переливались разноцветные блики рекламы — оживленный деловой центр, где сновали люди и машины.

Пройдя половину квартала в неоновом сиянии, мальчик остановился. Справа возвышалось общественное бомбоубежище с тускло поблескивающим металлическим турникетом. Темный вход напоминал туннель. Входная плата — пять долларов. Если он окажется на улице с пятью долларами в кармане — тогда порядок. Во время учебных тревог Майк не раз отсиживался в общественных убежищах. Но если денег не будет? Или он не успеет? Он никак не мог выбросить эти жуткие кошмары из головы. Он стоял, охваченный ужасом, а люди спешили мимо, и рвали воздух пронзительные сирены.

Мальчик добред до фонтанов света — огромных сверкающих залов корпорации «Дженерал Электронике». Она занимала два внушительных здания, освещенных со всех сторон. Безбрежное море чистого света и сияния. Он прилип к витрине, в тысячный раз пожирая глазами волшебные очертания Защитника.

В центре просторного зала стояло единственное сооружение. Лучи всех прожекторов сходились на нем. Гигантские надписи расписывали сто одно преимущество модели. Как будто кто-то мог сомневаться!..

Новая модель! Подземное бомбоубежище, не доступное для бомб и радиации. Проверьте его качества:

+ Автоматический спусковой лифт, собственный источник питания, гарантирован от аварий.

+ Трехслойный корпус, способный без повреждений выносить силу тяжести в 5 т.

+ Автоматическая система обогрева и охлаждения, автономная система очистки воздуха.

+ Трехфазовая система обеззараживания воды и пищи.

+ Четырехкратная гигиеническая обработка ожогов.

+ Полный набор антибиотиков.

+ Удобный график выплат.

Майк долго не отрывал глаз от убежища. Оно представляло собой вместительную цистерну: с одной стороны — шахта спускового лифта, а с другой — запасной выход. Убежище было снабжено всем необходимым — целый мир со своим светом, теплом, воздухом, водой, лекарствами, запасами еды. Горы кассет для видеомэгнитофона, горы дискет с играми и развлечениями, мебель, посуда, — в общем, все, что есть в самом обычном доме. Не был забыт ни один предмет. Во время бактериологической атаки или взрыва мощнейшей водородной бомбы семья окажется не только в безопасности, но и в относительном комфорте.

Модель стоила сто тысяч долларов.

Пока Майк молча разглядывал экспонат, один из продавцов ступил на темный тротуар, направляясь в ближайшее кафе.

— Привет, сынок, — проговорил он, проходя мимо Майка. — Неплохо, а?

— Можно войти? — быстро спросил мальчик. — Спуститься? Хоть на минутку!

Продавец остановился. Он узнал Майка.

— А, это ты. Тот самый мальчишка, который вечно торчит около убежища, — медленно сказал он.

— Я ничего не сломаю — обещаю! Я даже трогать ничего не буду!

Продавцу было никак не больше двадцати пяти. Он стоял в раздумье. Мальчишка, конечно, надоел, но у него есть родители, а это — возможная клиентура. Дела идут неважно. Конец сентября, сезонный спад пока продолжается... Но и распинаться перед сопляком желания нет, позволять всякой мелюзге путаться среди товара.

— Ничего не получится, — заявил продавец. — Лучше присылай сюда отца. Он видел Защитника?

— Да, — ответил мальчик.

— Так чего же он медлит? — продавец воздел руки к небу. — Мы возьмем старую модель в счет покупки новой. Какая у вас модель?

— Никакой.

— Как это?.. — у продавца отвисла челюсть.

— Отец говорит, что это лишняя трата денег. Людей специально запугивают, чтобы они покупали ненужные вещи. Он говорит...

— Твой отец — против Готовности?

Мальчик с горечью кивнул.

Продавец вздохнул.

— Понятно, парень. Твоей вины здесь нет. — Замявшись, продавец спросил: — А в НАТС он платит?

— Нет.

Продавец ругнулся сквозь зубы. Ишь, захребетник! Все жители города платят тридцать процентов от своих доходов на общую систему защиты. А он — в стороне, хотя ведь защищают и его тоже.

— А твоя мать? Она с ним заодно?

— Она... — Майк запнулся. — Позвольте, я спущусь на секундочку? Только один раз!

— Слушай, парень, это ведь не аттракцион. Незачем туда попусту лезть... А как становятся противниками Готовности? Ну вот твой отец — он что, всегда был против?

— Он говорит: люди покупают столько автомобилей и стиральных машин, сколько им нужно. Но ведь никто не знает, сколько требуется НАТС и бомбоубежищ. Он говорит, что заводы без конца могут делать оружие и противогазы, пока люди боятся, что их убьют. Если человек не желает менять машину каждый год, он ездит на старой. А страх за себя и за детей заставляет каждый год менять убежище.

— Ты веришь ему?

— Мне бы хотелось, чтобы у нас было убежище — вроде этого. Я бы спал только в нем, каждую ночь. Случись чего, а я в убежище!

— Войны может и не быть, — сочувственно сказал продавец.

— Может и не быть. А если будет?

— А ты попроси отца: пусть придет, — предложил продавец, замявшись. — Вдруг мы его уговорим. У нас удобный график выплат. Пусть спросит Билла О'Нила.

Майк Фостер брел прочь по темной вечерней улице. Он знал, что давно должен быть дома, но тело его отяжелело и обмякло, ноги заплетались. Усталость напомнила ему вчерашние слова учителя физкультуры, когда они учились задерживать дыхание (набрав полные легкие воздуха, бежали, кто сколько сможет). У него ничего не вышло: он остановился первым, вытолкнув весь воздух из легких и яростно отдуваясь.

— Фостер! — сердито закричал тренер. — Ты

мертв! Понял? Будь кто газовая атака... — он устало покачал головой. — Ступай, тренируйся самостоятельно. Добивайся лучших результатов, если хочешь выжить.

Но Майк не надеялся выжить.

Ступив на крыльцо своего дома, он заметил свет в гостиной. Послышался голос отца, мать что-то ответила из кухни. Закрыв за собой дверь, Майк принялся стягивать пальто.

— Это ты? — спросил отец. Он сидел, развалившись на стуле. На коленях — ворох пленок и бумаг из магазина, где он торговал мебелью.

— Куда ты пропал? Обед полчаса как готов. — Отец снял пиджак и закатал рукава. Руки бледные, тонкие, но мускулистые. Редущие волосы, темные большие глаза. По лицу разлита привычная усталость.

— Извини, — сказал Майк.

Отец посмотрел на карманные часы — наверное, единственные в городе.

— Чем же ты занимался? — он взгляделся. — Что-нибудь случилось?

— Я ходил в центр, — ответил Майк. И с вызовом добавил: — Смотрел новое убежище.

Отец молча сгреб со стола бумаги и затолкал их в папку. Тонкие губы затвердели, на лбу собрались морщины. Майк, словно не замечая, двинулся к стенному шкафу, повесил пальто на вешалку и повернулся в тот момент, когда мать вкатила в столовую столик с тарелками.

Они ели молча, не глядя друг на друга. Первым не выдержал отец.

— Наверное, такой же хлам, как и предыдущие модели. Чуть больше безделушек и хрома.

— Там есть лифт, гарантированный от поломки. На полпути не застрянешь.

— А через полгода они выбросят новую модель — с фильтром усовершенствованной конструкции. А через полгода — еще.

Майк помалкивал. Все это он уже слышал.

— Давай купим старую модель, — наконец сказал он. — Любую, можно даже подержанную.

— И сколько же просят за эту.

— Всего сто тысяч.

Отец вздохнул.

— Всего...

— У них удобный график выплат!

— Как же иначе? Плати всю оставшуюся жизнь. Проценты, налог, проценты на налог... Гарантия на какой срок?

— Полгода.

— Ну конечно же...

Боб Фостер покраснел. Вся жизнь он по крохам собирал дарованное судьбой: работу, деньги, магазин, должность бухгалтера, потом менеджера и, наконец, владельца.

— Нас запугивают, чтобы мельница верте-

лась, — в отчаянии выкрикнул он жене и сыну. — Не желают, чтобы начался спад производства. Убежища, система безопасности — становой хребет этой дикой экономики.

— Боб, прекрати. Нет сил терпеть, — раздельно и внятно произнесла Рут Фостер.

Фостер-старший оторопел.

— Рут, ты что? Ты ведь знаешь, у нас ницента лишнего. В торговле затишье. Налоги...

Тонкое лицо миссис Фостер вспыхнуло.

— Ты должен купить убежище! Я не могу больше ловить на себе эти взгляды. Я не могу слышать фразы, которые бросают мне вслед. Ты — единственный в этом городе против Готовности. Все, кроме нас, платят за то, что эти штуки кружатся над городом.

— Нет, — ответил Боб Фостер, — я не могу.

— Почему?

— Потому что не могу себе это позволить, — просто ответил он.

Наступило молчание.

- Ты все вложил в магазин, — выговорила Рут в конце концов. — И все равно он прогорает. Ты словно крыса, таскающая в свою нору любой мусор. Никому сейчас не нужна мебель из дерева. Ты — анахронизм, пережиток, диковина. — Она хлопнула по столу, и он подпрыгнул, будто перепуганное животное, торопливо собрал пустые тарелки и тронулся в кухню. Тарелки болтались в посудомоечном отсеке.

Боб Фостер тяжело вздохнул.

- Не будем сейчас об этом. Поговорим попозже, когда успокоимся.

— Всегда «попозже», — с горечью произнесла Рут.

Муж исчез в гостиной. Сгорбленная фигура с реденькими серыми волосами. Лопатки выпирали, как сломанные крылья.

В гостиной царил тишина. Ну кухне Рут устанавливала программу для плиты на следующий день. Сбросив обувь, Боб Фостер растянулся на диване. Голова его покоилась на подушке, лицо посерело от усталости.

— Тебя можно кое о чем спросить, — произнес Майк, чуточку поколебавшись.

Отец зашевелился и со стоном открыл глаза.

- О чем?

Майк уселся напротив.

- Расскажи мне еще раз, как ты дал Президенту совет.

Фостер-старший приподнялся.

- Я не давал Президенту никаких советов, просто разговаривал с ним.

— Расскажи, а?

- Я ведь рассказывал миллион раз... Ну, хорошо. Ты был совсем маленьким, когда это произошло, — отец постепенно смягчался, углубляясь в прошлое. — Ты едва-едва начал

ходить, я нес тебя на плечах.

— А зачем ему сдался наш город? — с жадным любопытством спросил мальчик. Президент был его кумиром, Майк восхищался им жервенно и пылко.

— Да просто рекламная поездка по городам страны, внезапно ожесточился отец.

Посмотреть, как мы живем. Много ли накупили НАТС, убежищ, бацилл чумы и радаров. Корпорация «Дженерал Электронике» только начала возводить свои громадные выставочные залы — все яркое, блестящее, дорогое. Первые системы защиты для домашнего пользования. — Губы отца скривились. — Удобные графики выплат! Реклама! Плакаты! Проекторы! Бесплатное пиво и цветы для дам!

Горло Майка сжалось.

— Это был тот самый день, когда мы получили флаг Готовности, — вымолвил он со страстью. — Он приехал, чтобы вручить нам наш флаг. Когда флаг подняли в центре города, все замерли!

— Ну да, вот уж повезло. Немного городов в то время имело свой флаг. Люди покупали машины и телевизоры. До них еще не дошло, что хорошие деньки миновали.

— Он приехал сюда, проделав огромный путь! И ты разговаривал с ним!

— Вернее, я сказал ему несколько слов. Все выкрикивали приветствия, флаг взвился к небу, а я сказал ему: «Это все, что вы привезли нам? Полоску зеленой материи?» — Отец затаился сигаретой. — С тех пор я и стал против Готовности.

— Президент когда-нибудь вернется?

Боб Фостер сел на диване и тускло спросил;

— Сколько стоит эта треклятая штука?

Сердце Майка остановилось.

— Сто тысяч долларов.

— В субботу твоя мать, ты и я вместе пойдем в этот магазин. Скоро начнется сезон. В это время года у меня обычно дела идут неплохо — люди берут деревянную мебель для рождественских подарков. — Он резко встал с дивана. — Мы купим это чудовище. Ты доволен?

Задыхаясь от восторга, Майк сумел только кивнуть.

* * *

Убежище установила проворная бригада рабочих — за дополнительную плату. Двор позади дома был быстро прибран, земля и кустарник водворены на место, а счет деликатно подsunут под входную дверь. Опустевший тягач, доставивший покупку, загромыхал обратно по улице, и в округе все стихло.

Окруженные группой восхищенных соседей, Майк с матерью стояли на заднем крыльце.

— Теперь у вас есть убежище, — произнесла миссис Карлайл. — Самое лучшее.

— Верно, — подтвердила Рут Фостер, купаясь в лучах благожелательности, подкрашенной завистью. Она уже и забыла, когда соседи в последний раз приходили к ним.

— Теперь вам есть, где укрыться, — сказал мистер Дуглас с нижней части улицы. Он полистал инструкцию. — Тут говорится, что вы можете сидеть здесь хоть целый год. — Он уважительно покачал головой. — Моя модель рассчитана на восемь месяцев! Вот я и подумываю, а что если...

— Нам этого вполне хватит, — вмешалась его жена, но в ее голосе слышалась затаенная тоска. — Рут, можно спуститься в убежище?

Майк издал звук, словно его душили, и резко подался вперед. Мать понимающе улыбнулась.

— Сначала туда спустится Майк — честно говоря, все это сделано ради него.

Поеживаясь от пронизывающего сентябрьского ветерка, мужчины и женщины наблюдали, как Майк подошел к убежищу и замер в нескольких шагах от входа.

Осторожно, словно боясь коснуться чего-нибудь, он вошел. Под его тяжестью включился лифт и с чуть слышным шелестом заскользил по угольно-черной шахте и бесшумно остановился.

Мальчик выбрался наружу. Лифт пошел вверх, герметично закупоривая шахту — непроницаемая пробка из стали и пластика.

Автоматически зажегся свет. Убежище пока было пустым — мебель установят позже. Пахло лаком и машинным маслом. Внизу монотонно гудели генераторы. Присутствие Майка действовало системы очистки и дезактивации.

Подтянув колени, мальчик с серьезным видом уселся на пол. Слышно только гудение генераторов. Полная изоляция от внешнего мира. Майк очутился в маленьком замкнутом пространстве. Здесь есть все, что нужно для жизни. Он мог бы остаться здесь навсегда, зачем ему выходить на поверхность? Здесь ни тревог, ни волнений. Лишь покойная песнь генераторов да строгая белизна стен.

Майк издал громкий ликующий крик. Эхо отразилось от стен, оглушило его своими раскатами. Он крепко зажмурил глаза и сжал кулаки. Все его существо словно вибрировало от восторга. Он снова крикнул, позволяя лавине звуков обрушиться на него. Близость стен усиливала голос, делая его взрослым и могущественным.

— Привет, Майк!

— Майк, как дела?

— А можно к тебе сегодня зайти?

Майк был в центре внимания, но сегодня это его почему-то не пугало. Он с безразличным видом шествовал между партами, едва отвечая на приветствия.

После занятий к нему подошла миссис Каммигс.

— Я слышала, твой отец сделал взнос в НАТС?

— Да, миссис Каммигс.

— И ты получил разрешение на наше школьное убежище?

Мальчик с радостью показал ей маленькую синюю, печатку, закрепленную на запястье.

— Я рада за тебя, Майк. Ты теперь — за Готовность. Впрочем, не в этом дело — просто ты стал таким, как все.

* * *

На следующий день машины новостей на все лады перемалывали сенсацию — противник приступил к производству кумулятивных пуль.

Боб Фостер стоял посреди гостиной. Худое лицо покраснело от ярости и отчаяния.

— Заговор какой-то, черт побери! — кричал он.

— Успокойся, — раздраженно отозвалась Рут. — Ты, по-моему, думаешь, что весь мир занят только тобой. Оружие совершенствуется: на той неделе это были снежинки, проникающие в корни знаков, теперь вот — кумулятивные пули.

Или ты полагаешь, что, стоило тебе купить убежище, как все прекратилось?

Муж и жена с досадой смотрели друг на друга. Боб Фостер спросил:

— Что же мы будем покупать теперь?

Рут направилась в кухню.

— Я слышала, что налаживают выпуск адаптеров. В продажу собираются пустить что-то вроде защитного экрана. Устанавливаешь генераторы по углам убежища — и пули взрываются в воздухе.

— Сколько?

— О цене не говорили.

Майк съехался на диване. Он узнал об этом еще в школе. Ученики выполняли контрольную, определяя, какие из диких ягод ядовитые, а какие съедобные. Неожиданно зазвенел звонок, и объявили общее собрание. Директор сообщил новость про кумулятивные пули, а потом заодно прочитал лекцию о лечении новой мутации тифа.

— Придется купить, — мягко сказала Рут. — Соседи уже размечают площадки для генераторов.

— Покупаю! — объявил Боб Фостер. — Покупаю экран против пуль, покупаю все, что появится в продаже! Если не куплю — погибну! Отличная торговая ловушка. Покупай или помирай — вот новый девиз. Немедленно

ставь новую сверкающую модель «Дженерал электронике»! Иначе тебя прикончат.

- Хватит! — отрезала Рут.

Муж встал из-за стола.

— Хватит так хватит. Пойду покупать.

— Значит, у нас будет экран! Их, кажется, начнут продавать к Рождеству.

- Ах да, к Рождеству. — Странное выражение мелькнуло на лице Боба. — Я куплю эту штуковину на Рождество, как и любой другой лояльный гражданин! * * *

Майк Фостер продирался сквозь толпу, заполнившую улицу в декабрьских сумерках. Адаптеры сверкали в каждой витрине. Всех форм и размеров, для любого типа убежища. И цена — на любой кошелек. Люди шли взволнованные и веселые — типичная рождественская толпа. Из-за порывов летящего снега воздух казался белым. Машины осторожно лавировали на запруженных улицах. Огни, неоновые экраны, ослепительные витрины магазинов сияли со всех сторон.

Дом Майка был пуст и погружен в молчание. Родители еще не возвратились: дела шли неважно, и мать тоже пошла работать в магазин.

В доме он пробыл недолго. Сердце колотилось от волнения. Майк прошел в заднюю часть дома и вышел на крыльцо. Заставив себя остановиться, повернулся и снова вошел в дом. Лучше, если он перестанет торопить события. Каждый момент ритуала был им отработан до мелочей. Путешествие под землю он превратил в искусство — ни одного лишнего движения. Каждый день после обеда он спускался вниз — под защиту стального безмолвия. Теперь убежище уже не было пустым. Его заполнили ряды пищевых консервов, подушки, книги, видеокассеты, гравюры на стенах, яркие ткани, холсты и краски. Убежище принадлежало ему. Там он лежал, свернувшись калачиком, окруженный всем необходимым.

Мальчик прошел в дом как можно медленнее и принялся рыться среди кассет. Он просидит в убежище до ужина, слушая «Ветер в ивах». Родителям известно, где его искать. После ужина он снова укроется внизу, пока не настанет время ложиться в кровать. Иногда поздно ночью, когда родители засыпали, он тихонько вставал, выходил наружу и спускался в безмолвную глубину убежища. Чтобы укрыться там до утра.

Кассета нашлась. Он поспешил на заднее крыльцо. Небо было тускло-серым, бесформенные черные тучи постепенно съедали его. Двор казался холодным и враждебным. Он неуверенно сошел по ступенькам — и окаменел.

Перед ним зияла пустотой огромная дыра, словно беззубый рот, растянутый в зевке.

Трудно сказать, сколько он простоял так, сжимая в одной руке кассету, а другой вцепившись в перила крыльца.

Наступила ночь. Мертвая дыра растворилась в темноте. Постепенно весь мир погрузился в бездонную черноту. Взошла бледная звезда, в соседних домах загорелись неяркие, равнодушные огоньки. Майк не двигался.

Сзади послышались шаги.

— Майк, извини, что так получилось...

Отчаянным усилием мальчик заставил себя повернуться.

— Ты рано пришел, — пробормотал он.

— Я хотел быть дома, когда ты вернешься из школы...

— Его забрали.

— Да, — голос отца звучал ровно и безучастно. — Прости, Майк. Я сам попросил их.

— Почему?

— Не в состоянии платить за убежище. А тут еще эти экраны-адаптеры. Я не могу участвовать в этих гонках. — Он смолк, потом сказал с несчастным видом. — Они повели себя чертовски прилично. Вернули половину стоимости.

Майк молчал.

— Постарайся понять, — взмолился отец, — мне пришлось воспользоваться капиталом, который я наскреб для торговых операций. А поступлений нет. Вопрос стоял так: либо убежище, либо магазин. И если расстаться с магазином...

— То у нас ничего не останется.

Отец взял его за руку.

— А убежище все равно пришлось бы вернуть. — Тонкие пальцы отца судорожно сжимались и разжимались. — Мы еще купим убежище, может, не самое большое и дорогое, но купим! Произошла ошибка, я не рассчитал наши силы. Ну а взносы в НАТС я буду делать, и на школьное убежище тоже. Это мы потянем, — заключил он расстроено.

Майк двинулся прочь.

- Куда ты? — отец бросился вслед. — Вернись! — Боб Фостер сделал решительную попытку схватить мальчика, но в темноте споткнулся и упал, неловко подвернув ногу. Охнув от боли, он привстал, нащупывая, за что бы ухватиться.

Двор был пуст. Сын исчез.

* * *

Билл О'Нил устало посмотрел на настенные часы. Половина десятого. Наконец-то можно закрывать это сверкающее чудовище.

— Слава тебе, Господи, — пробормотал он, придерживая дверь для пожилой дамы с пакетами и свертками. Набрав код на панели, он опустил шторы и закрыл все двери в магазин.

- Ну и народищу! Никогда столько не видел.
— Все ушли? — спросил Эл Коннерс из-за кассы. — Пройдись проверь, вдруг кто застрял.
О'Нил двинулся вдоль прилавков. Вот, наконец, и убежище — его он всегда осматривал последним.

С легким шелестом лифт пошел вниз, и через секунду О'Нил оказался словно в пещере, внутри убежища.

В углу сидел сжавшийся в тугой комок мальчуган. Колени -задраны выше подбородка, тощие руки обхватили лодыжки. Лицо опущено вниз, торчат лишь пряди каштановых волос. Он не шевельнулся даже тогда, когда изумленный продавец приблизился к нему.

— Боже мой! — воскликнул О'Нил. — Тот самый мальчишка!

Майк молчал. Он прижал лоб к коленям, будто пытался спрятаться.

- Какого черта ты тут расселся? — вскричал продавец. Возмущение его росло. — По-моему, твои родители купили убежище. — Тут он вспомнил. — Ах, да, мы ведь забрали его обратно...

Из лифта вышел Эл Коннерс.

— Ты что, застрял? — Тут он увидел мальчика. — А этому что здесь надо?

- Пошли, парень, — мягко произнес О'Нил. — Пора домой.

Майк не шевельнулся.

— Кажется, придется его тащить на себе, — угрюмо сказал Коннерс. Он снял пальто и кинул на прибор дезактивации. — Хватит, пора отчаливать.

Мальчишка сражался отчаянно, отбиваясь и царапаясь ногтями, кусаясь и колршматя

руками куда попало. Они то ли внесли, то ли втащили тело в лифт. Эл Коннерс с угрюмой сноровкой подвел мальчугана к выходу и вышвырнул за дверь.

- Ух, — выдохнул Коннерс, приваливаясь к прилавку. Рукав пальто был оторван, щеки поцарапаны, очки держались на одной дужке, волосы взъерошены.

— Надо бы вызвать полицию. У этого сопляка не все дома.

О'Нил стоял у двери, восстанавливая дыхание. Он заметил, что мальчик уселся на тротуар.

— Он еще тут, — пробормотал продавец.

Прохожие равнодушно толкали паренька. Он поднялся и исчез в темноте.

— Все, что нам нужно сейчас, — это добрый глоток виски, — сказал Коннерс. — Пошли, у меня есть заправка. Угощаю.

Майк Фостер бесцельно брел по темной улице среди рождественской толпы. Люди толкали его, но он ничего не чувствовал. Кругом огни, смех, автомобильные гудки, музыка. Внутри была пустота, в голове мертво и пусто. Он шел, как автомат, лишенный разума.

В сгустившейся ночной тьме мерцала и мигала кричащая неоновая надпись. Яркая, огромная, цветная:

МИР ЗЕМЛЕ. ДОБРАЯ ВОЛЯ ЛЮДЯМ.

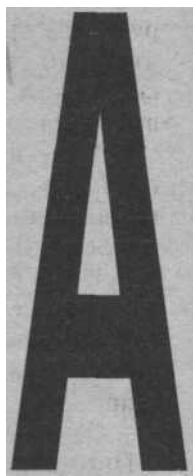
ОБЩЕСТВЕННОЕ УБЕЖИЩЕ: ВХОД - 5
долларов.

*Перевела с английского
Нина ЗНАМЕНСКАЯ.*

Александр
Дынкин,
доктор
экономических наук

ОСТРОВ, ИЛИ НОВАЯ АТЛАНТИДА

Не правда ли,
Америка
Филипа Дика,
при всех
фантастических
допусках,
напоминает что-то
родное и близкое...
Если отвлечься
от душевных
коллизий
семьи,
автор рисует
вполне достоверную
картину общества,
построенного
на «капитале страха».
Об этом —
беседа нашего
корреспондента,
Владимира Губарева
с заместителем
директора
института
Мировой экономики
и международных
отношений
Александром Дынкиным.

Александр Александрович, насколько убедительна модель общества, нарисованная Филипом Диком, когда, скажем, 80% производства замкнуто на создании убежищ, НАТО и Т.д.?

- С литературной точки зрения, это, возможно, убедительно, с экономической — вряд ли. Или, точнее, только если есть колоссальный спрос на эти убежища вовне. Тогда страна — экс-

портер убежищ в обмен на них приобретает то, что ей необходимо. В противном случае экономика рухнет под тяжестью ВПК, что мы и наблюдаем в нашей державе.

— **Возможна ли ситуация партнерства соперников, такой баланс, когда никто не нападает, но наличие противника оправдывает гонку вооружений?**

- До определенного предела это возможно, пока не будут исчерпаны материальные ресурсы. «Коэффициент зла» гонки вооружений для нашей страны оказался большим, чем для американцев. Хотя и на них она сильно сказалась. Достаточно отметить, что за это время Япония и ФРГ, которые сумели избежать участия в гонке вооружений, догнали США по производительности труда и уровню жизни.

На какой-то момент милитаризация может дать импульс экономике, но потом начинает ее подрывать. Это как наркотик - если его использовать в небольших дозах организм к нему привыкает... Знаете, с чем я бы сравнил наш ВПК? Мне иногда приходит такая аналогия: создали в районе архипелага Новая Земля искусственный остров с искусственной атмосферой, где произрастают самые чудовищные и немислимые растения: весьма экзотические — часть из них смертельна, часть способна приносить какое-то облегчение человечеству. Но сейчас вот что происходит. После неудачных попыток конверсии мы вынуждены прекращать обогрев атмосферы всего острова. Но без такого подогрева наши экзотические растения начинают быстро умирать.

— **Как бы вы попробовали подобный остров реорганизовать?**

— Вы знаете, этот остров, подобно Атлантиде, уникален. Ведь, в тех же США считанные фирмы на 75-80% выполняли заказы Пентагона. В основном же фирмы были диверсифицированы, т. е. производили «параллельно» гражданскую и военную продукцию. Известный «Боинг» даже в «лучшие годы» лишь немногим более 50% своей продукции ориентировал на военные нужды. Остальное — на гражданский рынок. Или даже чисто военная фирма — скажем, «Мартин Мариетта», — даже она далека от проблем нашего

острова, поскольку кредиты брала на рынке финансовых ресурсов, как и рабочую силу - на рынке трудовых ресурсов. На равных со всеми правах она приобретала сырье, материалы, энергию, конкурируя с гражданскими фирмами. Никаких спецпоставок, спецсырья, никаких льгот и привилегий, в том числе и в социальной сфере.

— **Но наш ВПК наиболее часто сравнивают не с американским, а с германским или японским накануне II мировой войны. Они же, насколько известно, довольно успешно решили проблемы конверсии после войны.**

— Во-первых, это были оккупированные страны, и конверсия проходила под мощным силовым давлением держав-победительниц. Во-вторых, в тот период, т. е. в конце 40-х — начале 50-х годов направления военных и гражданских технологий не разошлись так необратимо, как это произошло сейчас. Есть такой анекдотический пример. В Японии одна фирма осуществила свою конверсию в течение двух недель. Потому что перестала выпускать кресла для истребителей и начала их делать для парикмахерских. Это блестящий образец совместимости, которая теперь вряд ли возможна...

Последний такой пример, когда крупная техническая система была перенесена целиком из военной сферы в гражданскую, приходится на конец 50-х годов. Американский пассажирский реактивный самолет «Боинг-707» был сделан целиком на базе топливозаправщика «КС-135», который «Боинг» создал по заказу Пентагона. А потом, грубо говоря, проделали окошки и поставили кресла, и получил пассажирский самолет. Сегодня заимствование систем целиком из военного производства в гражданское исключено. Скажем, самолет-невидимка «Стелле». Эта технология для гражданской авиации бесполезна.

Поэтому сейчас можно говорить только об отдельных узлах, отдельных компонентах...

И, кстати, на Западе уровень технологии в гражданском секторе часто выше, чем в военном. ЭВМ пришли с «гражданки», средства транспорта, связи, вычислительная техника развиваются в гражданских отраслях под влиянием конкуренции интенсивнее, чем в военных.

— **Вы считаете, что судьба нашего острова фатальна? Или все-таки что-то можно сделать? Можно определить хотя бы векторы?**

- Можно говорить только о подходах. Во-первых, надо сохранить то, что мы имеем — научно-творческий потенциал. Т. е. необходимо продолжать обогревать, освещать - но не весь остров, а какие-то его участки, подерживая первоклассные научно-исследовательские институты и кадры. В области авиастроения в США всего три фирмы: «Боинг», «Локхид» и «Макдональд Дуглас». А у нас — КБ и Сухого, и Микояна, и Ильюшина, и Ту-полева — наверное, десяток. Тут необ-

ходима концентрация и высокая степень избирательности поддержки. Но Россия, претендующая на роль великой державы, не может целиком уйти от технологической гонки вооружений.

Второе направление. Видимо, придется закрывать ряд серийных заводов. Часть основных фондов может быть продана с аукционов, часть консервирована. Это неизбежно.

Третье. Аукционирование подобных предприятий - это тоже форма конверсии. Поскольку здесь включается стимулирующая роль частного, хотя бы и коллективного собственника. В США проведено исследование, выполненное агентством по контролю над вооружением и разоружением, которое показало, что 85% попыток конверсии со стороны подрядчиков Пентагона оказалось обречено на финансовую неудачу. Причина — взаимоисключающая культура военных организаций и фирм, работающих на гражданский рынок. Что это значит (для нас этот урок тоже весьма важен)? В военной фирме, как и на наших заводах, после генерального директора решающее слово у заместителя по производству или по науке. В нормальной фирме, работающей на рынок, большим влиянием пользуется вице-президент по финансам или маркетингу, поскольку цель гражданской фирмы - ориентация на прибыль, на борьбу за завоевание новых рынков. Цель же наших оборонных предприятий (то же можно сказать о некоторых фирмах США) - высокие технические параметры безотносительно к удельной стоимости их достижения, объемы и сроки поставок. Т. е. культура чисто технократическая, а не экономическая. Вы помните, в конце 80-х был такой эксперимент, когда из гражданской сферы в «оборонку» передали около трехсот предприятий. Мы, потребители, этого не заметили, а ВПК проглотил все без следа.

— Но я помню и анекдот: на военном заводе пытаются собрать детскую коляску, а получается только пулемет...

- Американский опыт показывает, что конверсия идет только тогда, когда покупателем гражданской продукции военного завода — или ее основной части — остается государство. И продукция должна быть все-таки смежная. Если выпускается какая-то система управления воздушным движением, у оборонного предприятия будут даже некоторые преимущества.

Скажем, у нас заводы по производству атомных подводных лодок будут выпускать буровые установки для разработки Штокмановского газового месторождения. Вот таким должен быть поиск технологической совместности.

Недавно концерн «Мессершмит-Бельков-Блом» купила фирма «Даймлер-Бенц». Адаптацию военного производства взяла на себя гражданская фирма, ориентированная на потребительский рынок.

У нас же картина обратная - мы пе-

редавали гражданские предприятия в военную сферу.

— Я слышал, что разрядка стоила США свыше 200 тысяч рабочих мест.

— В Америке у экономики больше возможностей рассосать избыток рабочих рук. Здесь очень высока мобильность трудовых ресурсов. Американец в среднем раз в пять лет меняет работу. А у нас движение трудовых ресурсов сковано административной пропиской и отсутствием рынка жилья.

Известно, что в Москве многие оборонные предприятия уже потеряли 50% своей численности. А если брать какие-нибудь уральские «города-заводы», там возможности рабочих для оттока в другие отрасли вообще практически отсутствуют. Поэтому государственные кредиты 1992 года, предусмотренные на конверсию, на самом деле ушли в социальную сферу и на поддержание «городов-заводов». Вот видите, мы с вами говорили о фантастическом острове, а оказалось, что не остров - острова существуют в действительности.

— А возможно ли преобразовать наш остров помощью «со стороны»?

- Думаю, да. Возьмем Южную Корею. Она исчерпала собственные возможности роста и ищет новые. Уже есть примеры, когда США стремятся не пускать в Корею новые высокие технологии, опасаясь, что они по демпинговым ценам возвратятся в Америку же. Поэтому почти наверняка корейцы начнут работать на нашем рынке высоких технологий.

Но инвестиции если и пойдут, то только в мозги и совместные разработки. И это следствие тех тенденций, которые преобладают в мире. Что касается гонки вооружений, то она постепенно переходит в новую плоскость. Соперничество будет разрываться не на уровне производства оружия, а на стадии проектов и разработок, которые в любой момент можно будет осуществить в металле и пластике.

У нас принято страдать по поводу оттока кадров из «оборонки». Но обратимся к опыту тех же США после Вьетнама. Когда закрыли программу «Аполлон», в «гражданку» ушла масса специалистов, унося с собой только

свой интеллектуальный потенциал. Именно ими была создана знаменитая Силиконовая долина - центр электронной промышленности США в Калифорнии. Такие же возможности есть и у нас, скажем, в Жуковском.

— Как можно определить переживаемый нашим островом момент?

- 1992 год был чудовищным ударом по ВПК. Только в конце первого квартала стало известно о сокращении госзаказа. Все делалось варварски. И все же год пережили... Особенность нашей экономики состоит в том, что, находясь на 6 месте в мире по объему ВВП, она по его производству на душу населения занимает 72 место, а по уровню потребления на ту же душу — 82 место. Наша экономика какая угодно, но не потребительская. И найти выход на макроуровне вряд ли удастся.

Конверсию нужно повернуть к людям. Необходимо обеспечить государственное финансирование переподготовки и переквалификации кадров «оборонки», дать возможность раньше уходить на пенсию. На это у нас есть не более 5 лет. Иначе рухнет не «оборонка» — общество.

Конверсия — это инвестиционный процесс, сначала средства надо вложить, а уж потом считать «дивиденды мира».

— А какова, на ваш взгляд, «цена конверсии»?

- По данным Министерства экономики, на нее требуется 15 лет и 150 млрд. долларов. Повторяю: времени такого нет, а что касается цифры, то она, на мой взгляд, завышена примерно вдвое...

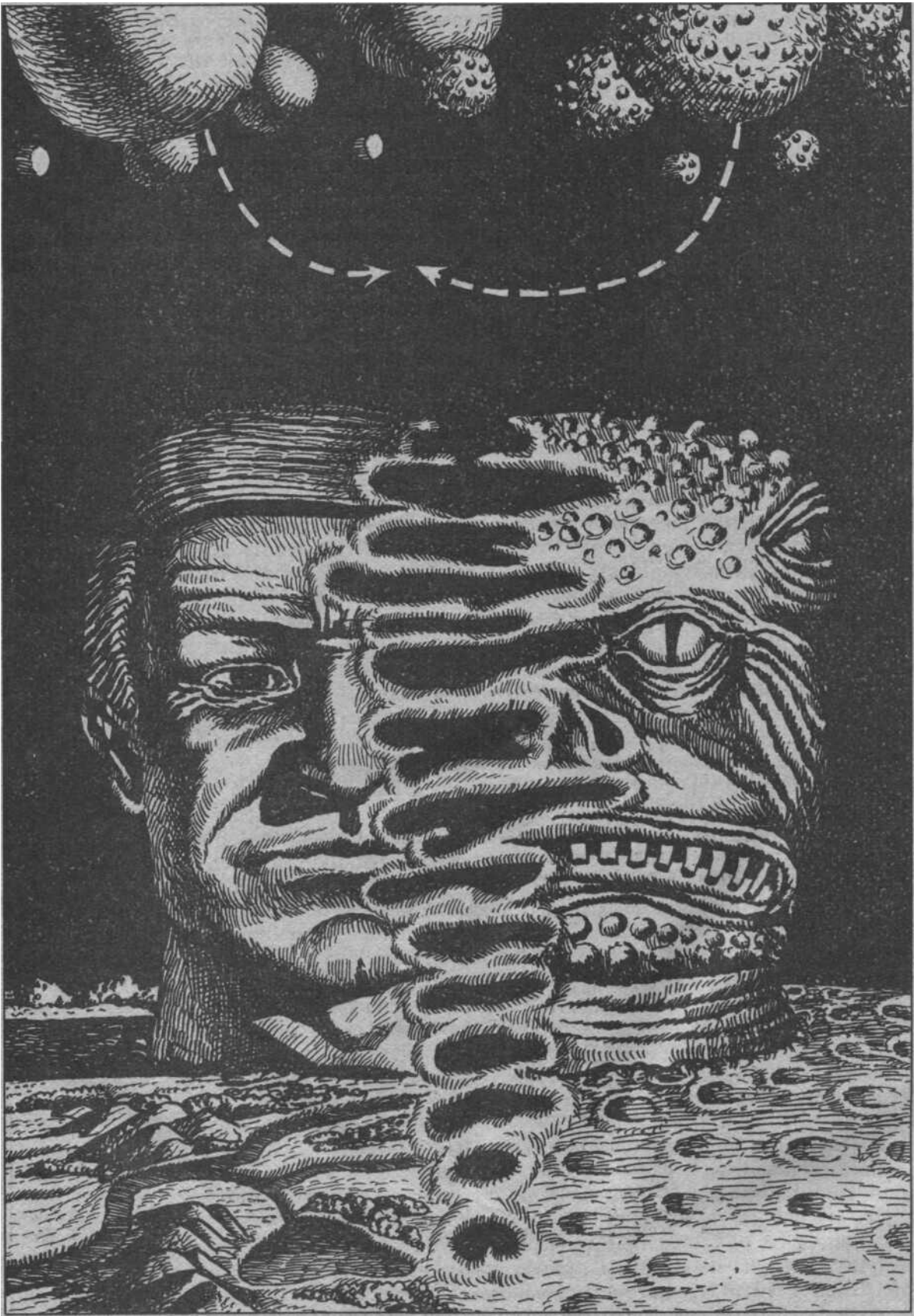
— И как все-таки вам видится будущее нашего острова?

— Я думаю, что не должно быть «островов», а должна быть нормальная экономика, которая бы работала, используя островные ресурсы. Необходимо превратить наши недостатки в достоинства. Ведь только наличие ВПК отделяет страну от почетного звания «развивающейся».

— Значит, вы полагаете, что наш остров выкарабкается?

— Если так не считать, то жить неинтересно. Ведь интересно жить, а не умирать.

А Проблемами конверсии озабочена и администрация нового президента США. По ее предложению известный эксперт в области конверсии д-р Джон Ульман подготовил ряд рекомендаций Биллу Клинтону. По его мнению, конверсия в США «поможет оздоровить промышленность и будет способствовать выходу всего мира из нынешней промышленной депрессии». Менее сложной она обещает быть для электронной промышленности и общего машиностроения, а «самые большие сложности возникнут в отраслях, занимающихся серийным производством». Серьезная проблема — переподготовка рабочих, что потребует разработки комплексного государственного плана. И, наконец, военным придется задуматься о цене своей продукции. Ульман предупредил, что не все отрасли успешно пройдут конверсию, но это не значит, что «утопающим» надо оказывать поддержку. Как видим, хотя наш остров и уникален, но в мире есть немало островов, по ком звонит тот же колокол.

СБОР ДАННЫХ

Гарри Гаррисон
Ты нужен Стальной Крысе

Блотгетт — планета обывателей. Светит оранжевое солнце, легкий бриз несет прохладу, лишь изредка нарушает тишину приглушенный шум ракет в космопорту. Спокойная жизнь. Слишком спокойная для человека, которому постоянно надо быть в боевой форме. Признаюсь, я уже начал терять ее, когда раздалась трель дверного звонка. Стоя под горячими струями душа, я расслабился, как кот, которого чешут за ухом.

— Я открою, — услышал я голос Анжелины, старавшейся перекрыть шум воды.

Сушка обдала меня потоком теплого воздуха, а распыленный лосьон слегка пощипывал нос. От удовольствия я, кажется, даже замурлыкал. Но минуты шли, а Анжелина не давала голоса.

Что-то случилось.

Не я — мои пробудившиеся рефлексy вышвырнули мое тело из ванной, заставили одним прыжком преодолеть коридор, вышибить запертую дверь и вырваться на улицу.

И все-таки я опоздал.

Два широкоплечих типа уже заталкивали Анжелину в черный автомобиль. Я успел только послать им вдогонку пару пуль из пистолета, с которым не расстанусь никогда, даже в ванной.

Но похитители быстро затерялись в потоке других машин.

Взбешенный, я ринулся в дом. Первое желание каждого лояльного гражданина — позвонить в полицию. Но я не был лояльным гражданином. Включив компьютер, я прижал большой палец к идентификатору, набрал личный код, а затем — номер черного автомобиля. Не слишком сложная задача для планетарного компьютера. Данные появились на экране сразу же, как только я ткнул в кнопку «Ответ».

Взглянув на экран, я в ярости плюхнулся в

кресло. Дело было гораздо хуже, чем я предполагал.

Только не надо думать, что я сдался. Совсем наоборот. Перед вами человек, прошедший через все передряги преступной жизни. Который немало испытал, борясь с другими преступниками в качестве агента Специального Корпуса, элитарной межпланетной организации, использующей мошенников для ловли других мошенников. То, что за эти годы я не свихнулся и не был убит, говорит о моих обостренных рефлексax и незаурядном уме. Теперь придется использовать накопленный опыт, чтобы вытащить мою любимую женушку из лап этих негодяев.

Прежде чем приступить к действиям, надо было как следует пораскинуть мозгами. Хотя день только начался, я вытащил бутылку виски и налил себе полный бокал, чтобы как следует смазать извилины.

После первого же глотка я понял, что к этому делу придется подключить ребят. Мы с Анжелиной любящие родители, и потому стремились оградить их от жестокой реальности жизни, но теперь это время закончилось. До выпуска в колледже оставалось еще несколько дней, но я был уверен, что дело можно ускорить. Только подумать — им уже восемнадцать лет. Как летит время.

Предаваясь ностальгическим воспоминаниям, я, тем не менее, времени не терял, рассовывая по карманам все, что может потребоваться. Застегнув последнюю молнию, я вбежал в гараж. Как только ворота открылись, мой ярко-красный «Файрбом 8000» с ревом вылетел на улицу, распугивая унылых граждан мирной планеты Блотгетт.

Выехав из города, я помчался по дороге, прорезавшей каменистые гряды. Холодный воздух как нельзя лучше подходил к этим сумрачным скалам. Я поежился от утреннего тумана, глядя на возвышающиеся впереди стены из грубо отесанного камня. Пока решетка крепостных ворот со скрежетом поднималась вверх, я в который раз изучил стальные буквы на табличке.

ДОРСКИ. ВОЕННЫЙ КОЛЛЕДЖ ТЮРЕМНОГО ТИПА.

Именно здесь находились мои сыновья. Пребывание в этом колледже должно было укрепить дух ребят, на которых все смотрели с предубеждением. До поступления сюда их выгоняли из двухсот четырнадцати учебных заведений. Три колледжа сгорели при странных обстоятельствах. Один взорвался. (Правда, я не верю, что попытка массового самоубийства учителей еще одного каким-то образом связана с моими сыновьями, как это утверждают злые языки.) Здесь же они нарвались на достойного противника в лице старого

полковника Дорски. Когда его вышибли из армии, он открыл это училище и приложил все свое умение, опыт и садизм, чтобы оно функционировало как следует — на его вкус. Мои ребята прошли курс, и через несколько дней после торжественной церемонии их должны выпустить на поруки. Но это мероприятие надо ускорить.

На КПП я сдал оружие, прошел рентгенконтроль и, преодолев несколько стальных автоматических дверей, вышел на плац, где уныло маршировали учащиеся. Но на лужайке из железобетонной искусственной травы я увидел двух неунывающих парней. И призывно свистнул.

После теплых объятий я поднялся с земли, отряхнув с себя пыль, и показал им, что старый пес еще может чему-то научить. Смеясь, они потирали ушибленные места. Невысокого роста — как их мама — они были мускулисты, как быки.

— Что это за приемчик с локтем, пап? — спросил Джеймс.

— Потом объясню. Я приехал, чтобы забрать вас, поскольку у мамы кое-какие неприятности.

Улыбки тут же слетели с их лиц, и они внимательно выслушали мой рассказ.

— Что ж, — сказал Боливар, — вырубим старого Дорски и смоемся отсюда...

— ...чтобы принять соответствующие меры, — закончил за него Джеймс. Им часто в голову приходили одни и те же мысли.

Мы резво направились к зданию — 120 шагов в минуту. Пройдя коридор, где к стенам были прикованы скелеты, мы подошли к главной лестнице, по которой непрерывно текла вода, и оказались возле кабинета директора.

— Сюда нельзя! — вскочил на ноги 200-килограммовый секретарь-телохранитель. Не останавливаясь, мы перешагнули через его рухнувшее тело. Дорски ждал нас с пистолетом в руке.

— Уберите оружие, — сказал я. — Дело не терпит отлагательств, и я хочу, чтобы мои сыновья покинули школу сегодня. Будьте так любезны, выдайте им свидетельства о том, что они отбыли полный срок.

— Катитесь к черту! Никаких исключений! Вон отсюда! — предложил он.

Усмехнувшись, я посмотрел на пистолет в его руке и решил, что объяснение подействует лучше, чем насилие.

— У нас неприятности. Мою жену, мать этих ребятшек, арестовали сегодня утром.

— Этого и следовало ожидать. Ваш образ жизни абсолютно неприемлем. А теперь — убирайтесь!

— Слушай, ты, тупорылый и скудоумный военный динозавр. Я пришел сюда не за

твоими советами. Будь это обычный арест, Анжелина справилась бы с ними, как только открыла дверь.

— Так в чем же дело? — несколько удивленно спросил Дорски, не опуская пистолет.

— Она ушла с ними добровольно, чтобы дать мне время. Я проверил номер их машины. Эти головорезы... — я глубоко вздохнул, — агенты Межзвездного Департамента Налогов и Сборов.

— Налоговая инспекция! — завопил Дорски, и его глаза налились кровью. Пистолет исчез в ящике стола.

— Джеймс ди Гриз, Боливар ди Гриз, шаг вперед. Я вручаю вам эти свидетельства об окончании вашей никудышной учебы. Теперь вы — выпускники Военной школы тюремного типа, и надеюсь, что, ложась спать, вы каждый раз будете вспоминать ее с проклятием на устах. Я бы пожал вам руки, но давно не занимался рукопашной борьбой. Следуйте за своим отцом и выполняйте его приказы. Благодарю вас.

— Они не причинят зла маме? — спросил Джеймс, спускаясь по лестнице.

— Ведь после этого им уже не жить, — добавил Боливар.

— Конечно, нет. Мы быстро освободим ее, как только доберемся до архивных записей.

— Что еще за архивные записи? — поинтересовался Боливар.

— Ну... Мы с вашей мамой скопили немного денег, чтобы обеспечить ваше будущее. Деньги, заработанные еще до вашего рождения...

— Деньги, украденные еще до нашего рождения, — уточнил Боливар. — Доходы от нелегальных операций в десятках разных миров.

— Но все это давно в прошлом!

— Надеемся, что нет! — хором сказали близнецы. — Что станет с галактикой, если в ней переведутся Крысы из Нержавеющей Стали? Ты же сам рассказывал нам, как ограбления банков оздоравливают экономику. Появляется работа для скучающих полицейских, газетам есть о чем писать, читателям — о чем читать, страховые компании компенсируют потери, деньги уходят в оборот, и в экономике наступает подъем. Настоящая филантропия.

— Нет! Я не хотел воспитать своих сыновей мошенниками!

— Разве, па?

— Ну... Я не хотел воспитать вас мелкими мошенниками. Я никогда не воровал у честных граждан — только у корпораций, и всегда был надежным партнером. Именно поэтому меня взяли в Специальный Корпус. С него-то и начались наши с мамой проблемы. Пока мы занимались... гм... незаконными финансовыми операциями, все было нормально, но

как только мы стали получать вполне официальную зарплату в Спецкорпусе (не скрою, приличную), мы сразу же столкнулись с людьми из налогового управления. Мы допустили мелкие неточности в наших налоговых декларациях...

— То есть, не сообщили о своих доходах? — с невинным видом спросил Джеймс.

— Да, нечто в этом роде. Лучше бы мы продолжали грабить, банки! Играя по их правилам, мы скоро увязли в аудиторных проверках и судебных разбирательствах. Есть только один способ покончить с этим раз и навсегда.

— Какой? — с энтузиазмом спросили близнецы.

— Уничтожить все данные о наших доходах в компьютере.

Глава вторая

— Внимание! — рявкнул я на манер сержанта-наставника. — Ваше дело — выполнять приказы. Вопросы задавайте лишь в том случае, когда приказ неясен. Повторяйте за мной и делайте все, что я скажу. Все ясно?

— Ясно! — хором ответили ребята.

— Где перчатки с фальшивыми отпечатками пальцев? — Они подняли руки, пластиковые перчатки блеснули в свете уличных фонарей. — Хорошо. Рад вам доложить, что на них отпечатки пальцев мэраторода и начальника полиции. Надеюсь, это усилит суматоху. Так знаете ли вы, чем вам предстоит заняться? За углом находится штаб-квартира МДНС — Межзвездного Департамента Налогов и Сборов. Там хранятся архивы их преступной деятельности...

— Ты хотел сказать, твоей деятельности, папа?

— Это с какой стороны посмотреть, сынок. Им не нравится то, чем я занимаюсь, а мне не по душе их методы работы. Сегодня мы попытаемся сравнить счет. В МДНС так просто не войдешь, поэтому мы проникнем в соседнее здание — оперный театр. Сегодня премьера — «Огненные колесницы».

В театре мы сразу прошли в туалет, где заняли три кабинки, взобравшись на унитазаы, чтобы не были видны ноги. Подождали, пока не стихли последние шаги и до наших ушей не донеслись первые пронзительные звуки оперы. Шум спускаемой воды был куда мелодичнее.

— Пошли, — сказал я, и мы принялись за дело.

Водянистый глаз на конце влажного щупальца наблюдал за их уходом. Щупальце высывалось из корзинки-для мусора. Тело, которому принадлежало щупальце, было шишковатое, уродливое, с когтистыми лапами.

Я разрешил ребятам самим отключить сиг-

нализацию. Они даже капнули немного смазки, прежде чем бесшумно открыть окно. Мы смотрели на темную громадину здания метрах в пяти от нас.

— Это оно? — спросил Боливар.

— Даже если так, как мы туда попадем? — поинтересовался Джеймс.

— Это оно, а попадем мы туда при помощи вот этой штуки. — Я вытащил из кармана предмет, по форме напоминающий пистолет. — У этой штуковины нет названия, потому что я сам ее придумал. Когда нажимаешь на спусковой крючок, из дула вылетает липшарик, за которым тянется прочная мономолекулярная нить.

Я нажал на спусковой крючок. Через секунду раздался шлепок — липшарик прилип к стене. Я нажал на кнопку, приводящую в действие механизм сматывания нити, и прыгнул в окно. Я сгнулся, вытянул ноги и, бормоча проклятия, врезался в стену. Удар пришелся на левую ногу, и даже если она не сломалась, боль была просто невыносимой. Когда я тренировался дома, такого со мной не случалось. Секунды летели, а я беспомощно висел, раскачиваясь в темноте.

Несмотря на адскую боль, о ноге мне пришлось забыть. Правой ногой я нащупал край рамы окна. Сильно оттолкнувшись от стены, я немного соскользнул вниз по мономолекулярной нити. Описав кривую, я со всего размаха врезался здоровой ногой в окно.

Разумеется, ничего из этого не вышло, так как сейчас стекла делают довольно крепкими. Но я уперся ногой в подоконник, стараясь вцепиться пальцами в раму. Именно в этот момент липшарик оторвался.

Я держался за раму тремя пальцами, балансируя на одной ноге, ненадежно стоявшей на подоконнике. Вторая нога болталась, как палка салями. Внизу чернела пустота. Одно неверное движение...

— Все в порядке, папа? — раздался за моей спиной шепот одного из близнецов.

Только невероятным усилием воли мне удалось сжать губы, чтобы с них не сорвались ругательства, которые детям слышать не полагается. Особенно от родителей. Я с трудом выдал из себя нечто похожее на «ничего...», пытаюсь удержать равновесие. Это мне удалось, хотя пальцы уже ослабли. С величайшей осторожностью я прицепил к поясу уже ненужное приспособление и сунул руку в карман, где у меня лежал стеклорез.

Обычно я сначала устанавливаю присоску, вырезаю небольшой участок стекла и открываю защелку и т. д. Но сейчас мне было не до этого. Одним движением я начертил стеклорезом неровный круг и, ударив по стеклу кулаком, швырнул в отверстие стеклорез. Подав-

шись вперед, я ухватился за раму.

Стекло громко звякнуло, ударившись о пол, и в этот момент моя нога соскользнула с подоконника. Я повис на одной руке, стараясь не замечать боль от стекла, впившегося в ладонь. Затем я медленно подтянулся на одной руке, пока не ухватился за раму.

Отдышавшись, я пробормотал пару проклятий. До меня не доносилось ни звука. Звон разбитого стекла никто не услышал. Ребята тоже молчали, хотя я знал, что они беспокоятся обо мне. Посветив фонариком, я крепко привязал конец нити к стальной трубе. Затем три раза дернул.

Через пару секунд ребята уже стояли рядом со мной.

— Мы уже начали беспокоиться, — сказал Джеймс.

— Можете закончить. Перевяжите мне руку. Вы ведь знаете, что кровь — это улика.

Порезы были неглубокими. Нога еще болела, но я уже мог на нее наступать.

Выйдя из комнаты, я быстро заковывал по темному коридору, чтобы разработать ногу. Ребята были метрах в трех позади меня, когда я завернул за угол и услышал голос:

— Ни с места, ди Гриз! Ты арестован!

Глава третья

В жизни часто бывают подобные моменты. По крайней мере, в моей жизни (не стану говорить о других). Это ужасно неприятно для тех, кто не готов к подобным ситуациям. К счастью, у меня богатый опыт. Не успело еще стихнуть эхо, как я швырнул вперед маскировочную гранату. Она глухо рванула, появилось черное облако дыма, до меня донеслись недвольные крики. Чтобы немного поразвлечь противника, я швырнул в дымовую завесу имитатор перестрелки. Повернувшись к ребятам, я приказал:

— Здесь мы расстаемся. Вот вам компьютерные коды к программам.

Боливар машинально взял их, а потом помогал головой, пытаясь привести в порядок мысли.

— Папа, может, ты объяснишь...

— Конечно. Выдавливая стекло, я знал, что даже малейший шум тут же засекут детекторы. Поэтому я сразу перешел к плану Б. По плану Б я совершаю отвлекающий маневр, а вы тем временем пробираетесь к компьютерам и завершаете операцию. Используя свое положение агента Спецкорпуса, я узнал все, что необходимо для доступа к компьютерам МДНС. Стоит только ввести нужную команду, как из памяти сотрутся все данные на людей, обитающих в радиусе нескольких световых лет. Повезет тем, чья фамилия начинается на букву Д.

— Но ведь тебя арестуют, папа! — возразил Боливар. — Мы не можем бросить тебя.

— Я благодарен вам, но ничего не выйдет. Кровь легче идентифицировать, чем отпечатки пальцев, а там наверху я оставил целую лужу. К тому же, ваша мама в тюрьме, и я жду не дожусь, когда смогу ее увидеть. Когда вы уничтожите все данные в компьютере, меня могут обвинить разве что в проникновении со взломом с неясной целью. Я внесу залог, выйду из тюрьмы, и мы навсегда распрощаемся с этой планетой. Ну, вперед!

Ребята нехотя покинули меня. Я вернулся на поле битвы, предварительно надев защитные очки и вставив носовые фильтры. У меня было полно гранат — дымовых, парализующих, слезоточивых и рвотных. Кто-то начал палить из пистолета. У него было гораздо больше шансов уложить своих товарищей, чем меня. Пройдя через дымовую завесу, я нашел его, вырубил одним ударом и забрал пистолет. Всю обойму я выпустил в потолок.

— Вам никогда не поймать Скользящего Джима! — закричал я в темноту и устроил веселую игру в прятки с этими финансовыми пиратами. Я прикинул, сколько времени понадобится моим ребятам на работу, для верности добавив еще пятнадцать минут, а потом устало плюхнулся в директорское кресло. Закурив одну из его сигар, я принял расслабленную позу. — Сдаюсь! Сдаюсь! — завопил я, обращаясь к измученным преследователям. — Мне вас никогда не перехитрить. Только пообещайте не пытаться меня.

Они с опаской вошли в кабинет. Крупные полицейские чины и целая рота вооруженных солдат.

— И все это ради меня? — спросил я, выпустив в их сторону колечко дыма. — Я польщен.

Что удивительно, повезли меня не в тюрьму. Меня захихнули в машину, и мы поехали к центру города. К моему удивлению, прежде чем войти в здание, с меня сняли наручники. Толчок в спину направил меня к двери без таблички. Дверь за мной захлопнулась, и я изумленно поднял брови:

— Какой приятный сюрприз!

— Тебя бы следовало пристрелить, ди Гриз! — рявкнул сидевший за столом человек.

Это был Инскипп, мой босс, глава Специального Корпуса, один из самых могущественных людей в галактике. Лига поручила Специальному Корпусу поддерживать межзвездный порядок, и он делал это по своим правилам. Не всегда придерживаясь буквы закона. Говорят, что только мошенник может поймать другого мошенника, и сам Инскипп служил тому примером. До того, как возглавить Корпус, Инскипп был самым талантливым мошенником во всей галактике, вдохновляя нас

своими подвигами. Я вынужден признать, что и мое поведение в былые годы трудно назвать образцовым. Но затем я стал служить обществу. Правда, добропорядочным гражданином я так и не стал.

Выхватив из кармана пистолет с холостыми патронами, я приставил дуло к виску.

— Если Великий Инскипп считает, что меня надо пристрелить, я сделаю это сам.

- Хватит дурачиться, ди Гриз, дело серьезное. Мне нужна твоя помощь.

— Разумеется. С чего бы это вы еще стали ловить меня. Где Анжелина?

- Ее выпустили из тюрьмы, и она направляется домой. Эти идиоты из МДНС не знают, что произошло с их архивами. Но я-то знаю. Впрочем, забудем об этом. В космопорту тебя ждет корабль, отправляющийся на Какалак-2.

- Захудалая планета, вращающаяся вокруг темной звезды. И что я найду в таком неудобном местечке?

— Речь идет о том, что ты там не найдешь. Там была спутниковая база, на которой проводилась ежегодная конференция начальников штабов всех флотов Лиги.

- Если я не ошибаюсь, вы сделали ударение на слове была?

- Не ошибаешься. Спутник с адмиралами бесследно исчез. Мы понятия не имеем, что произошло.

— Кто станет печалиться об их исчезновении? Я полагаю, младшие чины будут прыгать от радости...

- Ты недалек от истины, ди Гриз. Я бы и сам не очень переживал, если бы знал, что произошло. Но именно это никому не известно.

За вентиляционной вытяжкой, присосавшись щупальцами к стене, висела тварь. Поморгав огромными зелеными глазами, она издала пару чавкающих звуков и заскрежетала красными острозаточенными зубами. Тварь ужасно воляла.

— Скользкий Джим, все это кажется слишком подозрительным и совсем мне не нравится, — сказала Анжелина с видеоэкрана, пытаясь взглядом распылить меня на молекулы.

— Что ты, моя милая, — солгал я, — просто внезапное задание. Работенка на пару дней. А потом я сразу же вернусь домой. Теперь, когда ребята закончили колледж, покопайся в старых туристических проспектах и подыщи подходящее местечко для отдыха.

— Я рада, что ты вспомнил о своих сыновьях. Они заявили домой несколько минут назад, грязные и усталые. Говорят, что без твоего разрешения не произнесут ни слова.

— Скажи им: «Отец дает добро». До встречи, любовь моя. — Я послал ей воздушный поцелуй и отключил экран, прежде чем она успела

что-либо возразить. К тому времени, когда ребята закончат рассказ, я буду уже далеко в космосе, выполняя свое новое задание. Меня не так интересовала судьба нескольких сотен военачальников, как механизм их исчезновения.

Как только корабль взял курс на Какалак-2, я вскрыл пакет с документами, налил себе порцию «Пота Сириусской Пантеры» — гарантированный инфаркт в каждой бутылке — и принялся за чтение. Отложив досье, я увидел перед собой Инскиппа. Он сидел напротив меня, сверкая глазами, жуя нижнюю губу, постукивая пальцами по столу и дергая ногой.

- Нервничаете? — спросил я. — Выпейте бокальчик этого...

— Заткнись! Лучше скажи, что ты обнаружил.

— Для начала я обнаружил, что мы летим не туда, куда следует. Измените курс и направьте корабль на Главную базу Специального Корпуса, чтобы я мог поболтать с моим старым другом профессором Койцу.

— Но расследование...

— Ничего не даст. — Я постучал пальцем по досье. — Все это уже в прошлом. Военные занимались своими делами, когда внезапно по радио раздался непонятный крик «Зубы!» и эфир затих. Группа следователей, прибыв на место, обнаружила пустое пространство и никаких следов спутника. Я сумел бы обнаружить лишь то же самое. Необходимо подключить к этому делу Койцу.

— Зачем?

— Потому что Койцу специалист по спирали времени. Чтобы разобраться в случившемся, я должен увидеть все своими глазами.

- Об этом я не подумал, — пробурчал Инскипп.

— Разумеется. Вы ведь сидите за письменным столом, в то время как я — лучший полевой агент. Дайте мне одну из ваших сигар в знак благодарности за мои выдающиеся умственные способности, которые я вам столь часто демонстрирую.

Профессору Койцу мое предложение не понравилось. Покусав своими выпирающими желтыми зубами нижнюю губу, он так сильно замотал головой, что несколько седых прядей упали ему на глаза. Одновременно профессор размахивал руками.

— Вы хотите сказать, что не одобряете мою идею? — поинтересовался я.

— Безумие! Нет! Никогда! После последнего использования временной спирали у нас возникла обратная связь в статистических синергальных кривых...

- Пожалуйста, профессор! — взмолился я. - Попроше, если можно. Обращайтесь со мной и моим начальником Инскиппом, как с пол-

ными профанами в науке.

— Однажды вы уже заставили меня использовать спираль времени, чтобы спасти мир от разрушения. Затем Инскипп уговорил использовать еще раз, чтобы вытащить тебя из прошлого. Но даю вам слово: больше на это не рассчитывайте!

Инскипп доказал, что может поставить на место любого зарвавшегося ученого. Он подошел к профессору и, упершись лбом в лоб, вернее, носом в нос, выдал несколько отборных ругательств, подкрепив их недвусмысленными угрозами.

- Как вам понравится перспектива обучать тупоголовых студентов на какой-нибудь отсталой планете, где до сих пор считают, что машина времени — это обычные часы?

Два здоровенных андроида стали по бокам профессора и, крепко схватив его за руки, подняли над полом.

- Тридцать секунд на размышление, — ласково, как кобра, прошипел Инскипп.

- Мне всегда хотелось еще раз проэкспериментировать со спиралью времени, — быстро пошел на попятную профессор.

— Отлично, — сказал Инскипп. — У вас будет такая возможность. Вам предстоит отправить нашего друга на неделю назад. Готов, ди Гриз?

— Давно, — ответил я, глядя на космический скафандр и гору оборудования. — Давайте быстрее. Мне не терпится узнать, что там такое произошло, и поскорее вернуться. По опыту знаю, что подобные скачки во времени — тошнотворное занятие.

Скрученная лента спирали времени противно зеленела, и, вздохнув, я приготовился к путешествию. На какое-то мгновение я подумал, что в лапах сборщиков налогов мне было бы гораздо уютнее...

Глава четвертая

Тот факт, что я не впервые совершал путешествие во времени, отнюдь не смягчил неприятные ощущения. Меня снова закрутило в пространстве, и перед глазами заплясали звезды. Затем и они исчезли, и, наконец, я очнулся в открытом космосе. Я медленно парил в своем противоперегрузочном скафандре, любясь спутниковой станцией, когда она появилась в поле зрения — огромная, утыканная антеннами, сияющая маяками, прожекторами и иллюминаторами. И битком набитая адмиралами космофлота лиги, которые в перерывах между трапезами и возлияниями якобы решали стратегические вопросы. Что ж, их ожидает сюрприз, которого я тоже с нетерпением ждал.

Боковым зрением я заметил какое-то движе-

ние. В мою сторону несясь астронавт, оседлавший какой-то сигарообразный предмет. Я выхватил пистолет и направил его на незнакомца.

— Держи руки так, чтобы я мог их видеть и повернись ко мне. Пистолет заряжен разрывными пулями.

- Убери его, идиот! — крикнул незнакомец, все еще сидя ко мне спиной и щелкая переключателями на пульте «пиявки». — Если уж ты не знаешь, кто я такой, тогда этого никто не знает.

— Я! — сказал я, пытаюсь не выдать своего удивления.

— Нет, я. Я — это ты. Что-то в этом роде. Чертова грамматика!.. Убери пистолет, дубина!

— Теперь я понимаю, что тебе, то есть мне, пришлось отправиться второй раз назад во времени, чтобы захватить с собой эту космическую «пиявку».

Он посмотрел на часы, или я посмотрел на часы, а затем указал на спутник.

— Разуи глаза!

Зрелище действительно было потрясающим. Еще секунду назад возле спутника ничего не было, а сейчас нечто огромное приближалось к нему. Темное, продолговатое, оно внезапно раскрылось посередине, явив горящую адским огнем гигантскую пасть с острыми зубами.

«Зубы!» — раздался крик в моем приемнике. Единственное сообщение с исчезнувшего спутника — вернее, со спутника, который вот-вот должен исчезнуть. Пасть захлопнулась, поглотив станцию. Яркая вспышка ослепила меня, когда космическая «пиявка» помчалась в сторону гиганта. Заискрилось поле искривленного пространства, и непонятное создание исчезло.

— Что это было? — выдохнул я.

— Откуда мне знать? — ответил я. — Даже если бы знал, то ничего бы тебе не сказал. Возвращайся обратно, чтобы я тоже мог вернуться или ты мог вернуться... Ладно, черт с ним! Словом, вперед!

— Полегче, — проворчал я. — Не думаю, что стоит так разговаривать с самим собой. — Я нажал кнопку возврата и снова совершил малоприятное путешествие по спирали времени.

- Что ты там обнаружил? — набросился на меня Инскипп, как только я снял шлем.

— Только тот факт, что я должен вернуться в прошлое еще раз. Прикажите, чтобы для меня приготовили космическую «пиявку». А случилось вот что: какое-то чудовище появилось из подпространства рядом со спутником, раскрыло пасть, полную зубов, и проглотило спутник со всеми находившимися на нем адмиралами, как кусок кекса.

- Да ты просто пьян!

— Тогда и видеокамера тоже. Я все заснял на пленку. Можете убедиться.

— Мы должны прикрепить к нему «пиявку».

— Именно это я и сказал сам себе, запуская «пиявку» в нужном направлении. — В этот момент в комнату вкатили то, о чем я просил. — Отлично. Койцу, отправьте меня и эту штуку за пять минут до времени ноль.

Койцу что-то пробормотал себе под нос и принялся колдовать над своими приборами, а я оседлал космическую «пиявку» и отбыл в прошлое. Там я второй раз наблюдал то же зрелище, только с другой стороны. Когда я вернулся, у меня было лишь три желания: плотный ужин, бутылка виски и мягкая постель. Все это я получил, и вдобавок мог валять дурака целую неделю, пока не поступила информация от космической «пиявки». Я был рядом с Инскиппом, когда ему передали отчет, и он, выкатив глаза, прочел его дважды.

— Это невозможно, — наконец заявил он.

— Мне по душе ваш оптимизм, Инскипп. — Я взял у него отчет и углубился в чтение. Затем проверил координаты по карте. Он был прав. Почти.

Космическая «пиявка» отлично справилась со своим заданием. Я пустил ее вовремя, и она, присосавшись к чудовищу, проследовала весь путь в искривленном пространстве вместе с неведомым гигантом. «Пиявка» была запрограммирована покинуть «донора» в случае обнаружения атмосферы или космической станции. Отсоединившись, она поплыла прочь. Сделанную из неметаллических материалов «пиявку» невозможно засечь радаром. Используя химический двигатель, она пролетела через искривленное пространство, ориентируясь по сигналам ближайшего маяка Лиги, затем вышла из подпространства и заявила о своем прибытии.

Разумеется, «пиявка» сделала массу фотографий. Проанализировав снимки, компьютеры быстро определили место, где они были сделаны. Но ответ, который они выдали, казался невероятным.

— Трудно поверить, — сказал я, рассматривая карту. — Но если все здесь верно, то у меня предчувствие, что нам грозят серьезные неприятности.

Чтобы понять наше беспокойство, вы должны представлять физическую природу нашей галактики. Да, понимаю, это скучно, и только астрофизики получают наслаждение от подобной ерунды. Но без объяснений не обойтись. Представьте себе галактику в виде морской звезды. Это, конечно, не совсем так, но для нас сойдет и такой пример. Так вот, лучи и центр" составляют группы звезд, а между ними располагается космический газ, другие звезды и тому подобное. Надеюсь, я не

запутал вас, потому что сам уже сбился с толку. В любом случае, все звезды, входящие в Лигу, находятся в правом верхнем луче. Есть еще пара звезд ближе к центру и совсем немного — в правом и левом лучах. Понятно? Так вот, похоже, наш зубастый пожиратель спутников прилетел из нижнего левого луча. А какая разница, спросите вы. Ведь все это в пределах одной галактики. Что ж, я вам отвечу. Эта часть галактики, где мы никогда не были, которую никогда не исследовали и откуда не ждали никаких визитеров. Там просто не должно быть обитаемых планет.

То есть планет, где способны выжить гуманоиды. За те тысячелетия, что наша раса шныряет по космосу, нам так и не удалось обнаружить другую разумную форму жизни. Мы нашли следы давно исчезнувших цивилизаций, от которых нас отделяют миллионы лет. Во времена первой колониальной экспансии космические корабли Звездной Империи летали во всех направлениях. Но затем наступил Распад, и на многие тысячи лет все связи были оборваны. Только сейчас мы снова начинаем контактировать с другими цивилизациями. Лига пытается собрать то, что было рождено в начальную эру.

Но сейчас мы столкнулись с неизвестностью.

— Что ты собираешься делать? — спросил Инскипп.

— Я? А что, собственно, вы хотите?

— Слушай приказ. Ты, ди Гриз, отправишься туда и проведешь расследование.

— Я и так в последнее время загружен работой. В вашем распоряжении флот тысяч планет, разве что без адмиралов, и бесчисленное количество агентов. Задействуйте кого-нибудь из них.

— Нет. Думаю, что отправить туда обычный патруль, это все равно, что попросить их прогуляться внутри ядерного реактора.

— Несколько туманное объяснение, но суть понятна.

— Надеюсь. Ты мой лучший агент. У тебя настолько развит инстинкт самосохранения, что убить тебя практически невозможно. Я полагаю, что твой извращенный ум мошенника поможет тебе и на этот раз. Отправляйся туда, проведи расследование и возвращайся обратно с подробным отчетом.

— Адмиралов тоже прихватить с собой?

— Если захочешь.

— Вы такой же бессовестный и бессердечный негодяй, Инскипп, как и я сам.

— Естественно. Как, по-твоему, можно иначе руководить Специальным Корпусом?

Мне надо было хорошенько все обдумать. Я не мог улететь, не сообщив об этом моей Анжелине, а стоит ей узнать о грозящей мне

опасности, она тут же потребует взять ее с собой. Ну что ж, может, это и неплохо. Учитывая ее таланты, лучше пусть со мной будет она, чем весь остальной Специальный Корпус. А как быть с ребятами? Ответ очевиден. Судя по всему, их ожидает либо карьера отъявленных мошенников, либо агентов Спецкорпуса. Пора проверить их в деле, и это как раз подходящий случай. Итак, все решено. Я встряхнул головой, осознав, что несколько минут тихо разговаривал сам с собой. Инскипп с подозрением наблюдал за мной, держа палец на кнопке вызова охраны.

- Экипаж я подберу сам, но мне нужен полностью автоматизированный крейсер со всем вооружением и прочим.

- Хорошо. Он будет здесь через двадцать часов. У тебя есть время, чтобы собрать вещи и составить новое завещание.

- Я тронут вашей заботой. Мне нужно позвонить по пси-связи.

Через центр коммуникаций я связался с психологом на Блотгетте и уже через несколько секунд разговаривал с Анжелиной.

- Привет, любовь моя, — сказал я. — Угадай, где мы проведем наш отпуск?

Глава пятая

— Классный корабль, па! — воскликнул Боливар, осматривая пульт управления крейсера «Д. С. Гнашер».

- Крейсера такого класса считаются лучшими в галактике.

— Даже есть централизованное управление огнем. Ого! -- сказал Джеймс, нажимая на кнопку, прежде чем я успел его остановить.

— Тебе не обязательно было уничтожить этот метеорит. Он абсолютно не мешал, — недовольно пробурчал я, отключая оружейные системы, пока он не натворил чего-нибудь еще.

— Дети есть дети, — с материнским терпением сказала Анжелина.

Я принялся шелкать переключателями, пытаясь привести мысли в порядок. Что за семейка — никто не хочет подчиняться. Надо быть с ними построже.

— Слушайте приказ. Стартуем через пятнадцать минут. Затем направляемся к точке в космосе, определенной космической «пивкой». Мы выйдем из искривленного пространства ровно на одну и пять десятых секунды, чтобы произвести необходимые замеры. Затем автоматически вернемся и проанализируем полученные данные. Дальнейшие действия определим позже. За неповиновение — расстрел на месте. Все понятно?

— У тебя настоящий командирский голос, — пробормотала Анжелина, поднося к губам бокал с шампанским. По ее тону трудно было по-

нять, что она имела в виду. Я решил оставить ее реплику без внимания.

— Тогда за дело. Боливар, я знаю, что у тебя хорошие оценки по навигации.

— Пришлось выучить. Нас привязывали цепями к партам и оставляли без еды, пока нам не удавалось сдать зачет.

— Неважно. Все это осталось позади. Установи курс к цели и покажи мне его, прежде чем введешь в компьютер. А ты, Джеймс, составь программу сбора информации.

— А мне что делать, любовь моя?

- Открой еще одну бутылку шампанского, дорогая, и полюбуемся, как работают наши сыновья.

Оба они прекрасно справились с заданием. Никто из них не жаловался, понимая всю ответственность за происходящее. Я несколько раз проверил результаты их работы и не смог ни к чему придаться.

— Награждаю каждого из вас Золотой Звездой. Можете взять по два куса торта.

— От него портятся зубы, папа. Может, вместо него ты нальешь нам шампанского?

— Конечно. Пора произнести тост. За успехи

Мы чокнулись и пригубили шампанское. Затем я нажал на кнопку старта. Мы взлетели. В подобных путешествиях обычно нечего делать, так как за всем следит компьютер. Близицы облазили весь корабль и изучили по техническим описаниям все его детали. Мы с Анжелиной тоже нашли себе занятие и прекрасно проводили время. Пока не запищал сигнал тревоги. Мы подготовились к выходу из подпространства. Все собрались в центральной рубке.

— Пап, ты знаешь, что у нас на борту два патрульных катера? — спросил Боливар.

- Знаю. Полезная вещь. Приготовьтесь к выходу. Но сначала мы все наденем бронированные скафандры.

— А это еще зачем? — спросил Джеймс.

— Потому что тебе так сказали. — В голосе Анжелины звучали металлические нотки. — Если бы у тебя работали мозги, ты бы и сам сообразил.

Это упрочило мой авторитет, и я не отдавал больше никаких приказов, пока мы не облачили в скафандры.

Все свершилось стремительно. Мы были на месте — приборы зажужжали и защелкали — мы вернулись в исходную точку в ста световых годах отсюда. Некоторое время я не разрешал никому снимать скафандры на случай, если за нами погоня. Через полчаса мы вылезли из скафандров и принялись изучать результаты исследований.

- Поблизости ничего нет, — сказала Анжелина, рассматривая распечатку компьютера. — Но в двух световых годах — звездная система.

— Это наша следующая цель, — сказал я. — План такой. Мы остаемся здесь и запускаем «разведглаз», чтобы тот исследовал все планеты системы и передал информацию на спутниковый приемник. Спутник запрограммирован так, что тут же вернется сюда, если с «разведглазом» что-нибудь случится. Все понятно?

— Можно я запрограммирую «разведглаз»? — спросил Боливар, на секунду опередив своего брата. Молодцы! Мое сердце пело, когда я отдал им соответствующий приказ. Через пару минут спутник и «разведглаз» были в пути, а мы сели поужинать. Не успели мы поесть, как спутник сообщил о своем возвращении.

— Уж очень быстро он вернулся, — заметила Анжелина.

— Чересчур быстро. Если они сбили «разведглаз», то у них превосходная система обнаружения. Сейчас все узнаем.

Я на большой скорости прокрутил пленку, пока не дошел до нужного места. Звезда в центре экрана приближалась к нам, превращаясь в раскаленное солнце. Данные на экране компьютера указывали, что в этой системе имеются четыре планеты, и все обитаемые. «Разведглаз» направился к ближайшей планете и начал снижение. /

— Ничего себе... — прошептала Анжелина, а я лишь согласно кивнул.

Вся планета казалась огромной крепостью. Земля зияла дырами ракетных шахт, бесконечными рядами стояли боевые звездолеты.

— Смотри, — сказал я. — Вон та штука очень похожа на космического кита, который проглотил наш спутник с адмиралами. А вот и вторая, третья... Значит, это боевой корабль...

Конец сеанса наступил очень быстро. По экрану пошли полосы, и он погас.

— Кажется, они не очень дружелюбны, — сказал я, наполняя бокал нетвердой рукой. — Запиши все это и отправь на ближайшую базу. Пусть пси-оператор немедленно передаст сокращенный отчет. А пока у меня родился кое-какой план. Согласны попробовать?

— Ты ведь капитан, дорогой, — сказала Анжелина, и по ее голосу я понял, что она действительно так считает.

— Я предлагаю найти какой-нибудь астероид подходящего размера, выдолбить изнутри и спрятать там один из патрульных катеров. Затем мы выведем его на орбиту, и он обследует другие планеты, чтобы собрать как можно больше информации.

После небольшой дискуссии — никто не смог предложить ничего лучшего — моя команда согласилась. Включив радар, мы перешли на малый ход и через час натолкнулись на скопище каменных и железных астероидов. Скоро я заметил подходящую глыбу.

— Это то, что надо, — заявил я. — Нужного размера, нужной формы и из чистого железа. Мы спрячем катер в нем. Анжелина, садись за пульт и подруливай к нему. А мы с Боливаром наденем скафандры и прогуляемся туда на патрульном катере. Джеймс, ты будешь обеспечивать связь. При помощи пушки мы проделаем в астероиде дыру необходимого размера. Пустяковая работа.

Установив пушку на минимальную мощность, мы принялись долбить астероид. Когда дыра показалась нам достаточно глубокой, я застегнул скафандр и отправился на разведку.

— Выглядит неплохо, — сказал я, выплывая из туннеля. — Боливар, ты сможешь завести сюда катер, не поцарапав обшивку?

Боливар возмущенно хмыкнул.

Он прекрасно справился с заданием. Я наблюдал, как патрульный катер плавно зашел в туннель и скрылся из виду. Теперь мы могли установить на поверхности нужное оборудование, подсоединить его к кораблю и замаскировать астероид...

С астероида я отчетливо видел «Гнашер», который находился на границе зоны астероидов в двух километрах отсюда. Его иллюминаторы весело горели в межзвездной темноте. Мне захотелось поскорее вернуться и как следует отдохнуть.

Внезапно рядом с кораблем возникла огромная черная тень. Космический кит! Его гигантская пасть распахнулась и, заглотив «Гнашер», снова захлопнулась. И кит скрылся.

Я застыл, парализованный страхом.

Корабль исчез. Исчезли Анжелина и Джеймс.

Глава шестая

Мне не раз приходилось испытывать удары, но такого со мной не случилось никогда. Застыв, я сжал кулаки, в ужасе глядя на то место, где еще недавно находился корабль. Почти все прошлые беды обрушивались на меня самого, и это лишь заставляло мозг работать быстрее и насыщало адреналином кровь. Теперь же опасность угрожала не мне, а Анжелине и Джеймсу. И я не знал, как им помочь.

Наверное, я застонал, потому что до моих ушей донесся испуганный голос Боливара:

— Что происходит?!

Его крик вывел меня из оцепенения, и я метнулся к патрульному катеру. По пути я, как мог, объяснил сыну, что случилось. Когда я появился в центре управления, он смотрел на меня с побелевшим лицом.

— Что нам теперь делать? — тихим голосом спросил он.

— Пока не знаю. Искать!

Раздалась пронзительная трель, и я резко обернулся.

— Что это? — спросил Боливар.

— Общая пси-тревога. Я читал об этом в наставлениях о полетах, но не слышал, чтобы подобное случалось. — Я ринулся к пульта управления. — Как ты знаешь, радиоволны распространяются со скоростью света, поэтому, чтобы получить сигнал от станции на расстоянии ста световых лет, понадобится век. Не самый быстрый способ связи. Поэтому большинство посланий передается с одного корабля на другой с помощью пси-связи — практически мгновенно. На каждом корабле Лиги установлены детекторы, которые реагируют на пси-сообщения. Чтобы детектор заработал, каждый пси-оператор должен мысленно передавать одно и то же слово — «Опасность». Получив сигнал пси-тревоги, каждый корабль выходит из искривленного пространства возле ближайшей станции, чтобы узнать, что случилось. Именно это мы сейчас и делаем.

— А мама и Джеймс?

— Чтобы найти их, нам понадобится помощь. К тому же, у меня такое предчувствие, что эта тревога каким-то образом связана с их исчезновением.

К несчастью, я оказался прав. Мы вынырнули возле ближайшего радиомаяка, и записанный сигнал тут же загредел в динамиках:

—...вернуться на базу. Всем кораблям вернуться на базу. Час назад 17 планет Лиги подверглись нападению чужого флота. Всем кораблям вернуться на базу. Всем кораблям...

Я изменил курс еще до того, как сообщение стало повторяться. Теперь мы направлялись на Главную базу Специального Корпуса. Куда еще было лететь? Борьбу с захватчиками возглавит Инскипп, и в его штаб будет стекаться вся информация.

...Я вывел корабль из искривленного пространства возле Главной базы. Мы снижались на максимальных перегрузках, врубив тормозные двигатели лишь в самый последний момент. Я отключил управление, как только магнитные захваты коснулись поверхности, и выскочил из корабля. Боливар не отставал от меня ни на шаг. Преодолев коридор, мы ворвались в кабинет Инскиппа, который храпел, положив голову на стол.

— Говорите! — скомандовал я, и он открыл красные от бессонницы глаза. Затем застонал.

— Я так и знал. Стоило мне только задремать в первый раз за четверо суток, как тут появляешься ты. Знаешь ли...

— Я знаю, что космический кит проглотил мой крейсер вместе с Анжелиной и Джеймсом. Нам пришлось несколько дней тащиться сюда на патрульном катере.

Попытавшись, он поднялся с кресла.

— Извини, мы тут совсем замотались.

Заковыляв к бару, он налил себе в бокал виски и опорожнил его одним глотком. Я принюхался и последовал его примеру.

— Объясните, — сказал я, — что здесь происходит?

— На нас напали, и, надо сказать, воевать противник умеет. Эти космические киты — на самом деле военные корабли, покрытые каким-то защитным слоем, который ни ракетами, ни лазером пробить не удалось. Нам не остается ничего другого, как отступить. Правда, десантироваться на планеты они пока не рискуют — оборонительный пояс, видимо, кажется им слишком плотным. Но бомбардировки уже были. Не знаю, сколько еще мы сможем продержаться.

— Значит, мы проигрываем войну?

— Похоже, что так.

— Я поражаюсь вашему оптимизму. А не скажете ли, с кем мы воюем?

— Даже покажу.

Он щелкнул переключателем, и перед нами на трехмерном экране возникло отвратительнейшее существо. Когтистое, клыкастое, с огромными щупальцами и несколькими парами глаз, смотревшими в разные стороны, оно было покрыто зеленоватой слизью. У этой жуткой твари было еще немало разных отростков, о которых лучше не вспоминать.

— Уф-ф, — выдохнул Боливар за нас обоих.

— Ну, если этот экземпляр вам не приглянулся, — пробурчал Инскипп, — могу предложить другие. У нас — широкий ассортимент. — На каждом новом слайде (возможно ли такое?) чудища были все безобразнее и отвратительнее.

— Хватит! — воскликнул я. — Меня тошнит, теперь целую неделю я не смогу притронуться к еде. Кто из них наш противник?

— Все. А теперь — слово профессору Койцу.

На экране появилось изображение профессора Койцу, и, несмотря на скрежет зубами и отвратительную манеру говорить, после этих мерзких тварей он выглядел довольно сносно.

— Мы исследовали захваченные экземпляры. Результаты неутешительны. В нашествии участвует большое количество биологических форм из различных планетарных систем. По словам пленных, все они принимают участие в Великом Крестовом Походе. Цель — уничтожение человечества либо изгнание его за пределы галактики.

— Но почему? — удивился я.

— Вы можете спросить, откуда такая ненависть? — продолжал вещать профессор с экрана. — Резонный вопрос. Судя по всему, у них чисто физическое отвращение к человеку как биологическому виду. У нас непотребно мало конечностей, наши глаза не свисают на отростках, мы омерзительно сухие, мы не вы-

деляем слизь, и у нас полностью отсутствуют многие важные органы. Мы настолько убоги, что просто не имеем права на существование.

- Кто бы говорил! — воскликнул Боливар.

— Красота — понятие относительное, — нравоучительно сказал я. — А теперь помолчи и послушаем профессора.

— Вторжение было тщательно подготовлено, — сказал Койцу, шелестя бумагами и постукивая ногтями по своим выпирающим зубам. — Нам удалось обнаружить образцы чуждых жизненных форм, копошащихся в мусорных ведрах, вентиляционных вытяжках, помойных баках и туалетах. Судя по всему, они давно уже следили за нами, собирая различную информацию. Перед вторжением они похитили наших адмиралов, чтобы обезглавить флот и посеять панику в войсках. Но на должности исчезнувших адмиралов были назначены младшие чины, и боеготовность увеличилась примерно вдвое. Однако мы не располагаем достаточной информацией о вражеских структурах и базах, потому что нам удалось захватить лишь несколько небольших вражеских кораблей, пилотируемых летчиками-новобранцами. Необходимо собрать как можно больше данных...

— Спасибо большое, — проворчал Инскипп и выключил экран, оборвав профессора Койцу на середине фразы. — Сам бы я до этого никогда не додумался.

— Я смогу это сделать, — сказал я, с удовольствием наблюдая, как он тарашит на меня свои покрасневшие глаза.

— Ты? Уж не думаешь ли ты победить там, где весь флот постигла неудача?

— Конечно. Безложной скромности скажу: я — ваше секретное оружие. Только дайте мне сначала поговорить с Койцу.

— Мы полетим спасать маму и Джеймса? — спросил Боливар.

— Это — задача номер один. А заодно мы спасем цивилизацию.

— Почему вы всегда отрываете меня от работы? — брызгая слюной, завопил с экрана связи профессор Койцу. У него были такие же красные глаза, как и у Инскиппа.

— Успокойтесь, — ласковым голосом сказал я. — Я решу все ваши проблемы, как делал это и раньше, но я рассчитываю на вашу помощь. Сколько видов монстров вам удалось обнаружить?

- Триста двенадцать. Но зачем?..

— Вы, наверное, уже определили язык, на котором они общаются друг с другом. Он сложный?

— Ты говоришь на нем. Это эсперанто.

— Без шуток, Койцу!

— Перестань разговаривать со мной таким тоном, — истерично завизжал профессор. За-

тем он успокоился, выпил таблетку и пожал плечами. — А почему бы и нет? Несомненно, они уже давно наблюдали за нами, пытаюсь собрать всевозможную информацию перед тем, как предпринять наступление. Должно быть, из всех языков — как и мы — они выбрали эсперанто, как самый простой и эффективный способ общения.

— Понял. Спасибо, профессор. Постарайтесь немного отдохнуть, потому что скоро я прибуду к вам, и вы поможете мне пробраться во вражеский штаб, чтобы выяснить обстановку и спасти мою семью. И адмиралов, если предоставится такая возможность.

- Что, черт побери, ты имеешь в виду? — рявкнул Инскипп, а губы профессора на экране одновременно произнесли ту же фразу. Таким же противным голосом.

— Все просто. По крайней мере, для меня. Профессор Койцу сконструирует для меня передвижной муляж монстра с выделителем слизи, и я залезу в него. Они примут меня за своего. Подумают, что я — представитель новой отвратительной формы жизни, который желает записаться в их армию. Они полюбят меня. Я готов, профессор.

Техники неплохо постарались, выполнив все в короткий срок. Они загрузили в компьютер данные о щупальцах, клыках, когтях, отростках, бородавках и заставили его выдать несколько вариантов. Мы получили рисунки, немного покумекали и выбрали самый подходящий экземпляр.

— И это мой отец! — восхищенно сказал Боливар, ходя вокруг этой штуковины и осматривая ее со всех сторон.

Костюм-муляж, в который мне предстояло облачиться, был похож на страдающего проказой миниатюрного тиранозавра. У этой штуки было две ноги, понятно почему. Тяжелый хвост с двумя щупальцами на конце для равновесия. В хвосте располагались источники энергии и прочее оборудование. Огромная пасть с желтыми и зелеными зубами, слегка выпирающими, как и у создателя этого чудовища. Уши — словно у летучей мыши, усы — как у крысы, глаза — как у кошки, жабры — как у акулы. Бр-р, ну и мерзость! Я осторожно расстегнул магнитную молнию на брюхе и залез внутрь.

— Предплечья соответствуют твоим рукам и имеют силовой привод, — сказал Койцу. — Но тяжелые задние лапы оснащены серводвигателями и повторяют движения твоих ног. Будь повнимательней. Своими когтями ты можешь проделать дыру в стальной плите.

— Обязательно попробую. Как насчет хвоста?

— Оснащен автоматическим противовесом. При помощи вот этих двух рычажков ты мо-

жешь размахивать им в движении. Для большей правдоподобности. Вот этот переключатель заведует шевелением хвоста, когда ты находишься в сидячем положении. А вот с этой кнопкой будь поосторожней — она приводит в действие безоткатную пушку 75-го калибра, вмонтированную в голову между глаз. Прицел на носу.

— Чудесно. А гранаты?

— Гранатомет, естественно, находится под хвостом. А сами гранаты замаскированы... ну, понятно, подо что.

Пришлось немало повозиться, прежде чем я смог естественно передвигаться, но через пару минут мне все стало ясно. Я бродил по лаборатории, царапая когтями стальной пол, сбивая хвостом все подряд, и даже разок выстрелил из вмонтированной в мою голову пушки. Безоткатная она или нет, думал я, выпив пригоршню таблеток от головной боли, но пользоваться ею можно только в самых критических ситуациях.

Когда я повернулся в дверях, мне на хвост наступил робот.

— Эй, убирайся прочь! — закричала, когда на табло перед моими глазами вспыхнула надпись «Боль в хвосте». Я попытался смахнуть робота, но тот легко увернулся от удара. И внезапно стал напротив меня, сняв голову с оптических линзами. Я увидел улыбающееся лицо Боливера.

— Можно полюбопытствовать, что ты делаешь в этой штуке? — спросил я.

— Я отправляюсь с тобой. Робот-слуга, он же оруженосец. Логично, не правда ли?

— Нет, неправда. — Я перебирал в уме различные аргументы, но понял, что мне нечего возразить. Впрочем, его решимость меня порадовала. А я уж не отпущу его от себя ни на шаг...

— Куда? — спросил Инскипп, с отвращением наблюдая, как я выбираюсь из маскировочного костюма.

— На планету-базу, где они держат адмиралов. И, скорее всего, Анжелину и Джеймса.

— Теперь остается только узнать, как ты собираешься туда попасть?

- На нашем же патрульном катере. Его лишь нужно хорошенько изуродовать. Пара пробоин, несколько разбитых приборов. Пусть привезут с бойни побольше крови и разольют по всему кораблю. И... Не хочется об этом говорить, но обстоятельства вынуждают: нет ли у вас трупов?

— Больше, чем хотелось бы, — хмуро ответил Инскипп. — Ты хочешь, чтобы мы занесли на корабль пару убитых офицеров в военной форме?

- Они могут спасти нам жизнь. Я примчусь на планету монстров на всех парах, включив

все огни и непрерывно подавая сигналы. Словом, перед ними окажется герой, жаждущий присоединиться к священной борьбе.

— О которой ты узнал, когда захватил этот корабль?

— Для вашего возраста вы на редкость сообразительны. Приготовьте корабль немедленно, потому что я хочу вылететь через пять минут.

Так как все надежды на победу над этими тварями теперь были связаны только со мной, нас обслужили по высшему классу. Покоренный патрульный катер загрузили на крейсерский звездолет, который стартовал, как только мы поднялись на борт. Он подбросил нас к ближайшей вражеской звезде и оставил в космосе одних. Я провел катер мимо ступени космической пыли, прошел через одну или две черных дыры, чтобы запутать следы, а затем решительно направился в тот «луч» галактики, где обитали наши противники.

— Ты готов, сынок? — спросил я, высовывая голову из разреза на груди тиранозавра.

— Я в полной готовности, Скользкий Джим, — ответил робот, устанавливая свою голову на место.

Я застегнул молнию и когтистой лапой пожал металлическую руку робота. На носу катера были установлены дополнительные огни, и я врубил их на полную мощность. Теперь мы стали похожи на рождественскую елку. Затем я поставил пленку с недавно записанным гимном моей воображаемой планеты и стал передавать его на 137 частотах. Закончив необходимые приготовления, мы спокойно приближались к планете под оглушительные звуки гимна моей любимой воображаемой Родины:

Хвостатые, клыкастые —

Мы самые ужасные.

Вокруг на сотни светолет

Кошмарней тварей в мире нет.

Глава седьмая

— Kiu vi estas? — спросил загробный голос, и в тот же момент на экране появилась на редкость омерзительная морда.

— Kiu mi estas? Ĉiuj konas min, se mi ne konas vin, beludo...

Я решил, что немного лести обеспечит мне теплый прием. Но мне стоило большого труда назвать этого безобразного слизняка «красавчиком». Пригладив скользким щупальцем пучок усиков на голове, слизняк перешел на более дружелюбный тон:

— Ладно, ладно, крошка. Возможно, тебя и знают на родной планете, но сейчас ты далеко от дома. А тут у нас война, и надо соблюдать меры безопасности.

— Конечно, о чем речь! Я просто сгораю от

нетерпения. Вы действительно воюете против этих сухокожих и розовотелых типов?

— Да, цыпочка.

— Что ж, принимайте меня к себе. Мы захватили этот корабль, когда он шнырял рядом с нашей планетой. У нас нет звездолетов, но одной боевой ракеты хватило, чтобы сбить его. Так мы узнали, что все благородные носители разума объединились в войне против этих букашек. Мы хотим воевать под вашими знаменами. Ждем приказа о зачислении.

— Молодцы! — забрызгал слюной урод на экране. — Садитесь по лучу радара. Гарантирую торжественную встречу. Только один вопрос, милашка.

— Задавай, красавчик.

— Судя по глазам, ты ведь женская особь, не так ли?

— Я перейду в женский пол ровно через год, а сейчас я нейтрал. Не он и не она.

— Тогда через год я назначаю тебе свидание.

— Сейчас помечу в своей записной книжке, — проворковал я и выключил экран. Затем потянулся за бутылкой. Но робот-Боливар опередил меня и налил полный бокал виски, который я высосал через трубочку.

— Может, я ошибаюсь, па, — сказал он, — но мне кажется, что этот обитатель канализации имеет на тебя виды.

— Да, кажется, наши техники перестарались...

Я ввел в компьютер программу, и мы пошли указанным курсом, пока не приземлились на металлической площадке внутри огромной крепости.

— Тебе не мешало бы надеть шлем, па. — Голос Боливара вывел меня из мрачных раздумий.

— Ты прав, мой славный робот. — Я надел украшенный золотом стальной шлем с бриллиантовой звездой во лбу и посмотрел на свое отражение в зеркале. Превосходно. — И, пожалуйста, больше не зови меня папой. А то это вызовет массу вопросов о нашей биологической совместимости.

Когда мы вышли из люка, нас ожидала толпа прыгающих и ползающих тварей. Робот-Боливар нес мой багаж. Один из встречающих с золотым ободом на покрытой слизью голове сделал шаг вперед и замахал своими щупальцами.

— Добро пожаловать, звездный посол, — сказал он. — Я — Гар-Бей, председатель Военного Совета.

— Рад познакомиться. Я — Скользкий Джим с Гештункина.

— Скользкий — это твое имя или титул?

— Это дворянский титул, который на моем языке звучит следующим образом: «Тот, который ходит когтистыми лапами по спинам кре-

стьян».

— Довольно компактный у вас язык, Скользкий Джим. Я бы хотел поговорить с тобой. Наедине. — Шесть из его восемнадцати глаз мигнули, и я понял, что покорила его своей сексапильностью.

— Мы уединимся с тобой во время моего следующего периода оплодотворения, Гар. Сейчас все мои мысли только о войне. Расскажи мне, как идут дела и чем могут помочь гештункинцы.

— Следуй за мной.

Движением щупальца он отпустил своих подчиненных. Мой верный робот не отставал от меня ни на шаг.

— Военные действия идут по плану, — сказал он. — Ты, конечно, не знаешь, но мы потратили много лет на подготовку вторжения. Наши шпионы проникли во все человеческие миры, и мы знаем, сколько у них вооружений до последнего лазерного пистолета. Сейчас мы готовимся перейти ко второму этапу.

— Какому?

— Высадка на планеты. Уничтожив их флот, мы возьмем их планеты, как спелые сливы с дерева.

— Вот это мне по душе! — завопил я, проделывая когтями дыры в стальном полу. — Мы, гештункинцы, прирожденные солдаты и готовы пойти на смерть ради общего дела!

— Другого я и не ожидал услышать от такого зубастого и клыкастого бойца, как ты. Сюда, пожалуйста. У нас полно звездолетов, но опытных воинов не хватает. Официально приглашаю тебя на заседание Военного Совета. Но сейчас ты, наверное, устал и хочешь отдохнуть.

— Ни за что! — Я оторвал зубами кусок кресла. — Никакого отдыха, пока последний враг не будет уничтожен! Нет ли у вас парочки пленных, которых я мог бы разорвать на части перед телекамерой. Для пропаганды.

— У нас есть целая куча адмиралов, но они пока нужны нам.

— Как жаль. Я бы оторвал у них руки и ноги, как лепестки цветов. А нет ли у вас пленниц женщин или детей? Они так приятно визжат.

Это был важный вопрос, и в ожидании ответа я нетерпеливо помахивал хвостом. Робот перестал жужжать.

— Странно, что ты об этом спросил. Мы действительно захватили шпионский корабль, пилотируемый женщиной и молодым существом мужского пола.

— То, что нужно! — закричала от радости. Их необходимо подвергнуть пыткам, допросам, а потом разорвать в клочья. Это работа для меня. Ведите меня к ним!

— Я бы с удовольствием, но это невозможно.

— Они мертвы? — спросил я, стараясь выдать

свое отчаяние за разочарование.

- Нет, к сожалению. Мы так до сих пор и не знаем, что произошло. В комнате с этими бледными двуногими находились пять наших лучших бойцов. Всех пятерых мы обнаружили мертвыми. А пленники сбежали.

- Плохо, — сказал я с наигранной скукой, почесывая лапой раздвоенный кончик хвоста. — Разумеется, вы их уже поймали?

- Нет, как это ни странно. Это произошло несколько дней назад. Но тебе не следует беспокоиться из-за таких пустяков. Смерть гладкокожим!

Дверь за ним закрылась, и робот-Боливар спросил:

— Куда поставить багаж, могучий Скользящий Джим?

- Куда хочешь, металлическая башка. — Я попытался сбить его хвостом, но он ловко увернулся. — Не отвлекай меня.

Я принялся расхаживать по комнате, громко распевая гештункинский гимн и внимательно осматривая потолок и стены. Затем я остановился и, расстегнув молнию, высунул голову наружу.

- Если желаешь, можешь размяться, — сказал я. — «Жучков» и оптических детекторов здесь нет.

Боливар тут же вылез из металлического робота и сделал несколько приседаний под аккомпанемент хрустящих суставов.

- Не так уж и приятно сидеть в этой жестянке, -- сказал он. -- Что будем делать дальше? Как мы найдем маму с Джеймсом?

— Хороший вопрос, но на него сразу не ответишь. По крайней мере, мы знаем, что они живы и сумели напасть на неприятеля.

— Может, они оставили нам какой-нибудь знак? След, по которому мы их найдем?

— Поищем, хотя надежды мало. Ведь следами могли бы воспользоваться и эти твари. Достань-ка бутылочку виски, чтобы прочистить мозги.

Я думал очень долго, но так ничего и не придумал. Возможно, сказывалась непривычная обстановка. На стенах висели картины с красными пятнами на зеленом фоне. Половину комнаты занимал бассейн с булькающей жижей. Поднимающиеся на поверхность пузыри лопались, наполняя воздух ужасным звоном. Боливар принялся обследовать служебные помещения, но после того, как его чуть не засосало в туалете и он увидел продукты на кухне, сын стал зеленее моего маскировочного наряда и уселся перед телевизором. Большинство программ было непонятно. А то, что мы понимали, вызывало чувство отвращения. Как, например, военная хроника.

Мы даже не подозревали, что телевизор служит одновременно и коммуникатором, пока

на экране не появилась отвратительная морда Гар-Бея. К счастью, рефлексы у ди Гриза отменные. Боливар юркнул в сторону, а я повернулся к экрану спиной, застегивая молнию.

— Я не хотел беспокоить тебя, Джим, но Военный Совет уже собрался, и все ждут твоего появления. Мой адъютант укажет тебе дорогу. Смерть гладкокожим!

— Да — да, — пробурчал я, пытаюсь просунуть свою голову в череп муляжа. Пронзительно заперещал звонок.

- Открой, робот, — сказал я. — Скажи, что я сейчас выйду. Затем понесешь за мной шлейф.

Я шел за монстром, а за мной следовал робот, держа конец шлейфа, спадающего с моих плеч. Это украшение было длиной добрых три метра. Пурпурный шлейф с вышитыми на нем золотыми и серебряными звездами был оторочен по краям розовыми кружевами. Ух! К счастью, я не видел сам себя со стороны, но бедному Боливару не завидовал. Не то чтобы мне был нужен этот шлейф, но таким образом я держал Боливара при себе. Я произвел на Совет неизгладимое впечатление. Восторженное хлюпанье, чавканье и хрюканье доносились со всех сторон, и я два раза прошелся по комнате, прежде чем занял свое место.

— Добро пожаловать, неотразимый Скользящий Джим, — прочавкал Гар-Бей. — Нечасто такие красавцы удостаивают нас своим посещением. Если все гештункины похожи на тебя — не говоря уже о ваших бойцовских качествах, — я уверен, что боевой дух наших солдат взлетит на небывалую высоту.

- Надо снять пропагандистский ролик, - прощамкала какая-то темная пупыристая тварь в дальнем конце комнаты. — Это привлечет к нам новые полчища добровольцев.

- Чудесно! Прекрасная идея!

Со всех сторон слышались одобрительные крики, сопровождавшиеся радостными взмахами щупалец, клешней, антенн и других отростков. Меня чуть не стошнило, но я зашелкал зубами, делая вид, что ужасно доволен. Не знаю, как долго продолжалось бы всеобщее ликование, если бы секретарь не ударил молоточком в гонг, призывая к порядку. Это было существо, похожее на раздавленную лягушку с морщинистым хвостом и пиявкообразной головой. Как только шум стих, секретарь прочавкал:

- Заседание номер 4013 Военного Совета объявляю открытым. При желании вы можете получить копию стенограммы предыдущего заседания. В сегодняшней повестке дня — вопросы тылового обеспечения и снабжения продовольствием. — Выждав, пока прекратятся стоны и вопли, секретарь продолжал: - Однако, прежде чем начать обсуждение, мы

хотели бы попросить нашего нового друга Скользкого Джима выступить с небольшой речью для вечерних новостей.

Послышалось хлюпанье и шмяканье щупальцами, означавшее аплодисменты, и я кивнул в появившийся объектив.

— Дорогие мои мокрые и склизкие друзья! Все мои четыре сердца бьются от радости, что я нахожусь среди вас. От имени всех гештункинцев я, Скользкий Джим, хочу заверить, что все мы как один присоединимся к Великому Крестовому Походу, чтобы очистить галактику от бледнокожих двуногих. Неопишима ярость гештункинцев в бою, — с этими словами я отгрыз кусок железной трибуны, и присутствующие одобрительно захлопали, — поэтому смело можете положиться на нас.

Я сел, скрестив лапы в надежде, что моя хитрость удалась. Если Анжелина все еще на этой планете, возможно, она видит выпуск вечерних новостей. В этом случае она узнает имя, под которым я познакомился с ней много лет назад. Дальний прицел, но другого выхода у меня не было.

Моим друзьям-монстрам не особенно понравилась моя речь, но жабообразный секретарь остался доволен. Я запомнил все подробности военных планов, но, как новичок, не стал соваться со своими предложениями. Хотя, когда меня спросили о численности гештункинской армии, я назвал им такие умопомрачительные цифры, что все снова повеселели. Я вдохновенно врал, и всеобщему ликованиему положил конец лишь секретарь, закрывший, наконец, заседание. Гар-Бей дружески обнял меня щупальцем за талию.

— Может, ты зайдешь ко мне, красавчик? Мы разопьем с тобой бутылочку вина и съедим по паре кусочков какой-нибудь гадости. Как тебе это нравится?

— Превосходно, крошка Гар. Но у Скользкого Джима закрываются глазки, и ему надо как следует выспаться. А после этого мы просто обязаны встретиться. Не звони мне, я сам тебя найду.

Я смылся, прежде чем он успел что-либо ответить. Робот семеня за мной, держа край шлейфа. Я несся по сырым коридорам к своей комнате, радуясь, что избежал любовных объятий моего тошнотворного поклонника.

Не успел я войти в комнату, как дверь с грохотом хлопнулась, и луч бластера прожег дыру в стене рядом со мной. Я застыл на месте, услышав свирепый голос:

— Только пошевелись, и я разнесу твою гниющую башку!

Глава восьмая

— Я без оружия! — прохрипел я в ответ. — Не стреляйте! — В голосе чудилось что-то знакомое. Может, все же повернуть голову и посмо-

треть? Боливар сделал это за меня. Он снял голову робота и радостно крикнул:

— Привет, Джеймс! Что с твоим горлом? Не стреляй в этого милого монстра. Это — твой собственный отец.

Я скосил глаза и увидел Джеймса, вылезавшего из-под шкафа. С бластером в руке и отвисшей челюстью.

Из другой комнаты вышла Анжелина, одетая в изящное меховое бикини, на ходу засовывая пистолет в кобуру.

— Немедленно вылезай из этой штуки, — приказала она, и я с удовольствием поменял пластиковый плен на ее объятия.

— Уф! — сказала она после долгого и страстного поцелуя, который мы прекратили только из-за недостатка кислорода. — Мне кажется, я не видела тебя уже несколько световых лет.

— Я вижу, ты получила наше послание.

— Когда это чудище упомянуло то самое имя в вечернем выпуске новостей, я поняла, что здесь не обошлось без тебя. Правда, догадаться, что ты и монстр — одно существо, было трудновато.

— Ничего, самое главное — мы снова вместе. Кстати, тебе идет твой наряд. — Я посмотрел на меховые шорты Джеймса. — И Джеймс тоже. Я вижу, вы одеваетесь у одного портного.

— Они забрали всю нашу одежду, — все тем же суровым голосом пояснил Джеймс.

— Что это у тебя за шрам на горле? — спросил я.

— Меня поцарапали во время побега. Но из шкуры этого монстра мы и сделали себе одежду.

— Мое воспитание! Боливар, если тебе не трудно, достань из аварийного запаса бутылочку шампанского. Мы отпразднуем нашу встречу, а твоя мама тем временем расскажет, что же с ними произошло.

— Все очень просто, — сказала она, морща носик от пузырьков шампанского. — Нас захватил один из боевых кораблей. Думаю, ты видел, как это случилось.

— Это был самый ужасный момент в моей жизни, — простонал я.

— Бедняжка. Как ты понимаешь, нам тоже пришлось не сладко. Мы открыли огонь из всех орудий, но обшивке из коллапсиума это не причинило ни малейшего вреда. Словом, нас обезоружили. По крайней мере, так считали они. Но я вспомнила, как ты тогда спасся на Бураре с помощью отравленных ногтей, и мы сделали то же самое. Они схватили нас и отвели в тюрьму или камеру пыток — у нас не было времени узнать поточнее, — где мы их быстро уложили и сбежали.

— Прекрасно! Но ведь с тех пор прошло довольно много времени. Как вам удалось вы-

жить?

— Благодаря помощи силайринов.

Она хлопнула в ладоши, и из другой комнаты выскочили пятеро мужчин, угрожающе размахивая оружием. У них были бледные лица и длинные черные волосы. Их одежда — если ее можно так назвать — состояла из обрывков шкур, скрепленных кусками проволоки. Оружие — примитивные топоры и мечи, были остро заточены и имели довольно устрашающий вид.

— Ду геобхайр деармад тайше гаш сеонд, — сказала Анжелина. Они радостно закивали и опустили топоры.

— Здорово ты с ними управляешься, — заметил я.

— Я сказала им, что ты, мой муж и глава племени, прибыл сюда, чтобы уничтожить их врагов.

— Если их враги — монстры, то так оно и есть. Боливар, угости наших союзников виски, пока твоя мамочка объяснит мне, что же, черт возьми, здесь все-таки происходит.

Анжелина выпила шампанского и мило намурлилась.

— Подробности мне неизвестны, — сказала она. — Я едва понимаю их язык. Похоже, силайрины — коренные обитатели планеты. Понятно, что после появления монстров, при таком неравенстве сил, им пришлось уйти в подземные туннели, за стальные переборки между домами-каютами, в воздухозаборники...

— Точно крысы — крысы из нержавеющей стали! — воскликнул я.

— Я знала, что тебе они понравятся. Когда, сбежав от монстров, мы мчались по коридору, они появились из подвального люка и позвали нас за собой. Прячась за стенными панелями, мы разработали план, как похитить звездолет и освободить адмиралов.

— Ты знаешь, где они?

— Конечно. Недалеко.

— Тогда нам остается только отдохнуть, а с утра...

— На отдых нет времени. К тому же я знаю, что у тебя на уме.

— Ладно, — вздохнул я. — Какой же у вас план?

Но тут дверь распахнулась, и в комнату вошел любвеобильный Гар-Бей. Настроен он был весьма игриво, судя по розовой ночной рубашке.

Гар-Бей жутко удивился:

— Джим, крошка, почему у тебя разрезано брюхо? Ох!

Последнее слово он произнес, когда первый меч проткнул его грудь. После короткой битвы Гар-Бей рухнул на пол, но его отрезанный хвост, в котором, похоже, находился рудимен-

тарный мозг, извиваясь, пополз по коридору и скрылся за углом.

— Надо сматываться, — сказал я.

— Быстрее в туннель! — крикнула Анжелина.

— Подожди. Боливар, вылезай из робота и уступи место маме. Покажи ей, как управлять этой штуковиной, и отправляйся вместе с этой братией. Мы вас разыщем.

— Как здорово! — расцвела Анжелина. — А то мои ноги совсем устали. Джеймс, покажи брату, куда идти. Встретимся позже.

В семье ди Гризов долго не размышляют, а силайрины научились быстро принимать решения, сражаясь с противником. Со стены был сорван гобелен, за которым открылась потайная дверь. Боливар и Джеймс скрылись в проеме, за ними исчезли наши союзники.

— Как тут уютно, — сказала Анжелина, забравшись в корпус робота. — Ты иди впереди, а я буду подсказывать тебе дорогу.

— Слушаюсь и повинуюсь.

Я выскочил в коридор, робот последовал за мной. Отрубленного хвоста нигде не было видно. Я несколько раз ударил по металлической двери, пока ее не заклинило. Это задержит преследователей и собьет их с толку.

Путешествие по металлическому городу было долгим и на редкость скучным. Сырые извилистые коридоры, где с потолков капала вода, сменялись металлическими площадками под открытым небом. Иногда коридоры использовались как стоки для воды, и я плыл, активно работая хвостом. Робот был слишком тяжелым для купания, и Анжелине приходилось передвигаться по дну. Монстры, которые встречались на нашем пути, радостно приветствовали меня. Я махал им, бормоча под нос проклятия.

— Все это мне уже порядком надоело, — признался я Анжелине.

— Терпение, мой герой. Мы уже почти у цели. Осталось всего несколько километров.

Вскоре мы заметили стену, которую охраняли вооруженные до зубов монстры. При виде меня они восторженно зашлепали по стальной площадке хвостами.

— Джим! Джим! — кричали они. — Да здравствует Гештункин! — Судя по всему, все они смотрели вечерние новости, и я произвел на них неизгладимое впечатление. Я поднял лапы и подождал, пока стихнет шум.

— Приветствую вас, — завопил я. — Как я рад, что сражаюсь бок о бок с такими тошнотворными тварями! — Падкие на лесть монстры в экстазе закатили глаза. — За время моего короткого пребывания здесь я видел немало уродливых, омерзительных и жутких тварей, но вы — самые уродливые, омерзительные и жуткие из всех. — Подождав, пока стихнут восторженные крики, я перешел к делу. — Мы на

Гештункине видели только один корабль с бледными двуногими. Естественно, мы сразу же разорвали их на куски. Как я понял, у вас тут целый спутник. Не так ли?

— Именно так, Скользкий Джим, — забрызгал слюной Один из них. Теперь я разглядел у него на голове золотые кометы и понял, что передо мной — важный чин. Я обратился к нему:

— О, как мне хотелось бы хоть кого-нибудь из них разорвать на куски.

— Я с удовольствием бы отдал их всех такому мерзкому красавчику, как ты, но — увы. Они еще нужны. К тому же, список желающих расправиться с ними давно полон. Если хочешь, можешь на них взглянуть.

Я подошел к стене, и он открыл смотровое окошко. Изможденные люди, со свалявшимися седыми бородами, уныло бродили по огромной тюремной камере. Другие лежали на полу. Их форма превратилась в лохмотья. Хотя они и адмиралы, но мне стало их жалко.

— Спасибо, — скрипнув зубами, поблагодарил я. — Я обязательно доложу Совету о вашей любезности.

Я помахал им лапой и пошел прочь. В ответ они замахали своими щупальцами, словно стая взбесившихся осьминогов.

— Я в отчаянии, — сообщил я своей жене-роботу, когда мы завернули за угол. — Их оттуда не вытащить.

— Не вешай голову! — передала мне по радио Анжелина. — Мы проберемся к ним снизу.

— Умница! — Я ласково похлопал когтистой лапой по ее металлическому плечу. — Но как узнать, что мы оказались под ними?

— Пока ты толкал политическую речь, я прикрепила к стене ультраволновый сигнализатор.

— Это было частью твоего плана? Говори быстрее, а то я позеленею от зависти.

— Хорошо, что под шкурой монстра этого не видно.

По каким-то скользким ступенькам мы спустились в кромешную тьму. Анжелина включила пару прожекторов, и мы увидели массивную дверь.

— Можешь прожечь в ней дыру? — спросила она, высовывая голову наружу, чтобы немного подышать воздухом.

Анжелина включила свой ультраволновый приемник и пошла на зуммер. Взломав несколько дверей и проделав дыры в стенах, мы оказались на месте.

— Сигнализатор прямо над нами, — объявила Анжелина.

— Отлично. — Я осмотрелся. — Здесь должна быть охраняемая стена, а здесь — пленники. — Я тщательно измерил расстояние. — Электродрель готова?

— Жужжит от нетерпения.

— Вот здесь. Принимайся за работу.

Из металлической руки тотчас высунулось сверло и вонзилось в ржавый потолок. Когда звук изменился, Анжелина выключила прожекторы и уменьшила обороты дрели. Через некоторое время она опустила руку, и через дырку в потолке пробился луч света. Все было тихо.

— Дай-ка я посмотрю, — сказал я.

Стоя на цыпочках и кончике хвоста, я просунул в дырку отросток с глазом-телекамерой. Просканировав все 360 градусов пространства, я втянул отросток.

— Отлично. Никто из адмиралов и не попытался обнаружить источник шума, а охранников не видно. Дай-ка молекулярный расщепитель и отойди в сторону.

Я вылез из своего костюма, встал на него и легко дотянулся до потолка. Молекулярный расщепитель — это такое приспособление, которое уменьшает связывающую способность молекул и превращает их в мономолекулярный порошок. Я вырезал в потолке крупную дыру, стараясь не чихать от летевшей во все стороны пыли. Взяв руками вырезанный диск, я передал его Анжелине, аккуратно просунул голову в отверстие и огляделся по сторонам. Все в порядке. Прямо передо мной сидел приунывший адмирал. Я решил немного поднять его боевой дух.

— Господин адмирал, — прошептал я, и он повернулся в мою сторону. Его глаза расширились, а искусственная челюсть чуть не выпала, когда он увидел мою бестелесую голову. — Тихо, я пришел спасти вас. Если поняли, кивните.

Зря я доверял адмиралам. Он не только кивнул головой, но и вскочил на ноги, заорав во все горло:

— Охрана! На помощь! Нас хотят спасти!

Глава девятая

Я не ждал благодарности, особенно от старшего офицера, но это было выше даже моего понимания. Оставить позади тысячи световых лет, вытерпеть омерзительные объятия Гарбея, рисковать жизнью — и все ради того, чтобы спасти побитых молью адмиралов, первый из которых тут же выдал меня охране. Согласитесь, это слишком.

Впрочем, Крыса из Нержавеющей Стали всегда начеку. Мой пистолет с иголками был наготове, я крутанул диск с «яда» на «сон» — надо сказать, это потребовало от меня большого усилия воли — и всадил иглу адмиралу в шею. Он нежно шлепнулся на пол, растопырив руки, будто в последний момент захотел обнять своего спасителя.

Я замер — точнее, окаменел — когда увидел

его запястья.

— Что случилось? — раздался снизу шепот Анжелины.

— Ничего хорошего, — прошипел я в ответ. — Тихо!

Два дряхлых адмирала склонились над распротертым телом товарища.

— Что с ним такое? Припадок? — спросил один из них. — Ты слышал, что он кричал?

— Не слишком отчетливо. Я выключил свой слуховой аппарат, чтобы не садилась батарейка. Нечто вроде «Хахана! Аромашь! Гас па-тят хатить!»

— Бессмыслица. Может, это что-то означает на его родном языке?

— Нет. Старый Шимсчах — с Дешника, но в дешниканском языке нет таких слов.

Я одобрительно кивнул: Шимсчах придет в себя не раньше, чем через два часа, а мы пока не обнаружены. Планы уже роились в моей голове.

Опустившись вниз, я схватил металлический диск, намазал его края лепак-клеем — крепче всякой сварки — и закупорил дыру. Клей с хрустом затвердел, и дыра в потолке исчезла. Тогда я спрыгнул на пол и тяжело вздохнул.

— Анжелина, будь так любезна, включи свой прожектор и достань бутылку самого лучшего виски.

Зажегся свет, в моей руке оказался стакан; Анжелина терпеливо ждала, когда я поднесу его у губам. Затем спросила:

— Может, теперь ты все-таки сообщишь своей жене и коллеге, что, черт возьми, произошло?

— Извини, свет моей жизни. Все гораздо хуже, чем мы думали. — Я опустошил стакан. — Как этот дурак орал, ты слышала, но когда он рухнул на пол (сонная игла), я увидел его запястья. А на них — тонкие красные полоски, похожие на шрамы.

— Ну и что? — удивленно спросила Анжелина. И внезапно побледнела. — Ты думаешь?..

Я нахмурился и медленно кивнул.

— Серые люди. Их почерк я узнаю, где угодно и когда угодно.

Меня не пугает физическая угроза — это дело привычное. Но, как и все вы, я ненавижу вмешательство в мой мозг. У мозга нет защиты. Стоит воткнуть в центр удовольствий мозга подопытного кролика электрод, как животное будет нажимать на кнопку, посылающую электрический разряд, до тех пор, пока не умрет голодной смертью, счастливой смертью.

Несколько лет назад, улаживая один межпланетный конфликт, я оказался в роли такого подопытного животного. Мне, связанному,

отрезали кисти рук. От боли я потерял сознание, а когда очнулся, обнаружил, что кисти снова пришиты. Только на запястьях остались тонкие шрамы — такие же, как и у адмирала.

Нет, на самом деле никакой ампутации не было: все это мне лишь внушили — но картина была столь красочна и реальна, что до сих пор я не могу вспоминать об этом без содрогания.

— Здесь где-то должны быть серые люди, — сказал я. — Они заодно с монстрами. Не удивительно, что они подчинили себе адмиралов. Привыкшие к приказам и суровой дисциплине, они представляют собой прекрасные объекты для промывания мозгов.

— Ты прав. Но разве это возможно? Монстры ненавидят людей как биологический вид, а серые — все же люди.

Как только она произнесла эти слова, меня озарила догадка. Улыбнувшись, я поцеловал ее, но затем вынужден был отстраниться, поскольку начал думать совсем не о том.

— Послушай внимательно, любовь моя. Похоже, я придумал, как распутать этот клубок. Не все еще ясно, но я знаю, что должна сделать ты. Не могла бы ты привести сюда ребят и толпу силайринов? Надо пробраться наверх, перестрелять охрану, усыпить адмиралов и унести их отсюда.

— Все это возможно, но слишком опасно. Как мы освободим их из тюрьмы?

— Я позабочусь об этом. Если на всей планете начнется страшная неразбериха и никто не будет знать, чьи приказы выполнять, — это облегчит твою задачу?

— Разумеется. Что ты собираешься предпринять?

— Скажу только, что мне снова потребуется костюм монстра. Даю тебе два часа, чтобы собрать войско. Как только начнется неразбериха, приступай к действиям. Отведи всех в какое-нибудь безопасное место, желательно возле космодрома. Я постараюсь вернуться как можно скорее. Пусть меня ждет проводник. Только не больше двух часов. Именно столько времени мне нужно, чтобы осуществить свой план. Если я не вернусь вовремя, пусть сразу возвращается к тебе. Как ты знаешь, я сам могу о себе позаботиться. А вы уходите. Захватите звездолет и улетайте с этой планеты.

— Уверена, ты вернешься. — Анжелина грустно поцеловала меня. — Ты так и не скажешь, что задумал?

— Нет. Если начну об этом рассказывать, то могу передумать. Мне надо сделать всего три вещи. Обнаружить серых людей, выдать их нашим друзьям-монстрам и вовремя смыться.

— Ты справишься со всеми тремя пунктами. Особенно с последним.

Мы залезли в свои маскировочные ко-

стюмы: Анжелина направилась в нужную ей сторону, а я — в противоположную. Я думал, что хорошо запомнил дорогу, но, наверное, где-то повернул не в ту сторону. Пытаясь выбраться на верхний уровень, я провалился через ржавый пол в какое-то подземное озеро или водохранилище. Мне пришлось немало поработать хвостом в полной темноте. Вскоре я наткнулся на стену. Выход был явно не предусмотрен, но я исправил это обстоятельство, сбросив из-под хвоста гранату. Она с грохотом взорвалась, и через пролом я увидел свет. Ко мне уже спешил патруль монстров.

— Помогите! — застонал я, раскачиваясь из стороны в сторону и держась лапами за голову.

— Красавчик Джим! Что с тобой? — взволнованно закричал офицер, показав пять тысяч острых зубов и два метра пурпурной глотки.

— Предательство! Среди нас предатели! — завопил я. — Необходимо немедленно созвать Военный Совет. И пусть меня туда отнесут.

Они исполнили это, обхватив меня сотнями щупалец с присосками. Таким образом я отдохнул и сэкономил энергию аккумуляторов. Наконец они опустили меня возле двери в конференц-зал.

— Все вы — омерзительные ребята, и я вас никогда не забуду, — пообещал я. Они радостно закричали, хлопая по полу мокрыми щупальцами.

Я ворвался в зал с криком:

— Предательство! Измена!

— Займите свое место и сделайте свое заявление по всем правилам, — сказал секретарь. Но чудище, напоминающее фиолетового кита с геморроем, отнеслось ко мне с большим сочувствием.

— Скользящий Джим, мы слышали, что в твоих апартаментах произошло сражение. От славного Гар-Бея остался один хвост, который почти ничего не может рассказать. К счастью, теперь ты сам способен объяснить, что там произошло.

— Конечно. Я все расскажу, если секретарь даст мне слово.

— Говори, — хмуро прогнусавил секретарь, с каждой секундой становясь все больше и больше похожим на раздавленную лягушку.

— Дело в том, — сообщил я притихшим тварям из Военного Совета, — что у нас, гештункинцев, есть масса разных достоинств, не считая сексапильности. К примеру, мы наделены тончайшим обонянием. Именно это обстоятельство привело меня к подозрению, что на этой планете что-то не так. Я чувствую запах человека!

Среди воплей ужаса я различил выкрик «Силайрины!» и тут же парировал.

— Нет, это не местные обитатели планеты. Я

сразу же обнаружил их, но они безвредны, для них достаточно одного корпуса карателей. Я имею в виду людей, проникших в наши ряды.

Вспокоившись, твари кричали и визжали, пока я приводил в порядок свои когти при помощи пилочки. Затем, подняв лапы вверх, призвал к тишине. Все глаза — большие и маленькие, красные и зеленые — уставились на меня.

— Да. Люди среди нас. Одного из них я вам покажу прямо сейчас!

Моторы в моих задних лапах загудели, и я прыгнул, пролетев по воздуху метров двадцать. Это был изящный прыжок. Со страшным грохотом я приземлился прямо на стол секретаря и схватив его когтями за шиворот, поднял в воздух. Он брыкался, пытаясь вырваться.

— Ты с ума сошел! Отпусти меня!

До сих пор у меня в голове были одни лишь догадки. Если здесь действительно «работали» серые люди, то они могли действовать, как и я, лишь в обличье монстров, а единственной, кроме меня, тварью с четырьмя конечностями,⁴ был секретарь. Когда он заговорил, все мои сомнения рассеялись. Издав торжествующий крик, я вонзил отточенные когти в его горло.

Он хрипло заверещал, и во все стороны брызнула черная жидкость.

На какое-то мгновение я растерялся. Ошибка? Может, я собирался разорвать секретаря Военного Совета на глазах высших чинов? Вряд ли им это понравится. Нет! Мои сомнения длились всего лишь секунду. Проведя острым когтем по шее секретаря, я оторвал ему голову.

Воцарилась мертвая тишина. Затем послышался всеобщий вздох.

Внутри первой головы находилась вторая. Маленькая лысая человеческая голова.

Если все члены Совета застыли, охваченные ужасом, то серый человек не растерялся. Выхватив пистолет из жаберной щели, он направил его на меня. Я оказался быстрее — и пистолет вылетел из его руки. Но когда, выхватив из другой жабры передатчик, он принялся что-то кричать на непонятном языке, я слегка замешкался.

Я не стал спешить, потому что именно это мне было нужно. Дав ему время, чтобы передать сообщение, я выхватил передатчик. Тут он пнул меня ногой в живот, и я, сложившись пополам, рухнул на пол. Открыв потайной ход, он быстро юркнул туда.

Отмахнувшись от предложенной помощи, я прохрипел:

— Отомстите за меня! Арестуйте всех черных лягушек, похожих на секретаря. Не дайте им скрыться. Быстрее!

Я тут же откатился в сторону, чтобы меня никто не раздавил. На всякий случай, если кто-нибудь наблюдал за мной, я слегка побился в конвульсиях и, прикрыв глаза, осмотрелся. Зал был пуст.

Только тогда я открыл потайной ход и последовал за серым человеком.

Вы спросите, откуда я знал направление? С удовольствием отвечу. Во время схватки я прицепил к его костюму маленький генератор нейтрино. Стоит ли говорить, что детектор находился в кончике моего носа.

Светящаяся стрелка указывала вперед и вниз. Я направился вперед и вниз. Мне хотелось узнать, чем занимались серые люди на этой планете. Лжесекретарь должен привести меня прямо в их логово.

Мне повезло. Он привел меня прямо к кораблю.

Увидев свет впереди, я замедлил шаг, оставаясь в затемненном туннеле, и принялся разглядывать огромное куполообразное сооружение. В центре стоял звездолет темно-серого цвета. Со всех сторон к нему спешили серые люди. Некоторые уже сбросили свои маскировочные костюмы, а другие шлепали в нарядах чужаков. Крысы, покидающие тонущий корабль. И все это благодаря мне. Теперь на планете царит паника, значит, Анжелина уже начала операцию по спасению адмиралов. Все шло по плану.

Хотя я не надеялся, что обнаружу корабль, но сейчас, наблюдая за их поспешным бегством, я решил, что не стоит упускать такую возможность. Но как узнать его курс? Существует множество приспособлений, которые можно легко прилепить к кораблю и следить за его передвижениями. Но ни одного из них у меня при себе не было. Тут я дал маху. Впрочем, самый маленький детектор такого типа весит около 90 килограммов.

Что же делать?

Я принял решение в тот момент, когда сверху на меня упала тонкая металлическая сеть, и серые люди облепили меня со всех сторон.

Я отбивался, как мог, но кто-то врезал мне по голове железной трубой. Моя фальшивая голова треснула.

А через секунду треснула и моя собственная.

Глава десятая

Я проснулся, чувствуя, что задыхаюсь. Я ослеп, оглох и не мог двигаться. Голова раскалывалась от невыносимой боли. Я немного подергался, но бросил это бесполезное занятие, когда голова разболелась еще больше.

Постепенно охватившая меня паника исчезла, и я попытался разобраться в том, что происходит. Итак, удушье вызвано тем, что я

зарылся лицом в мягкую ткань. Слегка повернув голову, я вздохнул полной грудью.

Но голова раскалывалась по-прежнему.

И по-прежнему я находился в шкуре монстра. Его лапы были крепко связаны, но мне удалось высвободить свою руку. Я попытался освободить вторую руку и ноги, но из этой затеи ничего не вышло. Все это было крайне неприятно, я хотел пить, а голова пульсировала болью.

Нашупав губами трубку, я выпил немного воды, а потом влил в себя порцию виски. Это немного взбодрило меня, и, хотя в голове продолжали стучать молоточки, я уже не обращал на них внимания. Теперь, по крайней мере, я мог манипулировать глазами. С трудом мне удалось высунуть один оптический отросток и повернуть его на 360 градусов.

Интересное зрелище. Я сразу же понял, почему не могу двигаться. Тяжелые цепи, которыми меня связали, были намертво приварены к полу. Это значительно уменьшало мои шансы на освобождение. Я находился в небольшом помещении без мебели с куполообразным потолком. Именно потолок в форме купола подсказал мне, где я нахожусь. Космический корабль. Корабль серых людей, летящий в космосе. Я прекрасно знал, куда он направляется, но не хотел думать об этом, чтобы не поддаваться отчаянию. Сначала необходимо понять, почему они связали не меня, а костюм?

— Да потому, идиот, что ни о чем не догадались! — закричал я. И тут же пожалел об этом, поскольку голова чуть не взорвалась от боли.

Костюм монстра оказался слишком хорош, чтобы заподозрить подделку. Наверное, они очень спешили — цепи были приварены к полу кое-как. Они буквально улепетывали с планеты, где их грозили разорвать на части миллионы милых зубастых созданий.

— Это — единственный шанс, — прошептала я и принялся выбираться из костюма.

Нелегкая, поверьте, была работенка, но все же мне это удалось, и я вылез через разрез на груди, как мотылек из куколки. Потянувшись и похрустев суставами, я почувствовал себя гораздо лучше. И совсем повеселел, когда вытащил из костюма свой пистолет. Освободившись от оков, с пистолетом в руке я мог посмотреть в глаза правде. Десять к одному, что корабль возвращался на базу. На планету серых людей.

Не слишком приятная перспектива, но у меня оставалась кое-какая возможность улучшить ее. До того, как мы приземлимся, и до того, как меня придут проведать. Сейчас они наверняка устали после поспешного бегства и потеряли бдительность. Так что действовать нужно быстро и решительно. Я поставил пере-

ключатель на пистолете со «взрыва» на «яд», но потом все-таки изменил на «сон». Хотя я был уверен, что серые люди заслуживают смерти, но хладнокровно убивать не мог. Если я захвачу корабль, я сумею их изолировать.

- Вперед, Скользящий Джим, спаситель человечества, — подбодрил я себя. И тут же снова впал в депрессию, когда обнаружил, что дверь намертво закрыта. -- Конечно, здесь нужен термит, как же я мог об этом забыть, — сказал я, направляясь к своему маскировочному одеянию. Все системы еще работали, и из-под хвоста выпала граната. Всего лишь пару секунд мне понадобилось на то, чтобы прикрепить гранату к замку. Она замечательно рванула, проделав дыру в двери и наполнив комнату густым, едким дымом. Отдуваясь, пыхтя и багровея, я пнул дверь ногой. И тут же нырнул в коридор, где плюхнулся на пол, целясь во все стороны из пистолета. Ничего. Пустой коридор, к тому же плохо освещенный.

Куда теперь? На дверях были номера, и, как на любом звездолете, они уменьшались в сторону носа, где размещался центр управления. Туда я и пошел, как вдруг одна из дверей открылась — увидев меня, серый человек вытупил глаза и открыл рот. Игла из пистолета вонзилась ему в горло, и он хлопнулся на пол. Я прижался к стене, готовый к любым неожиданностям, но коридор был пуст. Пока мне везло.

Но куда спрятать тело? Решение созрело через секунду. Я приоткрыл ближайшую дверь и заглянул внутрь. Судя по всему, это была каюта, где, храпя, как пожарники, спали двенадцать членов экипажа. Их сон стал еще крепче, когда я выстрелил в каждого иглой. Притащив из коридора спящего красавца, я швырнул его на кучу маскировочных костюмов.

— Приятных снов, — пожелал я им, закрывая дверь. — У вас был тяжелый день, но я обещаю, что все ваши трудности позади.

В любую секунду меня могли обнаружить и поднять тревогу. Поэтому надежнее всего захватить капитанскую рубку. Отрезать ее от остальной части корабля, направиться к ближайшей станции Лиги и позвать на помощь. Это — единственный выход.

С пистолетом в руке я крался по коридору к командирской рубке. Проходя мимо двери с надписью «Радиорубка», я открыл ее и пожелал спокойной ночи радисту. Он уткнулся носом в панель передатчика. И тут же заснул. Передо мной была последняя дверь. Я сделал глубокий вдох. С тыла и флангов мне ничего не угрожало. Медленно выпустив из легких воздух, я открыл дверь.

Больше всего я опасался перестрелки, ведь шансы на победу были явно не в мою пользу.

Зайдя в командирскую рубку, я плавно закрыл за собой дверь и огляделся. Четверо. Все заняты работой. Прямо передо мной маячили два затылка, и я вонзил в них по иглке. Хозяева затылков тут же расслабились. Я осторожно шагнул вперед. Человек, сидевший справа от кресла капитана, повернул голову и тут же получил за это иглу в шею.

Оставался последний. Капитан. Я не стал его усыплять, поскольку нуждался в аудиенции. Засунув пистолет за пояс, я на цыпочках приблизился к креслу.

В последний момент он обернулся, но было уже поздно. Я сомкнул пальцы на его шее. Его глаза вылезли из орбит, и он еще несколько секунд подрыгал ногами, прежде чем отключиться.

— Шестнадцать ноль в пользу хороших парней, — удовлетворенно заметил я и сплясал боевой танец. — Но сначала закончи дело, а потом веселись, идиот!

Я был прав. Как всегда, я давал себе полезные советы. Порывшись в ящике, я выудил оттуда моток проволоки и крепко связал капитана. Затем привязал его к трубе подальше от пульта управления. Уложив остальных членов экипажа в ряд, я отстучал пару вопросов компьютеру.

Это был чудесный компьютер, который изо всех сил старался мне понравиться. Сначала он сообщил мне курс и конечную точку полета. Я запомнил эти данные, а для верности записал их на ладони. Если корабль летел туда, куда я предполагал, это координаты планеты серых людей. Специальный Корпус давно искал ее. Что ж, Инскипп получит от меня массу полезных сведений. Затем я запросил координаты ближайшей базы Лиги, установил нужный курс и расслабился.

— Два часа, Джим, всего два часа. Потом мы выйдем из искривленного пространства и окажемся возле базы. Одно коротенькое сообщение, и серым людям — конец. Гип-гип — ура!

Затылком я почувствовал на себе взгляд. Обернувшись, я увидел, что капитан пришел в себя и наблюдает за мной.

- Ты слышал это? — спросил я. — Или тебе повторить?

— Я слышал, — ответил он бесстрастным голосом. На его лице не отражалось никаких эмоций.

— Вот и хорошо. Меня зовут Джим ди Гриз. — Он молчал. — Ну, давай, как тебя зовут? Или мне посмотреть на твой ошейник?

— Я — Ком. Твое имя нам известно. Ты и раньше вмешивался в наши дела. Мы убьем тебя.

— Рад слышать, что моя репутация бежит впереди меня. Но не кажется ли тебе, что это пустая угроза?

— Каким образом ты обнаружил наше присутствие? — спросил Ком, игнорируя вопрос.

— Если хочешь знать, вы сами себя выдали. Возможно, вы и мастера на всякие гадости, но зато у вас убогое воображение. Ваш фокус с отрезанными руками действительно работает — кто знает это лучше меня! — но ничего нового вы придумать не способны. Короче, я видел шрамы на запястьях адмирала.

— Ты был один?

Кто кого допрашивал? Но, учитывая свое преимущество, я мог позволить себе некоторую долю откровенности.

— Сейчас я один. Но через пару часов здесь будет полным-полно представителей Лиги. На планете нас было четверо. Всем остальным, я надеюсь, удалось бежать, прихватив адмиралов, обработанных вами. Так что, будьте уверены, вас ожидает горячий дрием.

— Это все?

Мое терпение лопнуло, и я сказал ему пару теплых слов, каких ему до сих пор не доводилось слышать. Надеюсь.

— А теперь заткнись, — продолжил я, отдышавшись, — и я сам задам тебе пару вопросов. Ты готов?

— Нет.

Я удивленно посмотрел на него. Впервые за все время он повысил голос. Нет, он не закричал, и тон был не злобный. Он просто сказал «нет» твердым командирским голосом.

— Пора заканчивать операцию. Мы узнали все, что хотели. Ко мне!

Это был самый настоящий кошмар. Двери распахнулись, и в рубку ворвались серые люди. Я успел выстрелить раза четыре — без всякого эффекта. Трое офицеров, которых я недавно уложил, вскочили и бросились ко мне...

Глава одиннадцатая

Хотя я специалист по рукопашному бою, но всему есть предел. Особенно если противникам несть числа. К тому же они совершенно не умели драться — они просто висли на мне, и это было хуже всего. Я сбил с ног первых двух, вырубил следующих трех, уложил еще пару человек, но они повисли на мне, как мартышки на пальме. Я был просто погребен под массой тел. Сковав мне руки и ноги, они оставили меня лежать на полу. Офицеры заняли свои места. Я хмуро смотрел, как они снова ввели в компьютер прежний курс. Покончив с этим, Ком повернулся ко мне.

— Ты обманул меня, — сказала я. Признаю, не совсем удачная реплика, но как-то надо ведь завязать разговор.

— Конечно.

Да, серых людей не упрекнешь в многословии. Но я продолжал гнуть свою линию. Меня

охватила легкая паника, потому что за шаг до победы я потерял все.

— Зачем тебе это было нужно?

— Полагаю, это очевидно. Мы, разумеется, могли бы применить к тебе нашу стандартную процедуру мозгового контроля, как мы вначале и планировали. Но информация нужна была срочно, к тому же ты один раз уже подвергался этой операции. Неужели ты думаешь, что у нас не было подозрений на твой счет. Наша технология психоконтроля эффективна для любых рас — и вот некая новая разновидность монстра устояла. Такого не могло быть, и, захватив тебя, мы поняли, что произошло. Именно тогда я решил пойти на хитрость. Если ты тот, кого мы давно ищем, тебе никогда не придет в голову, что тебя могут обмануть. Твой пистолет был заряжен стерильными иглами. Все хорошо сыграли свои роли. А ты — лучше всех.

— Умен не по годам, — это все, на что я в тот момент был способен.

— Дважды наши операции проваливались — и оба раза по твоей вине. Третьего не будет. — Жестом он приказал своим людям поднять меня с пола. — Держать под двойной охраной до посадки. Мне он больше не нужен.

Раздавленный... Раньше я не понимал смысл этого слова. Лишенный способности двигаться, охваченный тяжелейшей депрессией. Это кого угодно заставит думать о самоубийстве. Но- только не меня, конечно. Пока я жив, жива и надежда. Эта мысль лишь углубила отчаяние, потому что никакой надежды не было.

Эти люди работали слишком старательно. Подвесив меня за руки на крюк, они принялись снимать с меня одежду, обувь и все остальное. Медленно, не спеша. Затем избавили от таких милых вещиц, как ножи, гранаты и отмычки. Затем, просветив меня рентгеном они забрали то, что было спрятано гораздо тщательней. Удалили два ложных зуба с взрывчаткой, которые до этого никому обнаружить не удавалось. Когда они закончили, я полегчал на несколько фунтов. Забрав все с собой, они оставили меня голым на холодном полу камеры. Который, как я заметил, становился холоднее с каждой минутой. Когда на нем появился иней, я застучал зубами и покрылся гусиной кожей. Я принялся скакать по камере. Это немного согрело меня. Двери приоткрылись, и охранник просунул туда голову.

— Я сейчас умру от холода, — заикаясь, произнес я. — Прекратите эту пытку.

— Мы не используем такие пытки, — почти удивленно ответил он. — Корабль разогрелся при взлете, а теперь он охлаждается до нормальной температуры.

— Я замерзаю. Может, вы и привыкли жить в холодильнике, но не я. Дайте мне какую-нибудь одежду или убейте.

Видимо, приказа лишить меня жизни не было. Охранник вернулся с теплым комбинезоном и четырьмя помощниками. Они сняли с меня оковы и надели комбинезон. Во время «сеанса» один из них держал дуло пистолета у меня во рту. Палец на спусковом крючке побелел от напряжения. Я не шевелился, пока на меня натягивали комбинезон и тяжелые башмаки.

Прошло четыре дня, прежде чем мы достигли пункта назначения. Мои похитители были никудышными собеседниками и не отвечали даже на самые оскорбительные ругательства. Еда была безвкусной, но питательной. Поили меня только водой. Все это мне смертельно надоело. Какие только планы побега ни рождались в моем мозгу. В наручниках, без оружия, я не смог бы захватить корабль, даже если бы мне удалось сбежать. Чего я тоже не мог сделать. К тому времени, когда мы приземлились, я уже почти впал в кому от безысходности и тоски.

— Где мы? — спросил я пришедших за мной охранников. — Давайте, болтуны, говорите. Если вы мне скажете название планеты, никто вас за это не расстреляет. Я ведь все равно никому об этом не расскажу.

— Кеккончихи, — сказал один.

— Будь здоров. Только не вытирай нос рукой. — Но мне пришлось самому смеяться над своей шуткой. Никто меня не поддержал.

Какая ирония судьбы! Я обладал бесценной информацией. Знал название планеты и ее координаты. И не мог передать сообщение. Если бы я обладал хоть минимальными психическими способностями, через несколько часов здесь было бы полно солдат Лиги. Но таких способностей у меня не было. Меня не раз подвергали психическому тестированию — без всякого результата.

Но теперь мне было, чем занять свой мозг и избавиться от депрессии, угнетавшей меня все эти дни. Наступило время снова подумать о побеге.

Нет, я не сумасшедший. Но мы приземлились и скоро должны будем покинуть корабль. Единственная возможность — сбежать при транспортировке. Как — я понятия об этом не имел.

Серые люди, естественно, не думали создавать мне условия для побега. Хотя с меня сняли цепи, но застегнули на шее металлический ошейник. Кровь застыла в моих жилах. Тонкий кабель от ошейника шел к металлической коробочке, которую один из охранников держал в руке.

— Можно обойтись без демонстрации, — по-

пытался сказать я самым непринужденным тоном. — Я уже носил такую штуку, и ваш друг Край — помните Край? — довольно долго показывал мне принцип действия ошейника.

— Я могу сделать так, — сказал охранник, дотрагиваясь пальцем до одной из кнопок.

Пламя охватило все мое тело. Я ослеп, оглох, онемел, потерял разум. Каждый болевой нерв заработал на полную катушку под воздействием нейтральных токов, генерируемых в коробочке. Я знал это, но какая польза от таких знаний? Боль была нестерпимой и, казалось, никогда не прекратится.

Когда все наконец закончилось, я обнаружил, что лежу на полу, не в силах пошевелить и пальцем. Меня подняли на ноги и потащили по коридору. Охранник с коробочкой время от времени толкал меня в спину, чтобы показать, кто тут главный. Я с ним не спорил. Хотя я мог уже ковылять сам, двое серых людей крепко держали меня под руки.

Мне это нравилось. Я еле сдерживался* чтобы не рассмеяться. Они были уверены, что я не сбегаю.

Когда дверь шлюзовой камеры распахнулась, мощный порыв ледяного ветра со снежным крошевом ударил в лицо. Меня потащили через метель.

Тусклое солнце освещало холодное убожество ландшафта. Снег, снег и снег, куда ни посмотри. Нет, что-то темное замаячило вдаль и пропало — каменная стена или какое-то здание. Мы продолжали идти, и я старался не обращать внимания на онемевшие руки и лицо. Ноги и тело согрелись, хотя кожа просто заледенела.

Мы были уже на полпути к темному пятну, когда снова налетел шквальный ветер. За секунду до этого я поскользнулся и упал, потащив за собой одного из охранников. Он не стал жаловаться, хотя и нажал на кнопку, отчего мое тело пронзила острая боль. Так он предупреждал, чтобы в следующий раз я был повнимательней. И все это молча. Я тоже не издал ни звука. Потому что в падении изловчился перекинуть провод от ошейника через плечо, а затем схватить его зубами. Я перекусил провод.

Это не так трудно, как вы думаете. Ведь коронки на моих передних зубах сделаны из силиконового карбида. Они невидимы для рентгеновских лучей, потому что у них такая же плотность, как и у обычной эмали. Но по прочности они превосходят лучшие марки стали. Снег скрыл меня от охранников на несколько секунд. Этого было вполне достаточно. Человеческие челюсти могут сдавливать предмет с усилием до 100 килограммов, а я старался изо всех сил.

Кабель лопнул. Как только это произошло,

я двинул коленом в пах охраннику, стоявшему справа. Он громко вскрикнул и отпустил мою руку. Ударом ладони по гррлу я вырубил второго. Теперь мои руки были свободны, и я прыгнул в сторону.

Стоявший позади меня охранник больше полагался на электронику, чем на свои рефлексy, поэтому он и потерял драгоценные секунды. Пока я занимался его коллегами, я находился к нему спиной, а он только судорожно нажимал на кнопку. И все еще тыкал в нее пальцем, когда я ударил его ногой в живот.

Я даже не оглянулся, чтобы посмотреть, кто же там так кричит. Взвалив обмякшее тело охранника на спину, я заковылял в снежную мглу.

Все это может показаться безумием. Но гораздо большее безумие покорно следовать за этими существами, обрекая себя на верную смерть. Я это уже однажды испытал, и до сих пор на моих запястьях шрамы. Конечно, здесь можно просто замерзнуть. Но это все-таки лучше, чем попасть в лапы серым людям. К тому же я надеялся, что, оставшись на свободе, смогу причинить им куда больше неприятностей.

Безжизненное тело охранника весило немало, и это замедляло шаг. Но я продолжал идти, пока не споткнулся и не упал головой прямо в сугроб. Мои руки и лицо так онемели, что я совсем не чувствовал холода.

Откуда-то доносились крики, но метель скрывала меня от преследователей. Непослушными пальцами я снял шапку с охранника и нахлобучил ее на свою голову. Мне еле удалось расстегнуть на нем одежду. И я не чувствовал никаких угрызений совести, когда снял с охранника перчатки. Поднявшись на ноги, я двинулся прочь сквозь снежную пелену.

Потом я побежал. Часто спотыкался, но не чувствовал холода. Это было единственным утешением. Когда метель стала стихать, я плюхнулся спиной в сугроб, глубоко провалившись в снег. Голоса преследователей раздавались все дальше и дальше. Я лежал, восстанавливая дыхание, и чувствовал, как по лицу течет пот. Затем я осторожно разгреб снег, и высунул голову.

Никого не было видно. Я подождал, пока снова пойдет снег и резвым галопом направился к металлической ограде. Высоченный забор из сетки тянулся до горизонта. Если к нему была подключена сигнализация, то она уже наверняка сработала. Поэтому отступать не было смысла. Я уже забрался на забор, когда мне в голову пришла прекрасная идея, и я снова прыгнул вниз.

Если сигнализация сработала, они станут искать меня в этом месте. Я не собирался об-

легчать им работу. Вместо того, чтобы перелезть через металлическую сетку, я во всю прыть помчался вдоль забора. Бежал я минут десять. Оглядевшись, никого не увидел. Тогда я перелез через забор, прыгнул с другой стороны и направился в белую пустыню. Я бежал, пока не рухнул от изнеможения. Лежа в снегу, я с трудом переводил дыхание. Отдышавшись, внимательно огляделся...

Ничего. Только снег. Никаких следов. Ни кустов, ни деревьев, ни камней. Никаких признаков жизни. Белая бескрайняя пустыня. Когда метель прекратилась, я увидел вдали темное здание, рт которого мечтал уйти.

Я развернулся и, спотыкаясь, побрел прочь.

Глава двенадцатая

— Ты свободный человек, Джим. Свободный. Свободный! — Я пытался таким образом немного взбодрить себя, и это помогало. Но не надолго. Что мне рассказывал Край об этой планете много лет тому назад? Я вспоминал — и это отвлекало от безнадежных мыслей.

Здесь всегда холодно. Здесь нет растений. Здесь вообще ничего не растет. Судя по тому, что он говорил, сейчас лето. Какая же тогда зима? Они ловят в море рыбу, сказал Край. Жизнь существует только в море. В снегах ничто не способно выжить. Кроме меня, разумеется. А сколько я еще протяну, зависит от того, как долго смогу двигаться. Я уже видел одно здание. Значит, есть и другие. Должно же здесь быть что-нибудь еще, кроме этого проклятого снега?

Действительно, кое-что было. Правда, оно меня чуть не погубило. Почувствовав, как снег уходит из-под ног, я едва успел броситься в сторону. Раздался треск, и в зияющей расщелине плеснула темная вода. Только тут я понял, что все это время шагал не по земле, а по льду моря.

При такой температуре мне наверняка бы грозила смерть, даже если бы я всего лишь промочил ноги. Мне эта мысль совершенно не понравилась. Я осторожно пополз от расщелины. Лишь оказавшись на безопасном расстоянии, я встал и, шатаясь, побрел обратно по своим следам.

- Что теперь, Джим? Думай быстрее. В следующий раз ты можешь оказаться не на льду, а под ним.

Я огляделся. Снег перестал идти, но поземка била в лицо. Однако теперь, зная, что искать, я вскоре обнаружил темную линию берега.

Итак, обратно путь заказан. Группа встречающих точит ножи. Но и шагать вперед, по льду — занятие, по меньшей мере, бесперспективное. Мне надо держаться берега. Необходимо найти жилье. Любое. Я тронулся в путь,

стараясь не думать, что будет, когда тусклый диск солнца опустится за горизонт.

Но солнце медленно угасало, мои надежды - тоже. Увязая в глубоком снегу, я совсем выбился из сил. Но зная, что остановиться значит погибнуть, я продолжал переставлять свинцовые ноги. Полностью поглощенный этим процессом; я заметил темные точки только тогда, когда они уже стали расти. Сначала я просто пялился на них, пытаюсь привести в порядок свои заледеневшие мысли. Точки передвигались. Когда я это осознал, то плашмя шлепнулся на снег. Зарывшись в снег, я внимательно наблюдал, как трое лыжников скользят в ста метрах от меня.

Дождавшись, когда они исчезнут из виду, я встал. На этот раз мне не понадобилось никаких усилий. У меня появился план. Снег прекратился, ветер стих, так что лыжня чётко виднелась на снегу. Она куда-то вела. Несомненно, туда, куда лыжники стремились попасть до наступления темноты. Что ж, именно это мне и нужно.

Я зашагал по лыжне.

Приближающаяся ночь уже не пугала — отчаяние уступило место надежде. Лыжники, конечно, двигались быстрее меня, но не намного. До начала сумерек они уже будут дома. Я надеялся, что и сам успею до ночи.

В теории все казалось легко, но практика выглядела гораздо сложнее. Солнце еще не опустилось за горизонт, но скрылось за плотными облаками, и видимость резко ухудшилась. Идти по лыжне становилось все труднее. К тому же я нуждался в отдыхе.

Наконец на горизонте появилось темное пятно. Мой мозг все еще пребывал в глубоком оледенении, поэтому я не сразу осознал важность увиденного.

— Это уже не белый снег! — Хрипло прошептал я. — А тебе подходит все, кроме снега.

Я снова заковылял, едва передвигая ноги. Темное пятно оказалось зданием, нет, группой зданий из темного камня. Маленькие окна. Покатые крыши, чтобы на них не скапливался снег. Крепкие и угрюмые строения.

И тут я услышал скрип снега под тяжестью шагов. Я скрылся за угол и прижался к стене дома. Шаги становились все громче и громче, затем они стали удаляться и, наконец, стихли. Я осторожно выглянул и обнаружил колонну уходящих людей. Человек двадцать. Они завернули за угол и скрылись из виду. В отчаянии я вскочил на ноги и заковылял за ними. За углом оказалась дверь — последний человек как раз скрылся в доме. Массивная дверь громко хлопнула. Я осторожно подобрался к ней и схватился за ручку.

Дом оказался заперт.

В жизни есть такие моменты, о которых

лучше не вспоминать. Сколько я ни дергал за ручку, дверь не поддавалась. Окончательно выбившись из сил, я привалился к двери, чтобы не упасть. И она открылась.

Впервые в жизни я не стал проверять, что находится по ту сторону двери. Я просто ввалился в помещение. Тепло, благословенное тепло окутывало меня, и, прислонившись к стене, я впитывал его. Передо мной тянулся длинный, плохо освещенный коридор со стенами из грубо отесанного камня. Я был один, но вдоль коридора виднелось множество дверей, из-за которых в любой момент могли появиться обитатели этого жилища. Но я был неспособен двинуться с места. Если бы стену убрали, я бы просто упал на пол. Я стоял, прислонившись к ней, как ледяная статуя. Снег таял, и под ногами у меня появилась лужица. Я чувствовал, как вместе с теплом ко мне возвращается жизнь.

Ближайшая от меня дверь распахнулась, и оттуда вышел человек. До него было не более двух метров.

Если бы он повернул голову, то непременно заметил бы меня. Но человек, стоя ко мне спиной, сосредоточенно возился с ключом. Затем двинулся по коридору и вскоре пропал из виду. (

— Хватит подпирать стену. Подумай лучше о том, что делать дальше. Ты, ржавая Стальная Крыса, кончай прохлаждаться! — Подбодрил я себя хриплым шепотом. — Убирайся из этого коридора. Почему бы тебе не зайти за ту дверь? Если ее заперли, то помещение наверняка пусто.

— Хорошая мысль, Джим. Только где взять отмычку?

— Найти что-нибудь подходящее, вот и все.

Я снял меховые рукавицы и вместе с шапкой засунул их запазуху. Хотя внутри здания было прохладно, мне показалось, что я оказался в раскаленной печи. Мои посиневшие пальцы обрели гибкость, хотя и сильно болели. Я потрогал обрывок кабеля, свисавшего с металлического ошейника. Внутри были провода. Разжевав их зубами, я сделал подобие отмычки и засунул ее в замок.

Я опытный взломщик и шуровал отмычкой в замке до тех пор, пока он наконец не покорился. В помещении было темно. Я зашел, закрыл за собой дверь, запер ее, а затем облегченно вздохнул. Впервые за все время побега я мог позволить себе расслабиться. Со счастливым стоном я повалился на пол и тут же заснул.

Точнее — едва не заснул. Хотя глаза слипались, я понял, что отдых — не самое лучшее решение.

— За работу! — приказал я себе и прикусил кончик языка. Это привело меня в чувство. Я

вскочил на ноги, ругаясь от боли, и принялся на ощупь продвигаться по комнате. Это было узкое помещение, скорее всего — коридор. Остаться здесь не было смысла, поэтому я направился вперед, где что-то тускло мерцало. Вскоре я увидел в стене небольшое окошко. По ту сторону окна стоял паренек и смотрел прямо на меня.

Отступить было поздно. Я улыбнулся ему, потом нахмурился, но он не обращал на меня никакого внимания. Затем мальчишка пригладил волосы рукой. Где-то глухо прозвенел звонок, и он сорвался с места.

Конечно. Одностороннее стекло. Зеркало, установленное для наблюдения. Я прошел дальше по коридору и увидел за стеклом помещение, напоминавшее классную комнату. Мальчишка вместе с одноклассниками сидел за партой и внимательно слушал учителя. Наставник — серый человек с серыми волосами и с бесстрастным взглядом — вел занятие. На его лице не отражалось абсолютно никаких эмоций. И — как я внезапно понял — на лицах учеников тоже. Никто не улыбался, не шушукался, не жевал резинку. Все слушали учителя, словно замороженные. Совсем не похоже на урок, по крайней мере, на мои воспоминания о школе. За спиной учителя висел плакат. На нем было написано большими черными буквами:

НЕ УЛЫБАЙСЯ

и дальше:

НЕ ХМУРЬСЯ

Оба указания неукоснительно выполнялись.

Когда мои глаза привыкли к тусклому свету, я увидел рядом с окошком динамик и выключатель. Понятно, для чего это надо. Я щелкнул выключателем и тут же услышал монотонный голос учителя:

— ...Моральная Философия. Это основной предмет, и вы будете изучать его, пока не овладеете в совершенстве. Все — независимо от способностей. Именно Моральная Философия делает нас великими. Именно Моральная Философия позволяет нам править другими. Вы уже прошли курс истории и знаете о Начальных Днях Кеккончихи. Вы знаете, что нас бросили на произвол судьбы, после чего только Тысяча осталась в живых. Другие проявляли слабость — и умирали. Другие боялись — и умирали. Другие позволяли эмоциям брать верх над разумом — и умирали. Сегодня мы здесь лишь потому, что Тысяча выжила. Моральная Философия дала им силы. Она даст силы и вам. Когда вы станете взрослыми, вы покинете этот мир и установите господство над более слабыми расами. Мы — высшая раса. У нас есть право считать себя таковой. А теперь отвечайте. Если вы проявите слабость?

— Мы умрем, — монотонным хором отве-

тили ученики.

— Если вы испугаетесь?

— Мы умрем.

— Если вы...

Я выключил звук, чувствуя, что услышал вполне достаточно, и погрузился в раздумья. Все эти годы, которые я посвятил борьбе с серыми людьми, я никогда не задумывался об истоках их характера. То, что мне удалось подслушать, говорило о причинах их жестокости и настойчивости. «Нас бросили на произвол судьбы», — сказал учитель. Видимо, здесь когда-то существовала колония, — возможно, занимавшаяся добычей руды, минералов или чего-нибудь в этом роде, планета была непригодной и слишком удаленной от цивилизованных миров, так что для основания колонии надо было иметь весомую причину. Затем эти люди оказались отрезаны от всего остального мира. Очевидно, это случилось в годы Распада. Судя по всему, колония во всем зависела от поставок. Когда поставки прекратились, большинство погибло, выжила лишь горстка. Выжила — если это можно назвать жизнью, — отказавшись от всех человеческих чувств и эмоций, всецело посвятив свою жизнь борьбе за существование. Они начали борьбу с безжалостной планетой и победили.

Но при этом они потеряли человечность. Они стали похожи на машины, подчиненные одной программе. Программой стала эта их Моральная Философия. Бред. Моральной она, возможно, была тогда, когда звала к выживанию. Сейчас она выродилась в типичную шовинистическую пропаганду. Остальная часть человечества была слабой, глупо эмоциональной, смеялась и хмурилась, понапрасну растрачивая драгоценную энергию. Серые люди не только считали себя высшими существами — их заставляли думать, что они высшие. Несколько поколений, взращенных на ненависти к тем, кто их бросил, — и серые люди превратились в беспощадных галактических завоевателей. Они навязывали свои догматы покоренным планетам. Слабые должны умереть — это основное правило. Выживших насильно вели к лучшей жизни.

Это они задумали и осуществили межпланетную интервенцию в Клианд. В самый последний момент в дело успел вмешаться Спецальный Корпус. Операцию организовал я. Неудивительно, что они мечтали свидеться со мной вновь.

Так что я нахожусь в обычной школе. Школе выживаемости, где в детях убивали все детское.

Я находился в тепле и — пока — в безопасности. Чем больше я узнаю об этом месте, тем больше у меня шансов придумать какой-нибудь план. Хватит слоняться по темным ко-

ридорам. Я подошел к следующей классной комнате. Здесь располагалась мастерская. Подростки собирали какие-то приборы.

Какие-то?! Я схватился за обруч на шее, глядя на них, как кролик на удава.

Они собирали маленькие металлические коробочки с кнопками. Коробочки с проводами, которые тянулись к ошейникам. Точно такой же ошейник был на мне. Машины для пыток. Я провел рукой по стене и нащупал выключатель.

—...разница только в применении, но не в теории. Вы собираете и испытываете эти синаптические генераторы, чтобы ознакомиться с методом их действия. Затем, когда вы перейдете к изучению аксионных фидеров, вам станет понятен принцип их функционирования. А теперь посмотрите на диаграмму на странице номер двадцать...

Аксионный фидер. Я должен узнать о нем как можно больше.

Этот аппарат я ни разу не видел, но сталкиваться с ним приходилось. Мозговой угнетатель, который порождал ложные воспоминания. Воспоминания о вещах, которых на самом деле не было. Например, об отрезанных кистях рук.

Какой же я идиот! Совсем забыл об опасности. Загипнотизированный голосом учителя, я не слышал приближавшихся ко мне шагов и заметил человека лишь тогда, когда он подошел ко мне чуть ли не вплотную.

Глава тринадцатая

В таких случаях надо сначала действовать, а потом думать. Я прыгнул, пытаюсь найти руками его горло. Он даже не пошевелился, а только тихо произнес:

— Добро пожаловать в школу Юрусарата, Джеймс ди Гриз. Я надеялся, что ты найдешь сюда дорогу...

Он замолчал, когда мои пальцы сдавили его горло. Он не сопротивлялся, на его лице не отразилось никаких эмоций. Он спокойно смотрел мне в глаза. У него была дряблая, морщинистая кожа, и я внезапно понял, что передо мной древний старик.

Хотя мне, приходилось убивать, защищая свою жизнь, но я не могу душить стариков, которые равнодушно наблюдают за моими действиями. Мои пальцы разжались. Я выдержал его взгляд и сказал своим самым отвратительным голосом:

— Стоит тебе только позвать на помощь, и ты — покойник!

— Я не собираюсь этого делать. Меня зовут Ханасу, и я ждал встречи с тобой, как только узнал о побеге. Я сделал все, что мог, чтобы ты оказался здесь.

— Каким образом?

— Рассчитал варианты. Если ты пойдешь на юг или на восток, то окажешься в городе, где тебя сразу же поймают. Если пойдешь на запад — выйдешь к этой школе. Если направишься на север, то сразу же окажешься возле моря и все равно повернешь на запад. Надеюсь на лучшее, я изменил расписание занятий, сделав упор на физическую подготовку. Маршрут был проложен следующим образом — сначала на юг, потом на запад, а затем обратно по берегу океана. Я решил, что, увидев лыжников, ты последуешь за ними. Так и произошло?

Мне не было смысла лгать.

— Да. Но зачем тебе это надо?

— Для начала — просто побеседовать. Никто не видел, как ты вошел в здание?

— Нет.

— Еще лучше, чем я ожидал. Я был уверен, что мне придется применить аксионный фидер... Если пройти до конца по этой контрольной галерее, мы окажемся в моем кабинете. Пойдем?

— Я тебе не верю.

— Это понятно. Но у тебя нет выбора. Так что следуй за мной.

С этими словами Ханасу повернулся и пошел по коридору. Мне ничего не оставалось, как двинуться за ним. Когда он поднялся по ступенькам и взялся за ручку двери, я схватил его за плечо.

— Что там?

— Мой кабинет. Я уже говорил...

— Там кто-нибудь есть?

— Никто не имеет права заходить сюда без моего разрешения. Но я посмотрю...

— Лучше это сделаю я.

Я чувствовал себя ящерицей, одним глазом удерживая его в поле зрения, а другим осматривая комнату. Узкое, темное окно, полки с книгами, большой стол, шкаф с картотекой, несколько стульев. Я указал ему на стул, водрузив его посреди кабинета — в столе, в панелях могли быть скрытые кнопки сигнализации. Он покорно уселся, сложив руки на груди. Я плюхнулся на стул за столом, закинул ноги на стол.

— Ты действительно хочешь мне помочь? — скептически спросил я.

— Да.

— Ты можешь показать для начала, как снять эту штуку с моей шеи.

— Конечно. Ключ в правом ящике стола.

Немного повозившись, я наконец расстегнул ошейник и швырнул его в угол.

— Прекрасно. — Я повертел головой. — Хороший кабинет. Ты заведешь этой школой?

— Да. Я Старший Наставник. Это моя почетная ссылка. Убить меня они не осмелились.

— Не имею ни малейшего понятия, о чем ты говоришь.

— Разумеется. Планетой правит Комитет Десяти. Многие годы я был его членом. Говорят, я неплохой организатор. Именно я спланировал операцию по захвату Клианда. Операция провалилась — благодаря твоему вмешательству, но я к тому времени уже набрал вес в Комитете. Именно тогда я попытался изменить нашу программу, но... все сорвалось. С тех пор я руковожу этой школой. Я не могу уйти отсюда и не могу изменить ни единого слова ни в одном из школьных курсов. Это надежная тюрьма.

Честное слово, меня это заинтриговало.

— А какие изменения ты хотел внести?

— Я стал сомневаться в правильности наших стратегических целей. Я имел дело с другими культурами — прогнившими, как утверждали отечественные теоретики — и у меня возникло много вопросов касательно нашей...

Дверь открылась, и ученик втолкнул тележку на колесиках.

— Я привез ваш ужин, Наставник, — сказал он, а затем увидел меня. На его лице не отразилось никаких эмоций. — Это сбежавший пленник.

Только усталость удержала меня на месте. Мне пришлось немало пережить за день, и мозг — как и тело — уже не реагировал с нужной скоростью.

— Ты прав, Иору, — сказал Ханасу. — Заходи. Ты проследишь за пленником, пока я обращусь за помощью.

Когда я услышал эти слова, то подскочил, как ужаленный, готовясь прикончить их обоих. Но Ханасу зашел Иору за спину и бесшумно закрыл дверь. Взяв с полки черную металлическую коробочку, он коснулся затылка ученика. Мальчуган застыл с широко раскрытыми глазами.

— Опасность миновала, — сказал Ханасу. — Я сотру в его памяти воспоминания о последних минутах. Вот и все.

К горлу у меня подкатил комок. Я почувствовал отвращение и страх. Да-да, именно страх.

— Что это за штука у тебя в руке?

— Аксионный фидер. Ты не раз его видел, но, конечно, ничего не помнишь. Этот прибор может стирать воспоминания и заменять их другими. А теперь выйди на минутку в коридор, чтобы ученик мог спокойно уйти.

Был ли у меня выбор? Я не знал. Возможно, усталость взяла верх. Я не стал спорить. Я просто подчинился. Хотя оставил дверь приоткрытой, чтобы иметь возможность наблюдать за происходящим в комнате. Ханасу что-то покрутил в аксионном фидере и снова приложил его к затылку мальчишки. Ничего не произо-

шло. Затем Ханасу открыл дверь и сел на свое место. Через несколько секунд ученик зашевелился и взялся за тележку...

— Я привез ваш ужин, Наставник, — сказал он.

— Оставь его здесь и больше сегодня не приходи. Я хочу поработать.

— Слушаюсь, Наставник. — Повернувшись, ученик вышел, и я вернулся в комнату.

— Это приспособление... то самое? — спросил я.

— Да.

— Это наиболее ужасная и отвратительная вещь во всей галактике.

— Это всего лишь машина, — ровным голосом ответил Ханасу, кладя аксионный фидер обратно на полку. — Я не хочу есть, а ты, должно быть, голоден после стольких испытаний. Угощайся.

Действительно, я и думать забыл о голоде, но когда Ханасу напомнил мне о еде, почувствовал, что могу съесть кита. В сыром виде. Я снял крышку с тарелки, и от вида пищи у меня потекли слюнки. Это была все та же безвкусная рыба, которой меня кормили на звездолете, но в тот момент она показалась мне изысканным деликатесом. Я засовывал себе в рот огромные куски, жевал и слушал Ханасу.

— Я пытаюсь понять, по какой причине ты считаешь эту машину отвратительной. Может, ты имел в виду цель, для которой она используется? — Я кивнул с набитым ртом. — Тогда причина мне понятна. За годы, проведенные в ссылке, я пришел к мысли, что большинство людей на этой планете глупы и лишены воображения. Ум и воображение являются препятствием для выживания в таком суровом мире, как наш. В результате направленного отбора и воспитания мы уничтожили эти качества. Это означает, что я — исключение, мутант. Я понял: мы не высшая раса, мы просто не похожи на других. А наш союз с монстрами в войне против собственного рода — величайшее преступление.

— Ты прав, — сказал я, с сожалением проглотив последний кусок. Я бы не отказался еще от одной порции. Но Ханасу, казалось, не слышал меня. Он продолжал:

— Осознав это, я попытался изменить наши цели/что оказалось невозможным. Хотя я и руковожу этой школой, я не могу изменить ни одного слова в учебных программах.

— Я могу изменить все, — сказал я.

— Конечно, — сказал он, повернувшись ко мне. Затем его лицо дрогнуло, и уголки губ слегка приподнялись. Он слабо улыбался, но все же это была улыбка! — А зачем же еще я хотел, чтобы ты пришел сюда? Ты можешь сделать то, о чем я мечтаю. Спасти людей этой холодной планеты от самих себя.

— Достаточно короткого сообщения. Стоит только передать координаты этой планеты...

— А затем появятся солдаты вашей Лиги и уничтожат нас.

— Ничего подобного! Ни один волосок не упадет с ваших дурных голов.

— Это издевательство, и это мне не нравится. Перестань смеяться надо мной. — Мне даже показалось, что в его голосе прозвучало раздражение.

- Это чистая правда. Ты просто не знаешь законов Лиги.

— Я знаю законы человека.

— Ну да, у вас в голове только одно — убить или быть убитым. Мы это, к счастью, уже миновали. Возможно, у нас не самая лучшая система с точки зрения морали, но она, по крайней мере, не приемлет насилия в качестве меры воздействия. Как ты думаешь, почему ваши друзья-монстры добились таких успехов? Мы давненько ни с кем не воевали. Пока не появились серые люди и не постарались перевести стрелки часов на двадцать тысяч лет назад. Государство не должно возводить убийство в ранг политики. Общество, прибегающее к убийству, само становится убийцей.

Ханасу мерил шагами комнату, пытаясь уяснить новые для него принципы. Тем временем я облизывал тарелку и ложку.

— То, что ты мне рассказал, не укладывается в моем сознании. Я должен все как следует обдумать, но не сейчас. Самое главное — я уже принял решение. Агрессии Кеккончихи надо положить конец. Слишком много крови. Я считал, что по законам логики вы должны стереть с лица планеты наш народ. Но ты сказал, что этого не произойдет, и я верю тебе. Но даже это не так важно. Надо отправить послание Лиге.

— Как?

— Ты сам должен ответить на свой вопрос. Будь у меня такая возможность, разве я не связался бы с Лигой?

— Да, конечно. — Теперь наступила моя очередь вышагивать по комнате. — Конечно, почтовая связь с другими планетами отсутствует. Пси-операторов тоже нет. Радио?

— Ближайшая база Лиги находится на расстоянии 430 световых лет.

— М-да, мы не можем столько ждать. Мне придется каким-то образом проникнуть на один из звездолетов.

- Это практически невозможно.

Глава четырнадцатая

— Посмотрим, — сказал я. — Есть в школе лаборатория электроники? Могу я там остаться в одиночестве?

— Я позабочусь об этом. Что ты хочешь?

— Сходи в библиотеку и принеси мне схему

детектора искривленного пространства. Думаю, у вас есть необходимые компоненты.

— На складе хранятся собранные детекторы. Их изучают в школе.

- Еще лучше. Тогда пойдем в лабораторию и займемся делом.

Ханасу подавал мне нужные детали, а я занимался сборкой, и скоро мое приспособление было готово. Я отошел в сторону, чтобы полюбоваться им. Прибор представлял собой металлическую трубу, заостренную с одной стороны и расширенную с другой.

— Произведение искусства, — сказал я.

— Как это функционирует? — с присущей ему практичностью спросил Ханасу.

— Эту штуку надо прикрепить к одному из ваших звездолетов. Если все сделать аккуратно, никто не обратит на нее внимания — ведь это копия сигнального отстреливателя, которым оснащены все корабли. Только вместо сигнальных ракет внутри находится вот это. — Я показал ему пластиковый цилиндр. — Внутри располагается батарея и мощный радиопередатчик. Я смастерил десять подобных передатчиков — больше, чем достаточно. Работают они следующим образом. Каждый раз, когда корабль выходит из искривленного пространства, один из передатчиков выстреливается и начинает передавать сигнал с задержкой в полчаса. За это время корабль уже давно вернется в искривленное пространство. Сигнал передается на частоте Лиги и содержит мой номер и координаты этой планеты. И, разумеется, призыв о помощи. Нам останется только сидеть и ждать, когда появится космическая «кавалерия».

— Очень интересно. А если вблизи не окажется ни одного приемного устройства?

— Теория вероятности на нашей стороне. Большинство пилотов время от времени включают навигационную аппаратуру. То же самое относится к пассажирским кораблям. Одно из наших радиопосланий обязательно достигнет цели.

— Остается надеяться. Это лучше, чем ничего. В крайнем случае, мы покончим жизнь самоубийством.

— Ты неисправимый оптимист.

— А как ты прикрепишь это приспособление к звездолету?

— При помощи атомного сварочного аппарата. — Я остановил его, увидев, что он открыл рот. — Ладно, я пошутил. Больше не буду. Я должен незаметно пробраться к одному из звездолетов. Чтобы все сделать, мне понадобится всего лишь несколько минут. Кбспорт охраняется?

— Он обнесен металлическим забором. На воротах охрана. Больше я ничего не знаю.

— Если это так, то задача упрощается. Мне

нужна твоя помощь. Я хочу знать, когда ближайший рейс. И мне нужен транспорт до космопорта.

— Что касается информации, то сложностей нет. Например, «Така Ча» стартует сегодня в 6:45...

— А сколько сейчас времени?

Прищурившись, Ханасу посмотрел на часы.

— Три часа одиннадцать минут, — наконец сообщил он.

— Ты можешь раздобыть транспорт? И вовремя доставить меня в космопорт?

Он долго думал и неохотно кивнул.

— Обычно это невозможно. Мне не разрешается выезжать за пределы школы. Но сегодня я могу сказать, что собираюсь присоединиться к поискам. Думаю, мне не откажут.

— Надо постараться.

Хитрость удалась. Через десять минут мы уже ехали в колымаге на лыжах, приводимой в действие электрическим мотором с пропеллером. Обогревателя, естественно, не было, как и мягких подушечек на сиденьях. Эти люди зашли слишком далеко в своем аскетизме. К своему радиоэжектору я приделал ремень и повесил его на плечо. Все инструменты, которые могли мне понадобиться, я сложил в сумку. Глядя на снежинки, пляшущие в свете фар, я пытался придумать какой-нибудь план.

— Насколько близко ты можешь подъехать к забору? — спросил я.

— Вплотную. Как видишь, здесь нет дорог. Можно ездить, где угодно.

— Это хорошо. Тогда сделаем так. Высадишь меня около забора и двинешься дальше. Но запомнишь место. Вернешься туда ровно через час. Но если по радио передадут сигнал тревоги, держись отсюда на расстоянии.

— Хорошо. У меня будет достаточно времени, чтобы вернуться в школу и выпить яд.

— Примешь его вместо завтрака. Только сначала убедись, что они поймали меня. Возможно, будет суматоха, но взять меня в плен не так уж просто.

— Ты когда-нибудь ездил на лыжах?

— Я чемпион по лыжному спорту.

Операция прошла, как по маслу. Пару раз мы видели огни других машин. Но они были далеко. Затем на бешеной скорости петляли между каких-то темных зданий. Ханасу вел машину как ас-водитель. Вскоре мы оказались возле ограждения и поехали вдоль него. Впереди ярко горели, фонари, видимо, на воротах. Затем на какое-то мгновение резкий порыв ветра подхватил с земли тучу снега.

— Я спрыгну здесь, — закричал я. — А ты езжай дальше и не забывай поглядывать на часы.

Сбросив сумку с инструментами в снег, я нырнул вслед за ней. Не успел приземлиться,

как Ханасу уже рванул с места, обдав меня снежной пылью. Темно, холодно, противно — прекрасная маскировка. Вытащив из сумки детектор, я осторожно приблизился к металлической сетке забора.

Простенькая система сигнализации. Я мог отключить ее и прорезать дыру в сетке, закрыв один глаз, стоя на одной ноге и спрятав правую руку за спину. Не в силах удержаться от соблазна, я закрыл один глаз, поджал одну ногу и быстро справился с работой. Прорезав в сетке дыру, я побросал туда свои инструменты, а затем пролез сам. За пару секунд сделал дыру при помощи молекулярной сварки, нацепил лыжи и заскользил в темноту. Снег засыпал мои следы. Первый этап прошел отлично.

Звездолет я нашел без всяких проблем. Он стоял на ярко освещенной площадке. Я направился к нему, лавируя между зданиями. Возле последнего строения я остановился и принялся рассматривать стартовую площадку.

Мощные прожекторы на башнях освещали корабль. Снежинки падали на горячие лампы и с шипением таяли. Вокруг звездолета царил оживление — ходили люди, ездили машины. На боку красовалось название — «Така Ча». Тот самый корабль.

Только как мне приблизиться к нему, чтобы прицепить свое приспособление?

Глава пятнадцатая

Ответ на этот вопрос был понятен. В своей одежде я не мог незаметно приблизиться к кораблю. Следовательно, я должен раздобыть себе комбинезон обслуги.

Найдя укромное местечко за какими-то бочками, я спрятал там свою амуницию. Но выкрасть рабочего оказалось непросто. Я ходил возле границы освещенной зоны, как волк вокруг костра, и ничего не мог поделать. Никто не приходил, никто не уходил. Рабочие на Кеккончихи работали тщательно, не торопясь и не проявляя никаких эмоций. Зато моих эмоций хватило бы на всех. Время летело. Прошел уже целый час. Я не успевал вернуться в назначенное место для встречи с Ханасу. Хуже того — я не сделал то, зачем сюда пришел. До старта звездолета оставалось меньше часа, а я все не мог до него добраться.

Мое терпение улетучилось, я придумывал и отвергал десятки самоубийственных планов, когда, наконец, один из рабочих, появившихся из башни крана, направился к одному из зданий. Я плюхнулся на живот и пополз по снегу, чтобы меня не заметили из окон. Подняв голову, я увидел, что тот скрылся за дверью с надписью «БЕНЖО». Я ринулся вслед за ним и узнал, что такое на самом деле «бенжо».

Я человек терпеливый, и дал ему возможность закончить свои дела, прежде чем свалить его на пол. Он как раз застегивал пуговицы. Он так и не узнал, что его ударило. Но я-то знал — ребро моей правой ладони. Стянув с него одежду, я связал его по рукам и ногам, всунул в рот кляп, затолкал в кабину и прикрутил проволокой к трубе. Я, конечно, мог оставить его замерзать на снегу, но это шло вразрез с моей собственной моральной философией, которую я проповедовал Ханасу. К тому же я сам в нее верил. Самое главное, чтобы его не обнаружили до старта звездолета. До которого осталось совсем немного.

Я едва влез в его комбинезон. Надев защитную каску, поднял воротник, чтобы скрыть лицо.

Наступил самый ответственный момент.

С замирающим сердцем я шел по освещенной площадке, держа под мышкой свою трубу. На плече болталась сумка с инструментами. Никто даже не посмотрел в мою сторону, все были заняты работой. Я облегченно вздохнул, когда наконец дошел до крана, побросал свои вещи в кабину и залез туда сам. Разобраться с ручками управления оказалось делом несложным. Медленно и осторожно я подъехал к основанию звездолета, скрывшись из поля зрения остальных рабочих. Но за мной могли наблюдать из темноты, поэтому мне пришлось работать в таком же монотонном ритме, как и другие. Я медленно поднялся до рулевого крыла корабля, где обычно крепится сигнальный отстреливатель.

Там его, разумеется, не было. Впрочем, это не имело никакого значения, потому что единственный человек, который мог заметить разницу, находился в туалете, привязанный к трубе. Я принялся за работу. Молекулярный сварочный аппарат весело зашипел, и через несколько минут мой радиоэжектор оказался намертво приваренным к корпусу звездолета. С земли его никто не увидит. Тем более, что снег все еще продолжал падать.

— Не подведи меня, приятель, — сказал я, ласково похлопав по нему рукой. Спустившись, я быстро покинул место преступления.

На этот раз я не стал идти пешком, а подкатил к зданиям с шиком прямо на кране, оставив его возле ближайшего строения. До старта оставалось десять минут. К звездолету подъехала машина с экипажем. Рабочие покидали стартовую площадку.

— Почему здесь кран? — послышался голос за моей спиной.

— Бур-бур? — промычала, не поворачивая головы. Кто-то приблизился ко мне.

— Не понял. Повтори.

— А это понятнее? — сказала я, развернувшись и схватив его обеими руками за горло. Глаза

его вылезли из орбит, а затем закрылись, когда он стукнулся головой о косяк двери. Когда решается судьба галактики, тут не до сантиментов. Я связывал пленнику руки, когда корабль стартовал. Такого приятного звука я в своей жизни еще не слышал.

— Ты победил, Джим. Ты опять победил, — поздравил я сам себя, так как вокруг не было никого, кто мог бы это сделать. — Еще не родившиеся поколения будут благословлять твое имя. А все жители Кеккончихи проклинать его каждый день.

Кинув очередное бесчувственное тело возле дверей, я вдруг заметил большой и сложный замок. Зачем он нужен? Табличка на двери помогла мне ответить на этот вопрос и подсказала, что делать дальше.

«Склад боеприпасов. Вход запрещен». Идеальное место для укрытия. Только сначала надо запутать следы. Это очень просто. Нацепив лыжи, я выехал на освещенное место и стал ждать, когда же меня заметят.

Никогда еще не встречал таких ненаблюдательных людей. Минут пять я вальяжно раскатывал взад-вперед, но никто не обращал на меня внимания. Все это мне уже порядком наскучило, к тому же я немного устал. В конце концов я почти вплотную подъехал к рабочим, сбив на своем пути две железные бочки. Только тогда они меня заметили. словно преступник в дешевом кино, я закрыл лицо рукой и, пригнувшись, помчался в темноту, спотыкаясь на каждом шагу. Не хватало только стрелки, указывающей, в какую сторону я побежал. Они, конечно, стояли, как остолопы, но я надеялся, что по крайней мере они запомнят, в каком направлении я скрылся. А бежал я прямо к забору. На этот раз я вырезал в сетке огромную дыришу, куда спокойно мог пройти танк. Набрав скорость, я скользил по открытым местам, оставляя четкие следы на снегу и одновременно размышляя, как бы вернуться обратно. Скоро такая возможность представилась. Недалеко от меня проехала машина с лыжами вместо колес. Поравнявшись с лыжней, я принялся пересекать ее во всех направлениях. Затем, оперевшись на лыжные палки, совершил поворот, который наполнил бы гордостью сердца моих инструкторов. Приземлился я на лыжные колеи, оставленные другой машиной. Теперь я не отталкивался палками, чтобы не оставлять следов. Таким образом преследователи бросятся за мной по лыжне, проложенной первой машиной. А я возвращался в город.

За время моей «прогулки» я заметил лишь несколько человек, шедших на лыжах по своим делам. Не думаю, чтобы кто-нибудь из них видел меня. И никаких признаков погони. Когда я достиг зданий, стоявших возле даль-

него края космопорта, то там тоже все было спокойно. Что теперь? Я хотел сначала убедиться, что погоня двинулась по ложному следу. Правда, торчать здесь было небезопасно. Заметив освещенное окно, я подкрался к нему и заглянул. Кухня. Кастрюли, миски, повар, готовящий завтрак. Заманчивая перспектива. Перспектива стала еще более многообещающей, когда повар обернулся, и я увидел, что передо мной женщина. Я еще ни разу не разговаривал с жительницей Кеккончихи и не мог удержаться от соблазна. Выходит, я зря запутывал следы... но упускать такую возможность было выше моих сил. Я подошел к двери и, сняв лыжи и прислонив их к стене, зашел в дом.

— Доброе утро, — поздоровался я. — Холодный сегодня денек, не правда ли.

Она повернулась и молча уставилась на меня. Молодая, симпатичная, с огромными глазами. Этакая пасторальная милашка.

— Ты тот, которого все разыскивают, — произнесла она с едва заметным волнением. — Я должна поднять тревогу.

— Ты не должна этого делать, — ответил я, готовый схватить ее в любую секунду.

— Слушаюсь, мой господин, — сказала она, поворачиваясь к своим кастрюлям и сковородкам.

Господин! Ну да, конечно!.. Мужчины на Кеккончихи должны считать женщин людьми второго сорта. Раса послушных служанок, вековая мечта мужчин — здесь она была выведена путем селекционного отбора.

Мои философские размышления мигом улетучились, когда я унюхал запах, исходивший из кастрюль на плите. Я давно уже не ел и сейчас чувствовал, как голод рвет мой желудок острыми зубами. В калейдоскопе событий я опять забыл о еде. Теперь живот напоминал мне об этом недовольным бурчанием.

— Что у тебя тут готовится, мой прекрасный цветок Кеккончихи?

Не поднимая глаз, она стала указывать на горшки и сковородки.

— Здесь кипяток. Здесь вареная рыба. Здесь запеченная рыба. Здесь соус из водорослей. Здесь...

— Прекрасно. Можешь не продолжать. Дай мне по порции всего, кроме кипятка, разумеется.

Пища была невкусной, но я не жаловался. Я даже уплел вторую порцию, не снижая темпа. Жуя и чавкая, я внимательно наблюдал за женщиной, но она не предприняла ни малейшей попытки убежать или позвать на помощь.

— Меня зовут Джим, — сообщил я. — А тебя?

— Каеру.

— Ты прекрасно готовишь, Каеру. Тебе эта работа приносит радость?

— Я не знаю такого слова.

— Не сомневаюсь. Работа занимает у тебя много времени?

— Я не понимаю вашего вопроса. Я встаю, я работаю, я ложусь спать.

— Праздников и выходных у тебя, разумеется, нет. В этом мире нужны перемены, и они не за горами. — Каеру вернулась к своей работе. — Эту культуру не надо разрушать. Она сама рассыпется на куски. Тебя ждет радостное завтра, Каеру.

— Завтра я буду работать, как и сегодня.

— Надеюсь, это продлится недолго... Когда ты подаешь завтрак?

Она посмотрела на часы.

— Через несколько минут. Когда прозвонит звонок.

— А для кого ты готовишь?

— Для мужчин. Для солдат.

Не успела она произнести последнее слово, как я уже соскочил со стула и стал натягивать рукавицы.

— Прекрасный завтрак, но, боюсь, мне пора идти. Я двигаюсь на юг. Надо закончить кое-какие дела, пока не взойдет солнце. Полагаю, ты не станешь противиться, если я тебя свяжу?

— Делай со мной все, что захочешь, мой господин. — Сказав это, она опустила глаза. Впервые в жизни мне стало стыдно за то, что я мужчина.

— Когда-нибудь твоя жизнь изменится, Каеру. Я тебе обещаю. Если мне удастся спасти свою шкуру, я пришлю тебе посылку с гуманитарной помощью. Платья, губную помаду и брошюру о движении феминисток. А теперь скажи — есть ли здесь кладовка?

Она указала на дверь, и я поцеловал ее в лоб. Она тут же принялась раздеваться и удивилась, когда я ее остановил. Представляю, какие романтические любовники эти серые люди! Еще одно преступление, за которое они должны ответить. Каеру не противилась, когда я закрыл ее в кладовке и запер дверь на ключ. Ее, конечно, быстро обнаружат, когда солдаты придут завтракать. Но все же я выиграю несколько минут.

Выйдя из дома, я некоторое время шел, держа лыжи на плече, пока не оказался на обледенелой площадке, где следов не будет видно. Только тогда я встал на лыжи и помчался в обратном направлении. Вскоре я оказался возле ограждения космопорта и снова проделал дыру в проволочной сетке. Слышались крики и завывания сирен. Значит, мой предыдущий визит не остался незамеченным. Как раз вовремя. Я с трудом боролся с зевотой. Начался рассвет. Самое время отдохнуть. Я заделал отверстие в сетке и заковылял по полю.

Без всяких приключений я добрался до склада боеприпасов. Человек, которого я оста-

вил лежать возле дверей, исчез, как, впрочем, и все остальные в округе. Замок так и просил, чтобы я обратил на него свое внимание, и я справился с ним за пару секунд. Прекрасно, Джим! Закрыв за собой дверь, я вошел внутрь, едва передвигая свинцовые ноги. Передо мной была комната, где хранились осколочные гранаты. Спрятавшись за ними, я лег на пол и мгновенно — заснул.

Казалось, я мог бы спать вечно. Но что-то потревожило меня. Сознание вернулось ко мне, и я увидел, что наступил день. Так что же меня разбудило? Свет?

Нет. Ключ, поворачивающийся в замке, и скрип открываемой двери.

Я сам во всем виноват. Как я мог забыть о поисковых отрядах. Этих людей не перехитрить. Как только они узнали, что я жив, то принялись обыскивать все здания подряд. Игра продолжалась.

Глава шестнадцатая

Сон освежил меня, богатая протеином рыба восстановила силы. Выждав, когда человек приблизится, я прыгнул на него. И тут же запутался в лыжах, которые забыл снять. И рухнул к его ногам. Но судьба схватки все же была предрешена, ведь серые люди абсолютно не умели драться. Дотянувшись до его ноги, я опрокинул его на пол. После чего поднялся, положил лыжи на плечи и, переступив через неподвижное тело, высунул голову из двери. По всему зданию рыскали серые люди. Я засеменял к выходу. Один из них заметил меня, но я успел сделать три шага, прежде чем он опомнился.

— Он здесь! Пытается убежать, — монотонно произнес он.

— Уже убежал! — закричал я, выскочив в дверь и сбив при этом одного из преследователей. Нацепив лыжи, я рванул прочь.

Естественно, это ничего мне не дало, просто на несколько минут отсрочило неизбежное. Дыру в решетке заделали, на воротах стояла охрана, а моя сумка с инструментами осталась на складе боеприпасов. Скользя по снегу и обдумывая, что делать дальше, я услышал звук заводящихся машин. Можно захватить одну из них. Прорваться через охраняемые ворота. А что потом? Я не смогу в одиночку бороться с целой планетой.

Возможно, мне удастся найти в городе укромное местечко. Только зачем? От всего населения планеты мне все равно не спрятаться. Я было остановился, но, вспомнив про аксионный фидер, снова тронулся в путь. Может, Ханасу прав, и самоубийство — единственный выход. Но я отмел этот вариант. Я не самоубийца. По крайней мере, надо попытаться себя в этом убедить.

Вдруг в небе раздался тонкий пронзительный свист, и, подняв глаза, я обнаружил, что прямо мне на голову садится корабль. На небольшом патрульном катере сияла эмблема Лиги.

— Получилось! — завопил я. Исторгая победные крики, я ринулся вперед. Не успел корабль коснуться земли, как я уже находился рядом с ним. Стоит ли упоминать, что никто из местного населения не проявил такого энтузиазма. Люк корабля открылся.

— Добро пожаловать на Кеккончихи, — приветствовал я появившегося пилота.

Молодой бородатый пилот осмотрел меня с головы до ног:

— Мне приказано взять на борт Джеймса Боливара ди Гриза. Это ты, что ли?

— Да ты не только свирепый космический волк, но еще и прозорливый малый!

— Ладно, полезай в корабль, а то вон те ребята — с оружием.

— Нет, сначала я должен объяснить им, что произошло.

Я был счастлив увидеть старого знакомого. Ком, командир и капитан корабля, возглавлял погоню.

— Брось пистолет! — приказал я. Но вместо этого он направил его на меня.

— Вы оба пойдете со мной.

У меня глаза налились кровью. Упрямство этих людей бесило меня. Сколько они уже пролили крови, сколько смертей на их совести!

— Не стреляй! — закричал я и, подняв руки, спотыкаясь, побрел к нему. Ребром ладони я выбил пистолет, поймал его в воздухе, завернул ему руку за спину и ткнул дуло пистолета в затылок Кома.

— Послушайте, от замороженные идиоты! — закричал я. — Все, конец. Вы проиграли. Секретность была вашим главным оружием, вы скрывались, как клопы за обоями. Но теперь все кончено. Видите эмблему? Это корабль Лиги. Теперь они знают о вас. Знают, кто вы и откуда. Справедливость спустилась на вашу планету в лице этого симпатичного пилота, который завоевал Кеккончихи.

— Разве? — удивленно пробормотал пилот.

— Заткнись, болван, и выполняй свое задание.

— Мое задание заключалось в том, чтобы взять вас на борт.

— Я расширил твои полномочия. Забери у них оружие.

В моем голосе едва заметно звучали нотки отчаяния, потому что серые люди направили свои пистолеты на нас. Зная их, я не сомневался, что они хладнокровно убьют Кома, чтобы поймать меня. Я еще сильнее завернул ему руку за спину.

— Ну давай, Ком, скажи этим молодцам, чтобы они побросали оружие и сдались в плен. Если прозвучит хоть один выстрел, я лично прослежу, чтобы тебя подвергли самым страшным пыткам.

Ком задумался и вскоре принял решение.

— Возможно, этот корабль оказался здесь случайно.

— Ничего подобного, — ответил пилот. — Мы получили сигнал тревоги, и все корабли в этой зоне летят к вашей планете. Мы уже долго разыскиваем вас. Я покажу вам послание.

— Не надо никакого послания... Убейте обоих, — громко приказал Ком. — Если они лгут, то заслуживают смерти. Если не лгут, то мы все равно погибнем. Нет никакой разницы.

- Отойди в сторону, Ком, — сказал один из серых людей, поднимая пистолет на уровень глаз. — Иначе мне придется стрелять в тебя.

— Стреляй в меня, — последовал монотонный ответ.

— Стой! — закричал я, метким выстрелом выбив пистолет из руки серого человека. — Это бесполезно!

Они так не думали. Они уже изготовились стрелять, когда пилот показал им послание. Застрекотал корабельный пулемет, и разрывные пули полетели во все стороны. Не теряя времени, я двинул Кома пистолетом по затылку, чтобы он не артачился. Через секунду мы уже находились в шлюзовой камере, и я нажал на кнопку закрытия люка. Ком стал приходить в сознание, но я успокоил его ударом в висок. Я не злой человек, но сейчас получал прямо-таки садистское наслаждение.

— Ложись на пол! Мы взлетаем с пятикратной перегрузкой! — предупредил пилот.

Так оно и случилось. Меня размазало по полу, я ударился обо что-то головой, и перед глазами поплыли разноцветные круги. Затем давление исчезло, и я запарил в невесомости.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я.

— Пожалуйста. Надо же, какие у тебя чокнутые друзья.

- Это те самые психи, которые развязали войну. Кстати, что нового?

— Мы по-прежнему отступаем, — мрачно ответил пилот.

— Не унывай. Направь ракету к ближайшей станции, где есть пси-оператор. Мне нужно срочно передать важную информацию. Кстати, ничего не слышал о побеге с планеты чужаков?

— Ты имеешь в виду адмиралов? Они вернулись. Правда, на них жалко смотреть. Я хочу сказать, что вообще-то мне наплевать на старших офицеров, я отношусь к ним как к неисследованной форме жизни. Но с адмиралами поступили жестоко.

— Их вылечат. Не смотри, что я улыбаюсь, просто их освобождение говорит мне о многом. А теперь прибавь скорости. У нас полно дел.

К тому времени, как мы приземлились на спутниковой станции, я записал все свои предложения. Отправить крейсер на Кеккончихи. Отыскать Ханасу и поставить его во главе комитета по умиротворению. Сейчас самое главное — нейтрализовать серых людей, защитив таким образом наши фланги. Нам еще надо выиграть войну. Я прочитал все сообщения, поступившие с фронтов, и, когда мы достигли Главной базы Специального Корпуса, в моей голове родились кое-какие планы. Все они тут же улетучились, когда я увидел свою обожаемую женушку.

- Воздуха... — прохрипел я после затяжного и страстного поцелуя. -- Как приятно вернуться домой.

— Это еще не все, но я полагаю, ты сначала займешься войной.

— Если ты не против, моя прелесть. Операция по спасению адмиралов прошла гладко?

— Как по маслу. Ты здорово нам помог, устроив суматоху. Мальчики поработали на славу. Они быстро учатся. Сейчас они занимают важные должности на флоте... Я так беспокоилась за тебя!

— У тебя были для этого основания, но все уже позади. Война... — Мой восторг улетучился. — Как идут дела?

— Ничего утешительного. Оставшись рдни, чужаки сначала наделали немало глупостей. После того, как серые люди покинули планету, среди командования произошел раскол. Но у них осталось немало смысленных низовых командиров, которые начали наступление на всех фронтах. Они оставили свою базу и наносят нам один удар за другим. Мы продолжаем отступать. Они превосходят нас в живой силе и вооружении в сотни раз.

— И сколько это может продолжаться?

— Недолго. Мы оставили почти все обитаемые планеты и скоро окажемся в межгалактическом космосе. Дальше отступать некуда. А если мы отступим дальше, эти монстры поймут, что победили. Сдерживая нас небольшими силами у границы галактики, они начнут интервенцию на планеты.

— Мрачноватая картина...

— Но верная.

— Не волнуйся, радость моя. — Я обнял и поцеловал Анжелину. — Твой Скользкий Джим снова спасет галактику.

— Как приятно это слышать.

— Мне приказали явиться сюда, — раздался знакомый голос, — чтобы посмотреть, как вы обнимаетесь и целуетесь? Вы что, не знаете, что идет война? Я очень занятой человек.

— Скоро вы будете еще более занятым, профессор Койцу.

— Что ты хочешь этим сказать? — Он нервно передернул плечами и заскрежетал своими выпирающими зубами.

— Я хочу сказать, что вам придется создать оружие, которое спасет нас всех, и ваше имя навсегда войдет в историю. Койцу — Спаситель Вселенной!

— Ты сумасшедший.

— Ты не первый, кто это говорит. Гениев всегда называют сумасшедшими. А иногда и хуже... Я прочитал в совершенно секретном отчете, что вы верите в существование параллельных миров...

— Тихо, идиот! Об этом никто не должен знать. Особенно ты!

— Я узнал об этом случайно. Когда я проходил мимо сейфа, он неожиданно открылся и оттуда выпал листок с этим секретным отчетом. Так это правда?

— Правда, правда, — пробурчал он, с несчастным видом постукивая себя ногтями по зубам. — Мысль об этом пришла мне в голову, когда ты застрял во временной петле и попал в прошлое, которого не существует.

— Но ведь для меня оно существовало.

— Разумеется. Как я и говорил. Таким образом, возможно существование еще одного прошлого, а, стало быть, и бесчисленных вариантов прошлого. И настоящего тоже, как подсказывает логика.

— Действительно! — подбодрил его я. — Итак, вы провели эксперименты...

— Да. Я получил доступ в параллельные вселенные и произвел там необходимые наблюдения. Но как это может спасти галактику?

— Сначала, с вашего разрешения, я задам еще один вопрос. Можно ли попасть в эти вселенные?

— Конечно. Как же иначе я мог бы производить там свои наблюдения? Я посылаю туда специальный аппарат, который делает замеры и фотографии.

— И какого размера аппарат можно туда послать?

— Это зависит от мощности поля.

— Отлично. Мне все понятно.

— Может, тебе что-то понятно, Скользкий Джим, — недовольно сказала Анжелина, — но я ничего не понимаю.

— О, дорогая, ты только представь, какие это дает нам возможности. Мы посылаем военный корабль с мощным источником питания. Корабль присоединяется к нашему флоту и вступает в сражение. Флот отступает, корабль остается, его захватывают враги, включается поле и...

— И все эти уродливые создания со своим вооружением отправляются в другую вселен-

ную. И нам больше никто не будет угрожать!

— Примерно так, — сказала я скромно. — Мы сможем это сделать, Койцу?

— Хм... Я об этом не думал... Но в принципе...

— Давайте отправимся в вашу лабораторию и посмотрим на это устройство. Надо сделать возможное реальным.

Новое изобретение Койцу выглядело довольно невзрачно. Куча всяких ящиков с проводами и переключателями. Но он явно гордился своим детищем.

— Кое-что еще предстоит доделать, как вы сами видите, — сказал профессор. — Я назвал это устройство параллелолайзер...

— Мне в жизни не произнести это слово.

— Прекрати, ди Гриз! Это изобретение изменит судьбу нашей вселенной и, по крайней мере, еще одной неизвестной.

— Не принимайте так близко к сердцу, — примирительно сказал я. — А теперь, будьте так добры, покажите, как работает ваш параллело... в общем, эта штукавина.

Бормоча себе под нос, Койцу принялся щелкать переключателями. Пока он этим занимался, я обнял Анжелину, и она обвила руки вокруг моей шеи. Профессор, занятый работой, не замечал, что мы тоже заняты — своим делом. Настраивая свой аппарат, он объяснял принцип его действия.

— Самое главное — это точность. Различные параллельные вселенные отделены друг от друга лишь фактором вероятности. Основная сложность заключается в том, чтобы выбрать нужный фактор из бесчисленного числа ему подобных. Разумеется, сложные факторы вероятности относятся к дальним вселенным, и для них требуется более мощное силовое поле. Для начала мы возьмем ближайшую вселенную. Итак...

Он установил в нужное положение последний переключатель, и свет померк, когда машина стала поглощать всю имеющуюся энергию. Она гудела, во все стороны летели искры, а в воздухе резко запахло озоном. Я выпустил Анжелину из своих объятий и посмотрел по сторонам.

— Знаете, профессор, — сказал я. — Кажется, ничего не произошло.

— Кретин! Посмотри сквозь генератор поля.

Я посмотрел сквозь большую металлическую раму, на которую были намотаны медные провода. Я все равно ничего не видел, о чем и сообщил профессору. Он заскрежетал зубами от злости и хотел вырвать клочок волос со своей головы. Это ему не удалось, так как он был абсолютно лыс.

— Посмотри через поле, и на другой стороне ты увидишь параллельную вселенную.

— Я вижу всего лишь лабораторию.

— Тупица! Это другая лаборатория! Лаборатория из другого мира.

— Замечательно, — улыбнулся я, не желая обижать старого профессора. Хотя я давно считал его психом. — Вы хотите сказать, что, стоит мне пройти через экран, как я окажусь в другом мире?

— Возможно. А может, умрешь. Я не перемещал через экран живую материю.

— Не пора ли попробовать? — сказала Анжелина, крепко беря меня за руку. — Только не на моем муже.

Бормоча под нос проклятия, Койцу вышел и вскоре вернулся с белой мышью. Он поместил ее в зажим на длинном металлическом пруте и осторожно переместил мышью через экран. Мышь высвободилась из зажима и плюхнулась на пол. Затем побежала вперед и исчезла.

— Куда она побежала? — спросил я, моргая глазами.

— В параллельный мир, как я уже объяснил.

— Бедняжка испугалась, — сказала Анжелина. — Но, похоже, ничего плохого с ней не произошло.

— Надо сделать необходимые анализы, — сказал Койцу. — Заслать туда еще несколько мышей, затем произвести микроскопическое исследование срезов тканей, спектрографическую детерминацию факторов...

— В нормальных условиях — да, профессор, — сказал я. — Но идет война, и у нас нет времени. Если мы прямо сейчас...

— Нет! — завопила Анжелина, которая поняла, что я имею в виду, быстрее, чем профессор.

Но она опоздала.

Когда она закричала, я уже проходил сквозь экран.

Глава семнадцатая

Я почувствовал лишь легкий зуд. Впрочем, это могло быть только плодом воображения — ведь я ждал каких-то необычных ощущений. Осмотрелся. Знакомая обстановка, только, разумеется, отсутствовал параллелолайзер.

— Возвращайся немедленно, Джим ди Гриз, или я пойду за тобой, — сказала Анжелина.

— Подожди минутку. Это исторический момент, и я хочу насладиться им сполна.

Оказавшись в другом мире, я с грустью заметил, что прежняя лаборатория — с Анжелиной и профессором — исчезла из поля зрения. Сам экран представлял собой черное пятно, висевшее в воздухе. Боковым зрением я заметил какое-то движение — возле шкафа пробежала мышь. Надеюсь, ей здесь понравилось. Прежде чем вернуться, я почувствовал, что должен как-то увековечить это историческое событие. Вытащив авторучку, я написал на стене «ЗДЕСЬ БЫЛ СКОЛЬЗКИЙ ДЖИМ». Это им

на память. В этот момент дверь стала открываться, и я тут же шмыгнул обратно сквозь экран. У меня не было ни малейшего желания встречаться с кем бы то ни было. Возможно, это был мой двойник из параллельного мира.

— Очень интересно, — сказал я. Анжелина повисла у меня на шее, а Койцу выключил машину. — Какой величины может быть экран? — спросил я.

— Не существует ни физических, ни теоретических пределов, так как его на самом деле нет в природе. Сейчас для удержания поля я использую медную обмотку, но, в принципе, от нее можно отказаться. Когда я смогу создать поле без материальных ограничителей, оно будет таким большим, что через него пройдет весь флот чужаков.

— В этом и состоит мой план, профессор. Возвращайтесь за свой кульман и шевелите извилинами. А я пока доложу о новостях нашим начальникам.

Собрать вместе всех начальников штабов оказалось не таким уж простым занятием. Пришлось действовать через Инскиппа, который, пользуясь полномочиями главы Специального Корпуса, созвал совещание. Так как база являлась главным штабом обороны, никто не посмел ответить отказом. В отутюженной униформе я ждал, когда они усядутся. Моя грудь блистала медалями (две трети были фальшивыми). Адмиралы приветствовали друг друга, раскуривая длинные сигары и бросая в мою сторону неодобрительные взгляды. Когда они уселись, я попросил слова.

— Джентльмены, в настоящее время мы проигрываем войну.

— Мы собрались здесь не для того, чтобы слушать прописные истины, ди Гриз, — рявкнул Инскипп.

— Я попросил вас собраться, чтобы объявить о приближающемся конце войны. Мы победим.

Это, наконец, привлекло их внимание. Все глаза уставились на меня.

— Таковую возможность дает нам новое изобретение под названием параллелолайзер. С его помощью мы сможем отправить весь флот чужаков в параллельную галактику и навсегда забыть об этих тварях.

— Что за чушь несет этот сумасшедший? — проворчал один из адмиралов.

— Я веду речь о таком сложном изобретении, что даже моего ума недостаточно, чтобы уяснить его сущность. Что тогда говорить о ваших усохших мозгах? Но попытаюсь объяснить вам принцип его действия. — Послышались возмущенные выкрики, но, по крайней мере, я завладел их вниманием. — Теоретически все обстоит следующим образом. Мы можем путешествовать в прошлое, но не можем

изменить его. Если мы и совершим там какие-нибудь радикальные изменения, они станут частью прошлого того настоящего, в котором мы сейчас живем. — Несколько адмиралов погрузились в дремоту, но я продолжал. — Впрочем, изменения в прошлом могут привести к образованию другого прошлого для другого настоящего. Только мы не знаем об этом, но это настоящее существует для людей, которые в нем существуют. Эти альтернативные линии времени, или параллельные миры, были закрыты для нас, пока гений профессора Койцу не позволил изобрести параллелолайзер. Это приспособление дает возможность проникнуть в параллельные вселенные. Сейчас главное — создать поле достаточных размеров, чтобы сквозь него мог пройти весь флот жужаков. Таким образом мы навсегда от них избавимся. Вопросы есть?

Вопросов хватило, но после часа подробных объяснений мне удалось убедить их, что таким образом мы выиграем войну. Им это пришлось по душе. Адмиралы заулыбались, довольно закивали, некоторые даже издали восторженные звуки. Общее мнение высказал Инскипп.

— Мы сможем это сделать! Мы победим! Мы отправим вражеский флот в другую вселенную!

— Абсолютно правильно, — сказал я.

— ЭТО ЗАПРЕЩЕНО, — произнес голос. Казалось, он звучал прямо с потолка.

Это было настолько неожиданно, что по крайней мере один адмирал схватился за сердце. Но старого мошенника Инскиппа трудно сбить с толку.

— Кто это сказал? Кто из вас занимается чревоуещанием? .

Отовсюду послышались протестующие крики, многие стали заглядывать под стол.

— ЭТО ЗАПРЕЩЕНО, ПОТОМУ ЧТО ЭТО АМОРАЛЬНО.

— Кто говорит? — закричал Инскипп.

— МОРАЛЬНЫЙ КОРПУС.

На этот раз голос раздался из дверей. Головы адмиралов, одна за другой, стали поворачиваться в том направлении. Гость выглядел впечатляюще. Высокий, с длинными седыми волосами и бородой, в белой тунике до пола.

Но Инскипп не растерялся.

— Ты арестован, — заявил он и вытащил пистолет. — Охрана! Взять его! Я никогда не слышал о Моральном Корпусе.

— Конечно, не слышал. Мы — суперсекретная организация.

— Ну уж не более секретная, чем моя, — хмыкнул Инскипп. — Мой Специальный Корпус такой секретный, что о нем есть только слухи.

— Знаю. Разве это секретность? Мой Моральный Корпус настолько секретный, что о нем даже слухов нет.

Инскипп побагровел. Я быстро втиснулся между спорящими сторонами.

— Все это очень интересно, но где доказательства?

— Пожалуйста. — Незнакомец смерил меня стальным взглядом. — Каков твой код?

— Я его, конечно, немедленно назову.

— Нет необходимости. Это код «Васарнап», не так ли?

— Возможно, — уклончиво ответил я.

— Не возможно, а точно, — твердо сказал он.

— Подойди к совершенно секретному компьютеру и передай в этом шифре послание: «Сообщить все о Моральном Корпусе».

— Я сам этим займусь, — сказал Инскипп. — У агента ди Гиза нет допуска к этому шифру. — Что ж, пусть думает, что хочет. Все смотрели на Инскиппа, а тот подошел к компьютеру, произвел ряд манипуляций и отстучал послание. Механический голос спросил:

— Кто делает запрос?

— Инскипп, глава Специального Корпуса, — и он отстучал пароль.

— Сообщаю, что Моральный Корпус является главной секретной силой Лиги. Его приказы выполняются неукоснительно. Приказы отдаются главой Морального Корпуса. В настоящее время главой Морального Корпуса является Джей Ховах.

— Я — Джей Ховах, — сказал незнакомец. — Повторяю: запрещается посылать флот иноземцев в параллельный мир.

— Но почему? — спросил я. — Ведь вы не возражаете, когда мы лупим по ним ракетами.

Он спокойно посмотрел мне в глаза.

— Самозащита не бывает аморальной. Вы защищаете свою родину и своих близких.

— Но если вы не возражаете против истребления монстров, почему же их нельзя вышвырнуть в параллельную галактику? Крови будет меньше, уверяю.

— Вы хотите отправить огромный боевой флот в параллельный мир, где никогда не существовало монстров. На вас ляжет ответственность за смерть человеческой расы той галактики. Необходимо найти способ, как уничтожить врага, не заставляя страдать других.

— Вы не сможете нас остановить! — раздраженно закричал один из адмиралов.

— Смогу и остановлю, — ответил Джей Ховах. — Конституция Лиги Объединенных Планет гласит, что ни один аморальный акт не должен совершаться правительствами планет или силами, подчиняющимися этим правительствам. В оригинале подписанного договора вы найдете параграф, где говорится, что

для определения моральности актов создается Моральный Корпус. Мы — высшая власть. Мы говорим «нет». Ищите другой план.

Пока Джей разглагольствовал, шарики в моей голове крутились со страшной скоростью. Они остановились, когда у меня созрело новое решение.

- Хватит пререкается, — сказал я. Мне пришлось крикнуть это еще раз, прежде чем меня услышали. — У меня есть запасной план, — Это успокоило спорщиков, и даже Джей с интересом посмотрел на меня. — Моральный Корпус протестует против высылки этих уродливых тварей в параллельную вселенную, где они могут погубить человечество. Правильно, Джей?

- Суть верна.

— Тогда ты не станешь противиться, если мы отправим чужаков в параллельную вселенную, где нет человеческих существ?

Он несколько раз открыл и закрыл рот, а затем бросил на меня задумчивый взгляд. Адмиралы озадаченно загудели. Они не отличались сообразительностью, иначе бы никогда не стали адмиралами.

— Мне надо посоветоваться, — наконец сказал Джей Ховах.

— Конечно. Только побыстрее.

Он недовольно покосился на меня, взял в руку золотой медальон, болтавшийся у него на шее, и что-то прошептал в него. Затем прилонил медальон к уху. Пару раз кивнул.

— Высылка чужаков в параллельный мир, где нет человеческих существ, не считается аморальным актом.

- Объясните, — раздраженно потребовал один из адмиралов.

- Все очень просто, — ответил я. — Существуют миллионы параллельных галактик. Может, их вообще бесчисленное множество. Среди них должны быть и те, где никогда не существовало человека. Возможно, что существуют галактики, населенные одними монстрами, где наших врагов примут с распростертыми объятьями.

- Ты это предложил, тебе и искать, — приказал Инскипп. — Пошевеливайся, ди Гриз. Найди хорошее местечко, куда можно отправить вражеский флот.

— Он не пойдет один, — заявил Джей Ховах. — Мы пристально следим за действиями этого агента. Ведь он самый аморальный человек во всем Специальном Корпусе.

- Благодарю за комплимент, — сказал я.

- Мы не можем доверять его словам. В поисках подходящей параллельной галактики его будет сопровождать один из наших агентов.

- Все это хорошо, — сказал я, — но не забывайте, что идет война, и я не хочу, чтобы на моей шее висел ваш моралист, распевующий

псалмы. — Джей что-то шептал в свой коммуникатор. — Это военная операция, и я должен действовать быстро...

Я поперхнулся, когда она появилась в дверях. На ней была такая же туника, как и у Джея, только она не скрывала, а лишь подчеркивала изгибы фигуры. Блондинка с розовыми губами и сияющими глазами.

— Тебя будет сопровождать агент Инкуба, — сказал Джей.

- Что ж, в этом случае, я забираю обратно свои возражения. Уверен, что она великолепно справится с заданием, — промямлил я.

— Вот как? — снова раздался голос с потолка. На этот раз женский, и я тут же узнал его. — Если ты собираешься шляться по галактикам вместе с этой девицей, то ты ошибаешься, ди Гриз. Закажи билет и на меня.

Глава восемнадцатая

— И это называется секретным совещанием?! — завыл Инскипп. — Наши разговоры подслушивают все, кому не лень. Это ведь голос твоей жены, ди Гриз?

- Очень похож, — ответил я немного поспешно. — Полагаю, вам следует усилить меры безопасности. Но это вы сделаете без меня, потому что я срочно отправляюсь искать подходящую галактику. До скорой встречи, джентльмены.

Я вышел из комнаты вместе с Инкубой. Анжелина поджидала меня в коридоре. Глаза, как у львицы, ногти готовы впитаться мне в горло. Смерив меня с головы до ног, она направила свой уничтожающий взгляд на Инкубу.

- Ты собираешься отправиться в путешествие в этом купальном халате? — спросила она голосом, приближающимся по температуре к абсолютному нулю. Инкуба молча осмотрела Анжелину. Ее лицо осталось спокойным, хотя ноздри слегка вздрогнули.

— Нет. Я надену кое-что более практичное — и гораздо более привлекательное.

Чтобы не допустить эскалации боевых действий, я трусливо отпрыгнул в сторону и бросил на пол минигранату с дымовым зарядом. Она чудесно рванула, и женщины на мгновение забыли о своих разногласиях.

— Леди, — быстро сказал я, — мы вылетаем через полчаса. Так что приготовьтесь. Я иду к профессору Койцу и надеюсь, что вы там тоже скоро появитесь.

Подскочив, Анжелина схватила меня за руку и потащила по коридору, шипя на ухо угрозы. Чтобы придать вес своим словам, она вдобавок укусила меня за мочку.

- Один только взгляд в ее сторону, одно только прикосновение к ней — и ты покойник, развратный Джим ди Гриз.

— А как же презумпция невинности? — простонал я, потирая укушенное ухо. — Я люблю только тебя. А теперь прекрати это и займемся войной. Надо, чтобы Койцу помог нам осуществить нашу миссию.

— Существует только одна галактика подобного типа, — заявил Койцу, когда я объяснил ему суть дела.

— Что значит одна? — изумился я. — Вы ведь утверждали, что таких галактик миллионы, бесконечное множество.

— Утверждал. Их действительно столько. Но мы можем переправить большой объект — такой, как космический корабль, — только в шесть ближайших. Чтобы попасть в последующие, у нас хватит энергии для создания поля диаметром лишь в два метра, потом в один, потом...

— Так, значит, галактик шесть? Почему же вы говорите — одна?

— Потому что в пяти существует эта лаборатория. Я проверял. В шестой — я называю e& Космос номер шесть — лаборатории нет. Экран выходит прямо в межзвездное пространство. Значит, можно надеяться, что нет и людей.

— В эту галактику мы и направимся, — послышался медовый голос, и в лабораторию вошла Инкуба. На ней был облегающий комбинезон, высокие черные сапоги и масса других интересных вещей. Но Анжелина стояла за моей спиной, и я быстро отвел взгляд. Лучше смотреть на Койцу. Приятного мало, но зато безопасно.

— Да, мы направимся именно туда, — сказал я.

— Я предвидел это решение, — сказал Койцу. — Экран параллелолайзера установлен в космосе. Диаметр — сто метров. Выбирайте корабль, и я проинструктирую вас, как действовать дальше.

— Отлично. Нам подойдет патрульный катер типа «Лансер».

Я вышел, и мой верный экипаж последовал за мной. Расписавшись за катер, я произвел всю необходимую проверку с помощью Анжелины. Инкуба находилась в рубке управления, что значительно облегчило мне жизнь.

— Всегда хотел побывать в другой галактике, — весело сказал я.

— Заткнись и приготовься к старту.

Я вздохнул и вызвал Койцу по радио.

— Курс — сорок шесть градусов, — сказал он. — Увидите светящийся круг.

— Понял.

— Летите сквозь него. Не забудьте оставить в этом месте радиомаяк.

— Хороший совет. Ведь мы собираемся вернуться.

Катер пронизал круг, тут же исчезнувший.

На экране заднего вида появилось черное пятно, закодывающее звезды.

— Радиомаяк установлен, — доложила Анжелина.

— Молодец. В пятидесяти световых годах расположена звезда Г-2. Приемник поймал радиосигналы, посланные оттуда пятьдесят лет назад. Посмотрим на эту систему?

— Да. Но это единственное, на что ты будешь смотреть.

— Любовь моя. — Я взял Анжелину за руки. — Мои глаза смотрят только на тебя.

Когда мы вышли из искривленного пространства, в рубку управления вошла Инкуба.

— Вокруг этой звезды вращаются только две планеты?

— Так утверждают приборы. Сначала мы рассмотрим ближайшую.

Мгновенно переместившись в подпространстве, мы вынырнули в атмосфере. Голубое небо, белые облака. Приятное местечко. По радио звучала зловещая музыка и доносились обрывки разговоров на непонятном языке. Никто из нас не произнес ни слова. Мы опускались все ниже и ниже.

— Здания, — с несчастным видом сказала Анжелина. — Вспаханное поле. Так похоже на наш мир...

— Не совсем, — заметил я, увеличивая изображение. Какая-то тварь с дюжиной ног тянула плуг. За плугом шел крайне отвратительный монстр, ничем не отличавшийся от наших знакомых.

— Галактика монстров! — с восторгом воскликнул я. — Мы отправим их сюда, и они проживут здесь счастливой жизнью. Вернемся обратно и сообщим всем эту приятную новость.

— Давайте исследуем и вторую планету, — спокойно предложила Инкуба. — Мы должны убедиться, что в этой галактике действительно не существует человеческой расы.

Анжелина холодно посмотрела на нее, а я печально вздохнул.

— Конечно. Именно так мы и сделаем.

Инкуба оказалась права. Выйдя на орбиту второй планеты, мы увидели города и деревни, поля и шахты. Здесь обитали самые что ни есть настоящие люди.

Заработало радио, из динамиков раздались крики. На пульте зажглось несколько лампочек, и я взглянул на экран. И отшатнулся.

— К нам гости, — сообщил я. — Улетаем?

— Не стоит торопиться, — посоветовала Анжелина.

Рядом с нами появился огромный военный корабль черного цвета. Его пушки были нацелены на нас: В дуле каждой из них мог спокойно разместиться катер типа «Лансер». Остановив двигатель, я почувствовал, как нас захватили в магнитное поле.

— Я, пожалуй, направлюсь к ним и узнаю, в чем дело, — сказал я, поднимаясь с кресла. — А вы оставайтесь здесь.

— Я пойду с тобой, — решительно сказала Анжелина.

— Не в этот раз, свет моих очей. Это приказ.

С этими словами я направился в шлюзовую камеру, надел скафандр, вышел в космос и полетел к люку военного корабля, который уже открыли для меня. Я вошел с высоко поднятой головой и очень обрадовался, когда увидел, что меня окружают люди. С суровыми лицами, в черной военной форме.

— Крзти пиклин стимфрекс! — рявкнул один из них. На его погонах сверкали золотые звезды.

— Замечательный язык, но я его не понимаю.

Он склонил голову набок, прислушиваясь к моим словам, а затем отдал приказ. Вскоре перед моими глазами появился внушительный ящик, куча проводов и устрашающего вида шлем. Я попытался уклониться, но в ребра мне уткнулся ствол пистолета. Пришлось подчиниться. Шлем нацепили мне на голову, настроили приборы, и офицер снова заговорил.

— Сейчас ты понимаешь меня? — спросил он.

— Понимаю, но не стоит разговаривать со мной подобным тоном. Мы проделали нелегкий путь, чтобы попасть сюда, так что поберегите силы для других.

Его губы раздвинулись, обнажив два ряда зубов, и мне показалось, что он готов перегрызть мне горло. Все остальные присутствующие испуганно шарахнулись в сторону.

— Ты знаешь, кто я? — закричал он.

— Не знаю. Но ведь и ты не знаешь, кто я. Ты имеешь честь находиться в обществе первого посла параллельной вселенной. Можешь по приветствовать меня.

— Он говорит правду, — сообщил техник, следящий за стрелками приборов.

— Что ж, это меняет дело, — сказал офицер. И тут же успокоился. — Вряд ли тебе известно о карантинной зоне полетов. Меня зовут Каннг. Пойдем выпьем, и ты мне расскажешь, что привело тебя в наши края.

Выпивка была вполне приличной, и они, раскрыв рты, слушали мою потрясающую историю. Я еще не закончил, а они уже пригласили на корабль моих женщин, и мы дружно чокнулись.

— Желаю вам удачи, — сказал Каннг, поднимая бокал. — Но поймите: нам удалось решить проблему с монстрами, и меньше всего нам нужно вторжение новых полчищ. Война закончилась тысячу лет назад. Мы взорвали все космические корабли противника и отправили монстров на их планеты. Они готовы в любой момент снова вцепиться нам в глотку,

поэтому мы постоянно патрулируем космос.

— Мы вернемся домой, и я доложу, что посылать сюда монстров аморально, — сказала Инкуба.

— Мы можем одолжить вам парочку боевых крейсеров, — предложил Каннг. — Хотя у нас их тоже немного.

— Я сообщу о вашем предложении. Спасибо, — поблагодарил я. — Но, боюсь, нам необходимо более радикальное решение. А теперь нам пора возвращаться, раз этот план не сработал.

— Пью за вашу победу.

В подавленном настроении мы вернулись на корабль и отправились в обратный путь, ориентируясь по сигналам радиомаяка. То ли на меня подействовала выпивка из параллельного мира, то ли глубочайшая депрессия, но в голове промелькнула потрясающая мысль.

— Придумал! — закричал я не в силах сдерживать радость. — Наша проблема решена! — Мы проскочили через поле, и я совершил головокружительную посадку.

Мы ворвались в конференц-зал, когда адмиралы, срочно вызванные по моему требованию, занимали свои места. Женщины не отставали от меня ни на шаг.

— Мы сможем отправить монстров? — быстро спросил Инскипп.

— Ни в коем случае. Там своих монстров хватает.

— Так что же нам делать? — простонал дряхлый адмирал. — Шесть параллельных миров, и везде живут человеческие существа. Как же нам избавиться от этих чудовищ?

— В эти галактики мы их не пошлем, — ответил я. — Отправим их в совсем другое место. Я разговаривал с профессором Койцу, и он утверждает, что такое возможно.

— Что? Отвечай! — приказал Инскипп.

— Мы отправим их в путешествие по времени!

— В прошлое? — удивился Инскипп.

— Нет, это не даст результатов. Они подождут, пока появится человеческая раса, чтобы снова пойти на нее войцой. Значит, прошлое не подходит. Поэтому мы отправим их в будущее.

— Ты сошел с ума, ди Гриз. Что это нам даст?

— Послушайте, мы отправим их на сто лет вперед. За это время лучшие умы галактики придумают способ, как с ними расправиться. Ста лет для этого хватит. Так что через сто лет люди будут ждать появления монстров. И, как только они появятся, покончат с ними раз и навсегда.

— Чудесно! — воскликнула Анжелина. — Мой муж — гений. Подготовьте машину времени и отправьте их в будущее.

— ЭТО ЗАПРЕЩЕНО, — раздался голос над нашими головами.

Глава девятнадцатая

Мертвая тишина, которая воцарилась после этого неожиданного сообщения, длилась не больше двух секунд, после чего Инскипп вытащил пистолет и принялся палить в потолок.

— Секретная конференция! Максимальная безопасность! Лучше бы уж нас показывали по телевизору. По крайней мере, об этом узнало бы гораздо меньше людей!

Я схватил его за руку и заорал:

— Кто это сказал?!

— Я, — ответил внезапно появившийся в воздухе человек. Зависнув над столом, он ловко спрыгнул на пол.

— Это высказывание принадлежит мне, блестящие сэры. А наречен я Га Бинетто.

Выглядел он довольно странно. Бархатный камзол, сапоги-ботфорты, широкополая шляпа с пером и длинные усы, которые он постоянно подкручивал одной рукой. Вторая рука лежала на эфесе шпаги. Так как Инскипп еще не пришел в себя, вести переговоры пришлось мне.

— По какому праву ты врываешься на секретное заседание?

— Секретов никаких не может быть от Корпуса Времени.

— Корпус Времени? Из прошлого? — Даже я был несколько озадачен.

— О нет, славный рыцарь! Что заставляет тебя так думать?

— Я так думаю, потому что твой наряд и язык устарели на двадцать тысяч лет.

Он бросил на меня испепеляющий взгляд и нажал кое-какие кнопки на эфесе шпаги.

— Ну ладно, ладно, — проворчал Га Бинетто. — Побегай по времени с мое да выучи все языки с диалектами...

— Перейдем к делу, — прервал его я. — Ты из Корпуса Времени, но не из прошлого. Значит — дай-ка я сам соображу, — наверное, из будущего? Кивни, если я угадал. Отлично. Тогда скажи, почему нельзя забросить чужаков на пару сотен лет вперед?

— Я не обязан отчитываться перед тобой, — высокомерно процедил он. — Могут только сказать, что наш Корпус патрулирует время, наблюдая за тем, чтобы не возникали парадоксы, — чем вы сейчас и пытаетесь заняться. Время — тонкая материя, и его легко повредить необдуманными действиями. Так что это запрещено.

Повисла гнетущая тишина, во время которой я изо всех сил пытался что-нибудь придумать.

— Скажи, Га Бинетто, — спросил я, — ты человек или монстр в человеческом обличье?

— Я такой же человек, как и ты, — оскорбленно ответил он. — А может, и больше.

— Но если ты человек из будущего, значит, людям все-таки удалось изгнать монстров из своей галактики. Правильно?

— Правильно.

— Так как же мы выиграли войну?

— Победа была достигнута при помощи... — Он закрыл рот и густо покраснел. — Это совершенно секретная временная информация, и я не могу ее разгласить.

— Хватит полоскать нам мозги, — прохрипел Инскипп. — Ты отменил единственный план, который мог бы спасти человечество.

— Мне запрещено об этом говорить!

— Но намекнуть-то ты можешь? — предложил я.

Подумав немного, он улыбнулся. Мне его улыбка совсем не понравилась.

— Решение может принять только такой сообразительный человек, как ди Гриз. Все дело в мозгах.

Он подпрыгнул в воздух, шелкнул каблучками и исчез.

Что он имел в виду? Га Бинетто обратился ко мне, значит, я должен решить эту загадку. Говоря о моей сообразительности, он явно хотел меня запутать. Все дело в мозгах. Моих мозгах? Чьих мозгах? Может, мы чего-то не учли? А может, он имел в виду не настоящие мозги? Я не знал, что-и думать.

Кто-то дернул меня за рукав. Я недовольно повернулся. Моя дорогая Анжелина смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

— Нам сказали, что все дело в мозгах. А не означает ли это... контроль над мозгом?

— Серые люди! — закричал я. — Промыватели мозгов с Кеккончихи!

— Не понимаю, — просипел Инскипп.

— Инскипп, старый воин, вы привыкли к физическим схваткам с противником, — сказал я. — А этот клоун из будущего намекнул, как одержать полную и окончательную победу другим способом.

— Как?

— Заставив монстров изменить свое мнение о нас. Предложив им полюбить человеческих существ. Пусть они направят всю свою военную мощь на мирное строительство и сделают нашу вселенную образцово-показательной! А кто у нас специалисты по промыванию мозгов? Жители Кеккончихи. Ведь именно они заставили монстров ненавидеть нас. Пусть теперь отработывают назад!

— Как это они смогут сделать? — спросил один адмирал.

— Детали обсудим позже, — ответил я, поскольку не имел пока об этом ни малейшего понятия. — Пусть приготовят боевой крейсер с десантниками. Я вылетаю немедленно, чтобы

в очередной раз спасти галактику.

— Я не уверена, что это разрешено, — сказала Инкуба. — Все, что касается манипулирования сознанием... — Она запнулась на полуслове и упала на пол.

— Бедняжка упала в обморок, — сказала Анжелина. — После такого стресса это не удивительно. Я отнесу ее в спальню.

Ну да, обморок! Я-то знал, на что способна моя жена. Как только она вышла из комнаты, неся на руках бесчувственное тело Инкубы, я тут же принялся действовать, чтобы воспользоваться драгоценным временем.

— Готовьте крейсер немедленно! Мне некогда ждать.

- Можешь быть уверен, — ответил Инскипп. — Ждать тебе не придется. — Он все понял и хотел как можно быстрее спровадить меня на Кеккончихи, пока наблюдатель из Морального Корпуса не пришла в себя.

Мы мчались на всех парах. Я приказал соблюдать радиомолчание и запретил пси-оператору принимать любые сообщения, адресованные нам. Поэтому, когда замерзший мир Кеккончихи появился на экране, у нас не было приказа возвращаться обратно.

— Выходите из режима радиомолчания. Я хочу связаться с первой экспедицией, — приказал я.

— Они на связи, — сообщил оператор. — Их корабль находится на орбите.

— Что случилось?

— С вами будет разговаривать капитан, сэр.

На экране появился офицер с забинтованной головой. Увидев мою парадную форму с золотыми погонами, он отдал честь.

— Они рвутся в бой, — сообщил он. — Мы прибыли сюда с миссией умиротворения, а не для того, чтобы взорвать эту планету. Мы даже отпустили этого вашего Кома, чтобы вести через него переговоры с планетой. Но переговоры зашли в тупик, и я принял решение покинуть планету. Но прежде мы нейтрализовали все звездолеты серых людей.

— Они же понимают, что не смогут победить!

— Вы это знаете, я это знаю. Но попробуйте убедить в этом жителей Кеккончихи!

Этого следовало ожидать. Здешние фаталисты готовы скорее погибнуть, чем сдаться в плен. Очевидно, само понятие «плен» не вписывалось в Моральную Философию выживания. На всей планете был только один человек — надеюсь, еще живой, — который мог нам помочь.

— Оставайтесь на орбите и ждите моих распоряжений. Мне необходимо установить контакт с одним туземцем. Я свяжусь с вами по радио.

Мне понадобился час, чтобы отдать необхо-

димые приказы своему экипажу и подготовить нужное оборудование. Затем я надел скафандр и полетел вниз к белой планете. Гравитационный парашют замедлил падение, а инфракрасный прибор позволил видеть в снегопад. Заметив знакомое здание, я направился к нему и довольно жестко приземлился на крышу.

Я, конечно, мог спуститься на землю со взводом десантников, но у меня были другие планы. Я должен поговорить с Ханасу, пока никто не знает о моем возвращении. Открыв крышку люка, пыхтя и отдуваясь, я протиснулся в своем скафандре через отверстие и спрыгнул вниз. Первый этап прошел успешно. Затем снял с себя скафандр и прочие неудобные приспособления, открыл замок двери и пошел по коридору.

— Ты враг, и тебя надо убить, — монотонно произнес мальчишка, появившийся на моем пути. Я отскочил в сторону. Он споткнулся и упал, представляя собой чудесную мишень. Игла из пистолета вошла в его мягкое место. Он сразу же обмяк. Схватив его под мышку, я пошел дальше.

Когда я открыл ногой дверь кабинета Ханасу, на мне висели четыре ученика. Ханасу сидел за столом. Подняв голову, он изобразил на лице нечто, отдаленно напомилавшее улыбку.

— Все произошло, как ты и предсказывал, — сказал он. — Послание достигло цели. Тебе удалось бежать.

— Я бежал, но решил вернуться. Правда, твои юные друзья восприняли мое возвращение без энтузиазма. Они слышали по радио выступление Кома и не знают, чему теперь верить. Вот они и всполошились.

— Я применю к ним аксионный фидер. Они все забудут.

— В этом нет необходимости. Они будут спать достаточно долго. А теперь расскажи, что произошло после того, как я покинул планету.

— Неразбериха. В учебнике по Моральной Философии не написано, как действовать в такой ситуации. Поэтому, когда Ком приказал им сражаться и умереть, все подчинились. Это всем понятно.

— Но теперь я здесь и прошу твоей помощи. Ты можешь спасти свой народ.

— Как?

— Ты должен убедить своих людей, чтобы они надели маскировочные костюмы, вернулись к монстрам и восстановили над ними свой контроль.

— Ты хочешь, чтобы они заставили монстров продолжать войну против человечества?

— Нет. Совсем наоборот. Я хочу, чтобы они

остановили эту войну.

— Объясни.

— Сначала я задам тебе один вопрос. Можно ли применять к монстрам синаптический генератор? Убедить их, что на самом деле люди — вполне приятные существа. У нас влажные глаза, и мы много потеем. А пальцы не так уж сильно отличаются от щупалец. Это можно сделать?

— Легко. Ты должен понимать, что монстры относятся к примитивным культурам, и ими легко управлять. Когда мы проникли в их среду, чтобы подготовить вторжение, сначала мы столкнулись с полным безразличием. Сначала нам пришлось научить их лидеров ненавидеть человечество. Затем, при помощи пропаганды, они убедили в этом всех остальных.

— А можно этот процесс повернуть вспять?

— Думаю, да. Но как заставить пойти на это моих людей?

— Это основной вопрос. — Я встал и принялся расхаживать по кабинету, переступая через храпящих учеников. — Это можно сделать только при помощи вашей Моральной Философии. Я был неправ, когда утверждал, что вашу культуру следует уничтожить. Ни в коем случае. В ней содержится много постулатов, которые могут принести пользу всему человечеству. Просто она неправильно применяется на вашей планете. Неужели в этом учении говорится, что вы должны завоевать галактику?

— Нет. Мы учились ненавидеть тех, кто оставил нас умирать. Мы должны были сами найти путь к спасению. Выживание — вот смысл нашего Учения. Все, что противоречит ему, — отрицается.

— Тогда Ком выступает против Учения, собираясь устроить самоубийство всей расы.

Для жителя Кеккончихи Ханасу отреагировал довольно бурно.

— Справедливо! Его проповеди идут вразрез с Законом. Надо сообщить об этом всем.

— Разумеется. Но это только начало. Давай еще раз разберем законы Моральной Философии. Вы выжили. Вы доказали свое право занимать одну из верхних ступенек на лестнице человеческого сообщества. Вы полны ненависти к тем, кто бросил вас умирать много сотен лет тому назад. Но нынешнее поколение ничего не знает об этом и ни в чем не виновато перед вами. Как же оно может быть объектом ненависти? И коль скоро обитатели Кеккончихи считают себя выше, они обязаны помогать остальному человечеству, когда ему грозит опасность. Это укладывается в рамки Моральной Философии?

Широко раскрыв глаза, Ханасу пытался бороться с мыслями. Наконец, он кивнул.

— Все именно так, как ты сказал. Надо приспособить Моральную Философию к новым

условиям. Только сейчас я понял, как мы ошибались. Мы поддались эмоциям. Мы нарушили основной закон Моральной Философии. Когда я объясню это моим людям, они поймут. Мы встанем на защиту нашей расы. — Подойдя ко мне, он пожал мне руку. — Ты спае нас от самих себя, мой друг. Мы неправильно применяли догматы Учения. Необходимо исправить ошибку. Я объясню это своему народу.

— Подожди. Вдруг Ком сначала откроет огонь, и только после этого будет вести переговоры. Если мы его нейтрализуем, сможешь ли ты убедить солдат?

— Думаю, да. Ведь я буду излагать Закон, который они учили с младенчества.

Не успел он закончить, как дверь распахнулась, и на пороге появились те самые «младенцы» с оружием в руках. Предводителем был один из учителей, который направил свой пистолет прямо на меня.

— Брось оружие, — приказал он.

Глава двадцатая

Мои рефлексы не подводят. Как только дверь скрипнула, я уже выхватил свой пистолет и присел. Но я медленно поднялся и бросил пистолет на пол. Сейчас должен солировать Ханасу.

— Не стреляйте! — закричал я. — Сдаюсь!

— Что это значит? — спросил Ханасу, направляясь к двери. — Уберите пистолеты. Это приказ.

Ученики подчинились приказу Наставника, но учитель колебался.

— Ком сказал...

— Кома здесь нет. Ком неправ. В последний раз приказываю убрать оружие. — Учитель никак не мог принять решение, и Ханасу повернулся ко мне. — Убей его, — приказал он.

Что я и сделал. Из другого пистолета. Разумеется, я выстрелил в него снотворной иглой, хотя ученики этого не знали. Ханасу сказал стоящему рядом с ним ученику:

— Передай, чтобы вся школа собралась в конференц-зале.

Ученики удалились. Ханасу закрыл дверь и погрузился в размышления.

— Вот что надо сделать, — наконец сказал он.

— Я объясню им новые условия применения Моральной Философии. Думаю, они это поймут. Затем мы отправимся в космопорт. Нам предстоит встреча с Комом и его отрядом. Я расскажу им о новых условиях.

— Все прекрасно. Но если они не согласятся с тобой?

— При чем тут я? Речь — о священном тексте Моральной Философии.

Ох, уж эти мне фанатики...

Ханасу вышел. Спящие ученики наводили

меня на грустные мысли. Чтобы отвлечься от них, я вызвал по радио корабль и обрисовал ситуацию. Я приказал находиться на орбите над космопортом и ожидать дальнейших распоряжений. Раздался стук в дверь.

— Следуйте за мной, — приказал ученик. Я двинулся за ним. Ханасу ждал меня возле открытых дверей школы; к нему со всех сторон стекались учителя и ученики.

— Мы отправляемся в космопорт, — сказал он. — К рассвету мы будем там.

— Их реакция?

— Постулаты Моральной Философии обрели для них смысл. Мои люди сильны, но их сила — в их повиновении. Теперь они гораздо сильнее.

Ханасу ехал впереди на единственной машине, и я радовался, что сижу в кабине вместе с ним. Преподаватели и ученики тащились за нами на лыжах. Никто не жаловался, что вместо сна им приходится совершать лыжный поход. Да, дисциплина — великая вещь.

Занималась заря. Из сторожевой будки вышли два охранника и спокойно наблюдали за нами, как будто такие процессии появлялись здесь каждый день.

— Сообщите Кому, что я желаю его видеть, — приказал Ханасу.

— Проход запрещен. В твоей машине враг. Убей его.

— Четырнадцатое Правило Послушания гласит, — сказал Ханасу властным голосом, — что вы должны подчиняться приказам членов Комитета Десяти. Нет такого закона, чтобы непременно убивать врагов. Враг может быть полезен. Я требую пропустить нас.

На лицах охранников отразилось легкое волнение, но они справились со своими эмоциями.

— Проходите, — сказал один из охранников. — Я сообщу Кому.

Выстроившись в цепочку, наше юное войско направилось к зданиям. Мы проходили мимо зенитных установок, но их расчеты не обращали на нас никакого внимания. Пошел снег. Наша машина остановилась у главного корпуса, и, как только Ханасу спрыгнул на землю, дверь здания распахнулась. Я съезжил на сидении. Из дома вышел Ком и дюжина охранников.

Наверное, от холода мой мозг заledenел, потому что только сейчас я осознал, что в нашей колонне только у меня есть оружие.

— Возвращайся в свою школу, Ханасу. Ты здесь не нужен, — сказал Ком. Не обращая никакого внимания на эти слова, Ханасу подошел к нему и громко заговорил, чтобы все могли услышать его.

— Я приказываю сложить оружие. Ваши действия противоречат Моральной Философии.

Учение обязывает нас руководствоваться принципами выживания. Согласно Учению мы не должны идти на самоубийство, борясь с другими народами, которые превосходят нас численно в соотношении один к миллиону.

— Ты должен уйти, — перебил его Ком. — Ты нарушил Закон. Уходи — или тебя убьют. — Он поднял пистолет.

Я мигом выскочил из машины.

— На твоём месте я не стал бы этого делать, — сказал я, беря его на мушку.

— Ты привел с собой врага! — выкрикнул Ком. — Вас ждёт...

Его остановила звонкая пощечина Ханасу.

— Объявляю тебя вне закона, — сказал Ханасу. — Ты отказался повиноваться.

— Я вне закона? Это ты — преступник! — вне себя от ярости завопил Ком, целясь из пистолета.

Я прыгнул в сторону, держа пистолет наизготовку, но Ханасу находился на линии огня. Тут раздался грохот выстрелов.

Но Ханасу продолжал стоять. Он бесстрастно наблюдал, как изрешеченное тело Кома рухнуло на землю. Отряд Кома разом разрядил пистолеты в своего командира. Его погубила Моральная Философия.

Ханасу невозмутимо повернулся ко всем присутствующим и объяснил им новую интерпретацию Закона. Серые люди едва скрывали облегчение. Лишь бездыханное тело Кома портило картину. Люди старались не смотреть на него. На планете снова был порядок.

— Можете спускаться, — сказал я в микрофон передатчика.

— Никак нет. Получен новый приказ.

— Вы что там, с ума посходили? Быстро сажайте ваши жестянки, иначе я изжарю вашего командира и съем его на завтрак.

— Никак нет. Корабль с вышестоящим начальством приземлится через три минуты.

Связь прервалась, и я, выпучив глаза, уставился на радио. Что происходит? В это время собравшиеся внимательно слушали речь Ханасу. Ситуация под контролем, все проблемы решены, а тут такая загвоздка. С неба спустился корабль. Не успел открыться шлюзовый люк, как я уже стоял рядом с кораблем, изрыгая страшные ругательства и барабанив пальцами по кобуре. Из корабля вышла знакомая личность. Знакомая до отвращения,

— Ты! — прошипел я.

— Я прибыл вовремя, чтобы предотвратить свершение аморального акта.

Это был Джей Ховах, босс Морального Корпуса.

— Мы не нуждаемся в твоих советах, — сказал я. — К тому же ты одет не по сезону. Вернись-ка лучше на корабль.

— Мораль превыше всего, — стуча зубами, сообщил он. Его не предупредили об особенностях местного климата, и он прибыл в купальном халате.

— Я пыталась его убедить, но он и слушать меня не хотел, — раздался гораздо более знакомый и несравненно более приятный голос, и по трапу спустилась Анжелина.

— Дорогая! — закричал я, бросившись ей навстречу, но Джей остановил меня.

— Мне сообщили о твоём плане. Психоконтроль аморален, и его использование запрещено.

— Кто он? — ледяным голосом спросил Ханасу.

— Его зовут Джей, — сказала я. — Он руководитель Морального Корпуса.

Окинув Джея презрительным взглядом, Ханасу повернулся ко мне.

— Уведите его. Пусть приземляются ваши корабли, и мы приступим к операции против монстров.

— Похоже, ты меня не понял, — сказал Джей Ховах, выбивая зубами чечетку. — Я запрещаю эту операцию. Она аморальна.

Ханасу медленно повернулся и обдал его презрением,

— Я главный толкователь Моральной Философии, и я олицетворяю Закон. Мы совершили ошибку, заставив монстров развязать войну. Теперь мы прекратим ее тем же способом.

— Два отрицательных действия не равны одному положительному. Операция запрещена.

— Ты не можешь остановить нас, так как здесь у тебя нет никакой власти. Ты можешь лишь убить нас, чтобы остановить. Если ты не убьешь нас, мы будем действовать, исходя из принципов нашего собственного морального кодекса.

— Вас остановит...

— Только смерть. Если ты не можешь отдать такой приказ, то отойди в сторону и не мешай.

Повернувшись, Ханасу пошел прочь. Джей пару раз открыл и закрыл рот, но не произнес ни слова. Он посинел от холода. Я сделал знак двум школьникам.

— Эй, ребята. Помогите этому бедному старику вернуться на корабль, чтобы он согрелся и обдумал свои философские проблемы.

Джей пытался сопротивляться, но ученики крепко взяли его под руки и потащили на корабль.

— И что теперь? — спросила Анжелина.

— Обитатели Кеккончихи полетят к монстрам.

— Дальше?

— Мы спасем галактику. В очередной раз.

— Ты, как всегда, скромна, — сказала Анжелина и громко чмокнула меня в щеку.

— Потрясающе, не правда ли? — спросил я.

— По-моему, отвратительно, — ответила Анжелина, морща нос. — К тому же ужасно воюет.

— Это улучшенный вариант первой модели!

Анжелина была права. Выглядело все это отвратительно. Меня это только порадовало. Мы стояли в дверях кают-компания космического корабля. Перед нами располагались ряды кресел. Не менее пятисот. В каждом кресле сидел омерзительнейший монстр. Все они были выполнены по образцу и подобию моего первого маскировочного костюма. Целая армия гештункинцев. Конечно, многочисленные сердца и плазменные помпы врагов не бились бы так сильно, знай они, что в каждом костюме монстра сидит обитатель Кеккончихи. А в хвостах у них спрятаны мощные синоптические генераторы. Наш крестовый поход начался.

Организовать его оказалось не так легко. Моральный Корпус решительно противился нашей операции по промывке мозгов. Но им пришлось проводить свои приказы через планетарные правительства, и я впервые благословил бюрократический аппарат. Специальный Корпус предпринял ряд мер, чтобы избежать выполнения приказов. Главные техники исчезли, и никто не знал, куда они подевались. Протестующего профессора Койцу подняли среди ночи с постели и отправили вглубь галактики, не дав даже времени, чтобы надеть носки. Была построена полностью автоматизированная планета, где разместились наши агенты и добровольцы с Кеккончихи. Пока готовились костюмы монстров, Ханасу возглавил занятия с группой специалистов по психоконтролю. Через час после того, как все было закончено и мы вылетели к монстрам, за нами ринулся боевой корабль Морального Корпуса, чтобы остановить нас. Впрочем, это скорее помогло нам, чем помешало. Благодаря ему мы быстро преодолели вражеские заслоны.

— Мы в зоне устойчивой связи, — сообщил я.

— Вы готовы к работе, добровольцы Кеккончихи?

— Мы готовы, — послышался громкий, но монотонный ответ.

— Удачи вам. Экипажу надеть костюмы.

Я залез в свой костюм, а Анжелина — в свой. Джеймс и Боливар запрыгнули в костюмы роботов. Нахлобучив металлические головы, они помахали мне руками. Я застегнул молнию на груди и повернулся к коммуникатору.

— Мой дорогой Скользящий Джим вернулся с того света, — забулькал на экране отвратительный урод, размахивая клешнями и щупальцами.

— Я вас не знаю, сэр, — жеманно проворковал я. — Но вы, наверное, были знакомы с моей сестрой. А меня зовут Скользкий Боливар. — Я нажал на кнопку, и из моего глаза выкатилась огромная слеза. — Мы на Гештункене слышали о ее доблестной смерти. Мы прибыли сюда, чтобы отомстить за нее!

Тогда добро пожаловать! -- захрюкала тварь. — Меня зовут Сесс-Пула. Я главнокомандующий нашего флота. Давай ко мне на корабль, и мы устроим замечательный банкет!

Я так и сделал. Состыковав наши корабли, я направился к нему в гости.

- Познакомься с Анн-Желем, — представил я жену. — Мой начальник штаба. А роботы принесут нам еду и выпивку.

Банкет удался на славу. К нам присоединились все новые и новые офицеры. Мне стало интересно, кто же остался управлять кораблем. Очевидно, никто.

— Как идет война? — поинтересовался я.

- Ужасно! — пожаловался Сесс, опустошая ведро какой-то отвратительной булькающей жидкости. — Нет, конечно, мы продолжаем гнать этих двуногих, но они не хотят вступать с нами в бой. Моральный дух солдат упал. Всем им порядком надоела война, и они мечтают вернуться к своим возлюбленным. Но мы будем вести войну до победного конца!

- Мы поможем тебе, — закричал я, хлопнув его по плечу и вытерев затем руку о ковер. — Мой корабль битком набит кровожадными добровольцами, которые так и рвутся в бой. Они великолепные солдаты, к тому же превосходные навигаторы, артиллеристы и повара.

- Клянусь Мокрым Гогом, мы возьмем их к себе, — громко икая, заявил Сесс. — У тебя много солдат?

- Ну, — уклончиво ответил я, — достаточно, чтобы поместить по одному на каждый крейсер. Если офицерам понадобится совет или поддержка, пусть они обращаются к моим добровольцам. Кстати, они очень сексуальны.

— Мы спасены! — завопил Сесс.

Скорее наоборот, подумал я, оскалив в улыбке зубы. Мне стало интересно, сколько времени понадобится моим саботажникам, чтобы справиться с работой.

Оказалось, немного. Монстры уже созрели для мозговой атаки. Разложение шло своим ходом, и через несколько дней Сесс-Пула заполз в командирскую рубку, где я следил за

тем, чтобы не столкнуться с флотом Лиги. Он мрачно посмотрел на экран тремя парами покрасневших глаз.

— Бессонница мучает? — спросил я, шелкнув его по главному отростку, и он втянул его внутрь с несчастным видом.

— Да, дорогой Боливар. Флот разваливается на глазах. Солдаты требуют возвращения, они хотят собрать урожай прошлогодних девственниц, у которых скоро начнется период течки? Я и сам задаюсь вопросом, кому все это нужно.

— Ты знаешь, я тоже что-то затосковал... Ты обратил внимание, что люди не такие уж и сухие? У них влажные глаза и красные отростки во рту.

- Это правда! — забулькал он. — Недавно я сам увидел их другими глазами.

Через десять часов могучая космическая армада начала разворот. Корабли возвращались на свои планеты.

На грандиозной попойке, которую они закатали в честь победы! (мы убедили их, что они победили), мы с Анжелиной наблюдали за весельем.

— Я бы не стал это утверждать, но теперь, когда они возвратились восвояси, я отношусь к ним гораздо терпимее.

Что-то зеленое, мокрое и противное плюнулось на стул рядом со мной.

— За победу! — закричал Сесс-Пула. — Мы должны выпить за победу! Тихо! Очаровательнейший Скользкий Боливар произнесет тост.

— Я готов! — закричал я, вскакивая со стула. Воцарилась тишина. Все глазные отростки, оптические щупальца, не говоря уже о трех парах человеческих глаз, уставились на меня.

— Тост! — крикнул я, с таким энтузиазмом подняв бокал, что часть жидкости пролилась на ковер и прожгла в нем дыру. — Предлагаю выпить за всех существ, живущих в нашей вселенной, больших и малых, твердых и рыхлых. Пусть все живут в мире и любви. За жизнь, свободу и противоположный пол!

Так началась эра гораздо лучшей жизни. Надеюсь.

*Перевел с английского
Сергей КОНОПЛЕВ.*

Владимир
Кучеренко,

врач-гипнолог,

Виктор Петренко,

доктор

психологических наук

ЛЮДИ И МАРИОНЕТКИ

Не желая огорчать тех поклонников Гарри Гаррисона, которые вполне серьезно относятся к похождениям Джеймса ди Гриза, все же вынуждены заметить, что сам автор задумывал серию романов о Стальной Крысе как пародийную. Но истинная пародия (редкий гость в фантастике) отнюдь не отрицает серьезности поставленных в ней вопросов. Так, роман Гаррисона строится на убеждении, распространенном в литературе, в том числе околонушной, что психика человека — весьма податливый материал. Так ли это на самом деле? Прислушаемся к мнению специалистов.

давайте сразу начнем с ключевого вопроса: можно ли человека под гипнозом заставить сделать то, чего он ни в коем случае не хочет. Например, убить?

Владимир КУЧЕРЕНКО: Это легко сделать без всякого гипноза - поставить его в такие условия, когда он должен убивать, чтобы выжить — как во Вьетнаме, в Афганистане, в Карабахе... Самое важное при этом, чтобы ответственность за убийство возлагалась на

кого-то другого - на командира, общество, противника. Гипноз лишь повторяет социальную схему: либо экспериментатор убедит человека сделать то-то и то-то, сняв с него ответственность, либо испытуемый выйдет из этого состояния.

Виктор ПЕТРЕНКО: В 50-х годах в Америке имели большой резонанс опыты с электрошоком в рамках психологического подхода Курта Левина. Любой человек «с улицы» выступал в роли экспериментатора. Он как бы формировал некие навыки испытуемого, а когда тот делал ошибку, его наказывали — экспериментатор нажимал кнопку и испытуемого бил ток, причем каждый следующий раз все сильнее — 20 ампер, 40, 60... На самом же деле за стеклянной перегородкой, где пребывал испытуемый, находился актер, который очень убедительно изображал судороги. Но экспериментаторы этого не знали. И как вы думаете, сколько этих нормальных средних американцев доводили ток до смертельных значений? Прогноз бы один-три процента, что соответствует «среднему» количеству людей с садистскими наклонностями в обществе. На самом деле их оказалось около шестидесяти процентов! Причем, когда после эксперимента с ними разговаривали — понравилось ли участие? - большинство отвечало отрицательно, им совсем не нравилось мучить другого человека; тем не менее, в их представлении за происходящее отвечал пригласивший их психолог, а сами они, однажды приняв правила игры, не могли из нее выйти.

А вот подобный же опыт: милая ассистентка психолога давала человеку заведомо невыполнимое задание, например, достать, не выходя из очерченного круга, некий предмет... Люди впадали в уныние или ярость, но почти никто (!) не был способен сделать шаг из круга, нарушить условия игры.

Трудно выйти за рамки обязательств, за рамки магического круга. В какой-то степени неспособность эта — свойство людей с повы-

шенным конформизмом, которое, в свою очередь, часто является продуктом тоталитарного сознания.

В. К.: Вас интересует, в каких границах возможно воздействие? Тут зависимость прямая: чем больше желание испытуемого, тем шире границы. И наоборот.

Я лечу гипнозом тех, кто приходит ко мне уже с пониманием, что другими методами помочь не удастся. Например, обратился известный писатель-сатирик: нервничает на сцене, трясутся руки - словом, мощный аффект. Я поработал с ним, причем, на его взгляд, это не была «работа», просто «поговорили», но на очередном выступлении он чувствовал себя вполне уверенно. Он пришел еще раз и попросил: сделайте так, чтобы было еще и радостно! Добавили куражу... Словом, речь идет о достаточно мощном воздействии на поведение человека, его реакции, но все оказывается возможным, когда человек этого хочет. Куда сложнее, когда появляется больной с подсознательной установкой на самоуничтожение, смерть, которая противоречит осознанному желанию жить; часто это алкоголики, люди с тяжелыми хроническими заболеваниями. Дело в том, что человек амбивалентен, двойственен. Он хочет, но... цепляется за болезнь, как нечто привычное, «обжитое»; трудно менять образ жизни, судьбу, «карму», даже когда ожидает благо. В таких случаях приходится прибегать к очень сильным техникам, апеллировать к инстинкту самосохранения, доводить дело до того порога, когда начинает бороться сам организм, а не только сознание.

- Это работа в интересах человека. А в интересах государства вам случалось действовать?

В. К.: У государства много разных интересов. Мы делали работу, связанную с извлечением полезной информации из памяти. Одну - с двоечниками из ПТУ, с легкостью воспроизводившими во время экзамена любые физические формулы, которые когда-то попали в их поле зрения. В практику народного образования, впрочем, это не вошло, хотя методики несложные. Зато пригодилось при лечении логоневрозов - люди с пороками речи начинали говорить так, как учил их логопед. Участвовала методика и в раскрытии преступлений - у свидетелей «всплывали в памяти» подробности многолетней давности, номера машин. Но опять же это возможно, если свидетель хочет вспомнить.

- Но способен ли гипнотизер, экстрасенс причинить вред человеку или сознательно иницировать темные стороны его души?

В. К.: Сознательно? Вряд ли, это опасно и для самого экстрасенса. У экстрасенсов даже есть убеждение, основанное на различных теориях, называемых «эффект бумеранга» или «астральная полиция», что, если причинить кому-то вред — это скажется на тебе самом, чаще всего на

сердце. Зато можно... «пожалеть» человека, которому втайне желаешь зла: «Ты такой хороший, искренний, умный, как жаль, если с тобой что-нибудь случится...» Именно на этом основывалась древняя техника сглаза.

Но можно причинить вред неосознанно. В психотерапии давно известно понятие трансфера. Пациент испытывает естественное чувство благодарности к человеку, который его лечит, причем «интимно», и в какой-то момент больной начинает относиться к нему как к отцу: советовать, отчитываться, подчиняться. Грамотный психотерапевт отслеживает этот процесс и, понимая его природу, контролирует, чтобы он не переходил границ. Выздоровев, пациент должен стать полностью независимым. Однако некоторые целители (особенно непрофессионалы) увлекаются этим состоянием, сознанием собственного величия и даже подыгрывают пациентам. Столбун, например: его пациенты говорили — если с ним что-нибудь случится, мы же пропадем! Наш коллега занимался знаменитым Адыловым — так тот искренне полагал, что кругом "несмышлениши и кто, как не он, их научит, похвалит, накажет. У больного, попавшего к такому целителю, болезнь обостряется, и человек становится инфантильным. О социальных следствиях такой позиции подробно говорил коллега А. Асмолов («Если», № 2). Но я бы добавил некоторые штрихи. Вот эксперимент в рамках школы того же Курта Левина. В трех детских группах одна и та же воспитательница по-разному держала себя. В первой группе стиль ее был, условно говоря, демократический: она играла с детьми, общалась, но соблюдала дистанцию. Во второй — анархистско-попустительский, дети знали, что при ней хоть на голове стой. И в третьей — авторитарный: тотальный контроль, дисциплина, наказания и т. д.

Сформировались три разных типа отношения. В первой группе воспитательницу любили, уважали, доверяли, во второй — любили, но не уважали, а в третьей было интереснее всего. Большинство детей воспитательницу категорически не принимало, но некоторые любили фанатично. Одна девочка очень жаловалась, а потом сказала: вот вырасту, буду преподавательницей еще лучше, еще строже. Это называется «идентификацией с агрессором». Известный психолог Эрих Фромм пишет о «конформизме автомата», когда человек в концлагере, пытаясь адаптироваться к невыносимым условиям, отождествляет себя с той силой, которая приносит ему страдания. Известно, что многие подростки стремятся походить на тех, кого боятся.

И мы все чаще чувствуем агрессивность. Начиная от экономической агрессии со стороны государства в отношении буквально каждого члена нашего общества, на любом, вплоть до бытового, уровне. Очереди, толкотня в транспорте.

Идет цепная реакция агрессии: и все чаще ко мне за помощью обращаются люди, потерявшие почву под ногами, которые считают, что их «сглазили». Все больше людей ищут причины неурядиц не в себе — вовне.

В. П.: В психологии есть понятие внутреннего и внешнего локуса контроля: в первом случае ты являешься субъектом собственного бытия и сам отвечаешь за свои поступки; во втором — приписываешь ответственность за них начальству, мужу, конкуренту и т. п. Когда наступают смутные времена, когда правила игры не заданы, у многих людей нарастает тревога и происходит сдвиг локуса контроля вовне. Они ищут заговоры (масонские, коммунистические или космические — в данном случае безразлично); боятся зомби, пришельцев, тех, кто «управляет» ими.

Обычные неявные пропагандистские приемы оказывают на таких людей сильное влияние. Например, визуализация... Любой режиссер может пользоваться этим, монтируя выступления политического лидера с картиной массовых избиений либо, наоборот, праздника. Известно, что не так уж глупа реклама — в нужный момент, момент покупки она «срабатывает»; вовсе не бесполезным было бесконечное повторение советских лозунгов. Раздражители, которые человек сознательно не воспринимает, накапливаясь, формируют стереотипы.

И еще: внушаемость увеличивается, как только человек выбивается из привычной колеи, стереотипных рамок; например, в незнакомой обстановке. Если же из привычных способов бытия выпадает общество, оно становится очень уязвимым.

Нарушить правила игры — это основа одной из самых простых техник наведения легкого транса. Вот я протягиваю вам руку и, дождавшись встречного движения, отдергиваю свою. Замешательство опытный гипнотизер использует для углубления транса. А за ним уже иные законы, иная реальность...

В. К.: ...которую человек принимает как «свою», пытаюсь найти ей вполне рациональное объяснение. Однажды во время опыта в глубоком гипнозе человеку внушили, что после того, как он проснется и забудет все, что с ним происходило, он должен открыть зонт и пройти с ним по комнате. Что и произошло. Когда экспериментатор поинтересовался: а зачем, собственно, в

комнате раскрытый зонт? — испытуемый объяснил, что, кажется, дождь собирается, надо проверить, работает ли зонт. Вполне разумное объяснение, которое сам он считает единственным и истинным. Раз он так думает, иного быть не может. Есть прелестный пример, когда маленького ребенка спрашивают: «Жан, у тебя есть брат? — Да. — А как его зовут? — Пьер. — А у Пьера есть брат? — Нет». Незнание той простой вещи, что одно и то же можно видеть по-разному, свойственно колоссальному количеству людей. Лечение состоит в той, чтобы расширить внутренний мир человека.

В. П.: Манипуляция всегда направлена на сужение возможностей человека, уменьшение степени свободы. Ему предлагается одно-единственное решение. Мы как специалисты, работающие с измененными состояниями сознания, добиваемся прямо противоположного эффекта — актуализации скрытых резервов человека, увеличения спектра его способностей, возможностей и, в конце концов, максимально полной его реализации как личности.

— Но есть же медицинские, биологические способы, позволяющие подчинить человека?

В. П.: Скорее, подовать — это уже другое. Тем не менее: да, существуют средства психофармакологического воздействия, которые снимают самоконтроль человека. Известно, например что инфразвук при частоте ниже двадцати герц вызывает панику. Такие опыты проводились еще в начале века. Однако «психологическое оружие» может не столько подчинить личность, сколько разрушить ее, свести человека с ума.

Поймите, человек слишком сложная система, чтобы ею можно было управлять со «стопроцентной гарантией». Даже такие страшные вещи, как газовые атаки, показали, что действие на людей сильно варьируется: тысяча покорится, а один среагирует иначе и нанесет противнику такой урон, что компенсирует потерю тех, кто выбыл из строя.

В. К.: И опыты с ЛСД это подтверждают... Пожалуй, пытаюсь действовать такими способами бессмысленно. Человек, если это полноценная личность, к счастью, способен противостоять подобному влиянию, заблокировать его. На то он человек, а не марионетка.

Записала Елена Михайлова.

«Вскоре гипноз стал для меня неприятен как капризное и, так сказать, мистическое средство. Когда же опыт показал мне, что я не могу, несмотря на все старания, привести в гипнотическое состояние более известной части моих больных, я решил оставить гипноз и сделать катартическое лечение независимым от него. Так как я не мог изменить по своему желанию психическое состояние большинства моих больных, то стал работать с их нормальным состоянием».

Зигмунд Фрейд. Лекции о психоанализе.

О ШЕСТОМ ЧУВСТВЕ ИЛИ ДАРЕ ПРЕДВИДЕНИЯ

• Исследование, проведенное еще в пятидесятые годы американским ученым из Чикаго В. Э. Коксом, выявило одну странную особенность: в поездах, которые терпят катастрофу, всегда бывает меньше пассажиров, чем обычно. Так, в экспрессе «Джорджин», курсировавшем на трассе Чикаго — Восточный Иллинойс, 15 июня 1952 года, то есть в день несчастья, находилось всего шесть пассажиров (средняя загрузка - 60 - 70). В поезде Чикаго — Милуоки — Сент Пол в момент катастрофы 15 декабря 1952 года было 55 пассажиров (обычно более ста). Кокс пришел к выводу, что не только экстрасенс, но и «средний человек» способен предчувствовать беду, отказываясь - осознанно или нет — от путешествия.

• Однажды вечером в середине марта 1892 года известный ассириолог, профессор Пенсильванского университета Герман Хилпрехт сидел в своем кабинете, погруженный в размышления. Два кусочка драгоценного агата из храма Бала в Нипуре, на которых была какая-то надпись, упорно хранили свою тайну.

Эти два камешка Хилпрехт считал частями перстня, относящегося ко второму тысячелетию до нашей эры. На одном из них он обнаружил надпись КУ, сделанную клинописью. Ученый предполагал, что это начало имени вавилонского царя Куригалца. К большому сожалению, вторая часть камня не поддавалась расшифровке... Близилась полночь. Профессор прервал работу и пошел спать. Ночью ему приснился удивительный сон. Ученому явился высокий человек в длинном одеянии, похожий на вавилонского жреца. Жрец сделал жест рукою, как бы приглашая Хилпрехта следовать за собой. Они совершили путешествие сквозь время и пространство и очутились в храме бога Бала. Внутри стоял древний ковчег, а пол был отделан агатом и лазуритом. Жрец сказал: «Два кусочка камня - часть одного целого, но это не перстень. В числе даров, которые царь Куригалц преподнес храму бога Бала, находился и один цилиндр, сделанный из агата. Как раз в это

время моим жрецам было приказано сделать две сережки из агата для статуи бога Нинева. Задача казалась неразрешимой, поскольку все запасы агата иссякли. Жрецам не оставалось ничего другого, как распилить цилиндр на три части. На каждом из кусочков есть часть текста посвящения. Первые два кольца цилиндра использовали как серьги для статуи. Это и есть два твоих камешка. Соединив их правильно, ты прочтешь посвящение».

После этих слов жрец исчез. Проснувшись, Хилпрехт взялся за работу. И когда, наконец, он сумел соединить кусочки камня, то получил надпись: «Богу Ниневу, сыну Бала, своему господину Куригалцу первосвященник Бала дарит это».

• В 1932 году два немецких журналиста, репортер Бернард Хаттон и фотограф Иоахим Брант, получили в своей редакции задание подготовить материал о гамбургской судоверфи: Они сделали свое дело и уже покидали верфь на автомобиле, как вдруг услышали страшный шум. Это был вой пикирующего самолета, сопровождавшийся выстрелами зениток противовоздушной обороны. Затем начали рваться бомбы. Все это Хаттон и Брант видели собственными глазами, Бранту даже удалось заснять происходящее на пленку. Когда налет кончился, газетчики ринулись искать следы разрушений... Но верфь оказалась целехонька. Обескураженные журналисты помчались в редакцию проявлять пленку. Никаких кадров бомбежки на ней не оказалось...

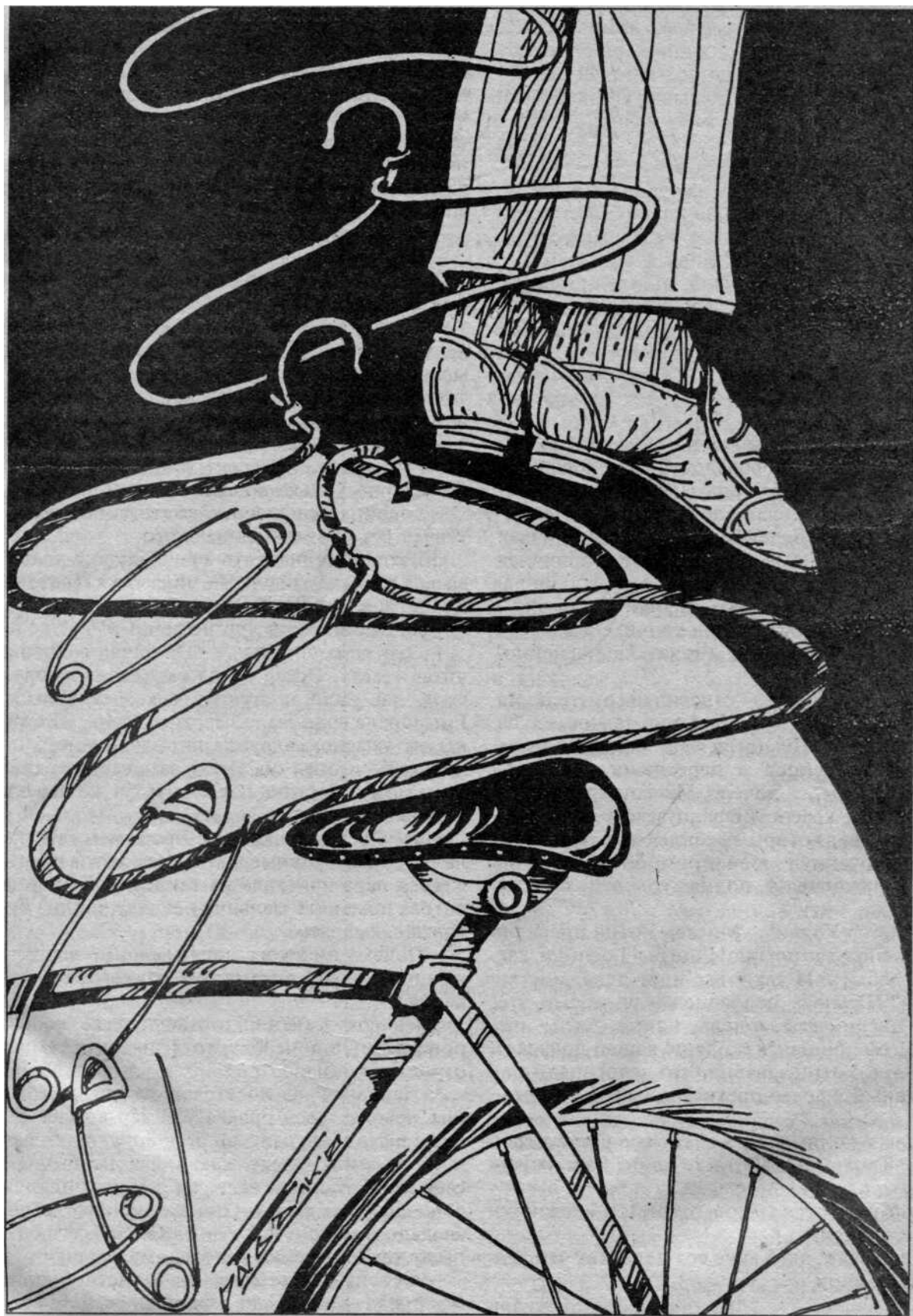
Но самое удивительное случилось одиннадцать лет спустя. Эмигрировавший из фашистской Германии Хаттон жил тогда в Лондоне. В газетах он увидел фотографии налета авиации союзников на гамбургскую судоверфь. И снимки, и описание бомбардировки в точности совпали с тем миражем-предвидением, который предстал перед их глазами в 1932 году...

• Во время войны частые воздушные налеты стали для лондонцев столь же привычны, как и знаменитый туман. Премьер-министр Уинстон Черчилль, который был храбрым человеком, тоже не слишком боялся гитлеровских бомб. Но вот однажды вечером, когда он с тремя министрами ужинал в резиденции на Даунинг-стрит, начался

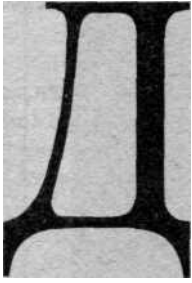
налет фашистской авиации. Черчилль стремительно встал, но отправился не в убежище, а на кухню. Там он распорядился, чтобы продукты немедленно «передислоцировали», а затем вернулся к гостям. Спустя три минуты на особняк упала бомба, которая полностью разрушила кухню, не тронув ни одного другого помещения.

• В 1925 году ясновидец Луис Хеммон предсказал принцу Эдуарду, наследнику британской короны, что тот отречется от престола из-за любви к женщине. Одиннадцать лет спустя умер король Георг V и на престол возшел его сын Эдуард VII. Однако править ему пришлось всего 325 дней. Затем он был вынужден отречься, поскольку парламент был против брака короля с простой американкой Уоллис Симеон, к тому же дважды разведенной. Еще ранее Хеммон рекомендовал журналисту Уильяму Т. Стеду не путешествовать на пароходе в 1912 году. Стед не прислушался к предсказанию и в апреле 1912 года купил билет на «Титаник»... А еще раньше, в 1905 году, Хеммон предсказал судьбу Распутину, сообщив ему, что тот умрет от пули и яда, а могилою ему станут ледяные воды Невы. В ноябре 1916 года князь Юсупов подсыпал любимцу царской семьи яд в вино, а когда отравы не подействовала, застрелил Распутину из револьвера. Труп царедворца был сброшен в Неву.

• Двадцатитрехлетнему Дэвиду Буту в течение десяти ночей снился один и тот же жуткий сон: у гигантского авиалайнера отказал в полете мотор и машина рухнула вниз. 22 мая 1979 года Дэвид позвонил в управление федеральной авиакомпании, предупреждая о возможном несчастье. Бут подробно описал место, где якобы произойдет катастрофа. Всерьез его рассказ никто не принял, но 26 мая в международном аэропорту Чикаго потерпел катастрофу самолет ДС-10. Погибло 275 человек. Это была крупнейшая в истории США авиакатастрофа. Специалисты подтвердили, что ход, место и характер аварии в точности соответствуют описаниям Бута.

Аврам Дэвидсон
Моря, полные устриц

обрый день, — сердечно поздоровался Оскар, когда покупатель зашел в магазин велосипедов «О. и Ф.». Повнимательнее приглядевшись к мужчине в очках и деловом костюме, он потер лоб и принялся шелкать толстыми пальцами.

— Однако, я вас знаю, — пробормотал он. — Мистер... э-э... вертится на кончике языка...

Оскар был крупным мужчиной с огненно-рыжей шевелюрой.

— Конечно, знаете, — ответил посетитель. На лацкане его пиджака блестел значок клуба «Лайонз». Помните, вы продали мне детский велосипед с переключателем скоростей? Для моей дочери. Мы еще говорили с вами о том красном французском гоночном велосипеде, с которым возился ваш партнер...

Оскар шлепнул своей огромной ладонью по кассовому аппарату, поднял голову и закатил глаза.

— Мистер Уотни! — Мистер Уотни просиял. — Конечно, я вас помню! Еще бы! Господи, как я мог забыть! И как у вас идут дела, мистер Уотни? Надеюсь, велосипед — по-моему, это была английская модель, не так ли? — надеюсь, он пришелся по душе вашей дочурке?

Мистер Уотни заверил, что велосипед превосходный, просто превосходный. Затем сказал:

— Как я понимаю, у вас тут кое-какие перемены? Теперь вы работаете один? Ваш напарник...

Оскар посмотрел в пол, оттопырил нижнюю губу и кивнул.

— Слышали, да? Такие вот дела. Так что три месяца я один.

Их партнерство подошло к концу три месяца назад, хотя первые трещины появились уже давно. Фред любил книги, долгоиграющие пластинки и заумные разговоры. Оскар

отдавал предпочтение пиву, кегельбану и женщинам. Каким угодно. Когда угодно.

Магазин стоял недалеко от парка, и от проката велосипедов они имели немалую выгоду. Если женщина была достаточно взрослой, чтобы ее уже называли женщиной, или не настолько старой, чтобы ее называли старой женщиной, или если она находилась где-то посредине, и если она была одна, Оскар обычно спрашивал:

— Вас устраивает эта модель?

— Ну, думаю, да.

Схватив другой велосипед, Оскар продолжал:

— Тогда я немного с вами проеду, чтобы убедиться лично. Фред, я сейчас вернусь. — Фред мрачно кивал.

Чаще всего Оскар возвращался с побитым видом. Без капли сочувствия Фред ворчал:

— Вечно мне одному приходится торчать в этом магазине.

Оскар несколько воодушевлялся:

— Хорошо, в следующий раз езжай ты, а я останусь тут. Развлекись немного.

Он, конечно, знал, что Фред — худой, долговязый, пучеглазый Фред — ни за что на свете не поедет с женщиной в парк.

Фреда волновали другие вещи.

— Эти коммунисты... — Он качал головой, читая газету. Оскар давал ему совет из трех слов, как надо поступить с коммунистами. Еще Фреда волновала смертная казнь. — Боже, как это ужасно, а вдруг казнят невиновного человека? — стонал он. Оскар замечал, что каждого может постичь неудача, и тут же просил гаечный ключ.

Еще Фреда волновали проблемы других людей. Как, например, в тот раз, когда супружеская пара приехала на тандеме. Женщина хотела поменять малышу пеленку, и одна булавка сломалась.

— Почему ни у кого нет булавок? — ворчала женщина, роясь в сумочке. — Никогда нет булавок.

Фред сочувственно вздыхал, даже пошел посмотреть в подсобку, хотя знал, что там их отродясь не было.

За ланчем Фред посетовал: как жаль, что у них не оказалось булавок. Оскар впился зубами в сэндвич, откусил половину, прожевал и проглотил. Фреду нравились необычные сэндвичи — больше всего он любил сэндвичи с плавленым сыром, оливками, анчоусами, авокадо и майонезом, — ну а Оскар всегда отдавал предпочтение колбасному фаршу.

— Ребенку, наверное, было неудобно. — Фред слегка надкусил сэндвич.

— Господи, — ответил Оскар, — да ведь аптеки на каждом углу.

— Аптеки? Ты имеешь в виду, что там можно купить булавки?

— Ну да, булавки.

— Но... знаешь, действительно, если вдруг понадобятся булавки, их никогда нет под рукой.

Открыв банку с пивом, Оскар сделал изрядный глоток.

— Ага! Зато полно металлических плечиков для одежды. Выбрасываю их каждый месяц, а их в шкафу не убавляется. Когда тебе будет нечего делать, придумай какую-нибудь штуковину, чтобы превращать плечики для одежды в булавки.

Фред отвлеченно кивнул.

— Но все свободное время я работаю над французским гоночным велосипедом.

Это была великолепная машина, легкая, быстрая, сияющая красным лаком. На ней любой мог почувствовать себя птицей. Но Фред жаждал совершенства. Он демонстрировал велосипед каждому посетителю, пока тому не надоедали подробные лекции.

Последним его увлечением стала природа, вернее, книги о природе. Однажды дети, налив в парке тритонов и лягушек, посадили их в консервные банки и с гордостью показали Фреду. С этого момента работа над французским гоночным велосипедом замедлилась, и он с головой зарылся в книги и справочники.

— Мимикрия, — убеждал он Оскара, — это такая интересная вещь!

Оскар отрывался от газеты с результатами соревнований по кеглям.

— Да, я недавно видел по телеку, как Эдди Адаме пародирует Мерлин Монро. Вот это мимика!

Фред раздраженно качал головой.

— Мимикрия это совсем другое. Скажем, некоторые насекомые и пауки прикидываются листьями, сучками, чтобы их не съели птицы или другие насекомые.

На мясистом лице Оскара появлялось недоверчивое выражение:

— Ты имеешь в виду, что они меняют свою форму? Так?

— Вот именно. Иногда мимикрия служит и для нападения. Например, одна южноафриканская черепаха прикидывается камнем и хватает проплывающую мимо рыбу. А на Суматре живет замечательный паук: когда он ложится на спину, то становится похожим на птичий помет. Так он ловит бабочек.

Оскар смеялся, выражая этим клокочущим звуком свои сомнения. Он снова утыкался в газету, и смех угасал.

Однажды Оскар, принявшись за газету, обнаружил, что забыл карандаш.

— Где же у нас карандаши? — пробормотал он и, направившись в подсобку, принялся открывать ящики стола. Услышав его громкий возглас, Фред заглянул в подсобку.

— В чем дело? — спросил Фред.

Оскар указал ему на ящик.

— Помнишь, ты искал булавки? Посмотри — тут их полный ящик.

Фред почесал в затылке и пробормотал, что наверняка заглядывал в этот ящик.

Мелодичный женский голос донесся из зала:

— Есть здесь кто-нибудь?

Стол с его содержимым сразу же вылетел из головы Оскара, он крикнул: «Иду» — и опрометью помчался в зал. Фред поплелся за ним.

В магазине стояла молодая женщина довольно плотного сложения, с хорошо развитыми икрами и роскошной грудью. Она показала Оскару на сиденье своего велосипеда. Оскар пробормотал: «Угу», но на велосипед даже не взглянул.

— Вам не кажется, что оно немного высоковато? («Угу».) Мне нужен всего лишь гаечный ключ. («Угу».) А я, к несчастью, не взяла с собой инструменты.

Оскар автоматически произнес еще раз: «Угу», затем опомнился.

— Одну секунду, мадам, — сказал он и, решительно отстранив хозяйку, стал подкручивать седло. Конечно, ему понадобилось немало времени, ведь он одновременно вел разговор с женщиной. От денег Оскар отказался.

— Спасибо, — сказала женщина. — Теперь все в порядке.

— Как вам, удобно?

— Спасибо, все прекрасно.

— Я, пожалуй, проеду немного с вами. Надо убедиться самому...

Женщина хрипловато рассмеялась, и ее грудь качнулась.

— Не думаю, что вы сумеете удержаться рядом. У меня ведь гоночный велосипед.

Когда Оскар скосил глаза в угол, Фред сразу же понял, что у того на уме. Он сделал шаг вперед. Его робкое «Нет» потонуло в громком «Ну, что ж, постараюсь не отстать».

Молодая женщина хохотнула, сказала: «Посмотрим» — и уехала. Оскар, не обращая внимания на простертые руки Фреда, вскочил на французский гоночный велосипед и был таков. Фред, стоя в дверях, смотрел, как две фигуры, нажимая на педали, скрылись в зарослях парка. Он медленно вернулся в магазин.

Оскар приехал только вечером. На этот раз он хоть и выглядел усталым, но улыбался.

— Ну и денек! — воскликнул он. Он покачивал головой, присвистывал, махал руками, с шумом выдыхая воздух. — Да, приятель, ну и денек!

— Давай сюда велосипед, — сдавленным голосом потребовал Фред.

Оскар сказал, да, конечно, вручил ему велосипед и пошел мыться. Фред посмотрел на свое детище. Красный лак скрылся под слоем пыли и грязи. Между спицами торчали пучки

сухой травы. Велосипед выглядел неряшливым и униженным. А ведь он летал, как птица...

Оскар вышел из душа с мокрыми волосами и сияющим лицом. Вскрикнув, он двинулся к Фреду.

— Не подходи, — сказал Фред, и у него в руках блеснул нож. Он принялся резать шины и седло.

— Ты что, спятил? — заорал Оскар. — Совсем рехнулся! Не надо, Фред!

Фред, вырвав спицы, согнул их и бросил в угол. Схватив самый большой молоток, он принялся крушить велосипед, превращая его в бесформенную грудку металла. Он наносил удары, пока не выбился из сил.

— Ты не только псих, — с горечью сказал Оскар, — ты еще и ревнивец. Катись-ка ты к черту! — И он выскочил из магазина.

Фред, чувствуя себя больным и опустошенным, закрыл магазин и медленно побрел домой. Читать ему не хотелось, и, выключив свет, он плюхнулся на кровать, где долгое время лежал без сна, прислушиваясь к ночным звукам и отгоняя прочь горькие мысли.

После этого они несколько дней не разговаривали. Изуродованный гоночный велосипед валялся за магазином. Недели две никто из них не выходил на задний двор, чтобы не видеть его.

Однажды, когда Фред пришел на работу, партнер приветствовал его в дверях, протягивая руку. Оскар восхищенно качал головой:

— Как это у тебя получилось, Фред? Как ты умудрился это сделать? Надо же, высший класс — вот тебе моя рука — забудем про обиды, Фред, а?

Фред пожал протянутую руку.

— Конечно, конечно. Но я не понимаю, о чем ты?

Оскар повел его на задний двор. Новенький французский гоночный велосипед стоял у стены, сияя красным лаком. На нем не было ни царапины.

У Фреда отвисла челюсть. Присев на корточки, он внимательно осмотрел машину. Это был его велосипед. Вот те усовершенствования, которые он сам придумал.

Фред медленно выпрямился.

— Регенерация...

— А? Что ты сказал? — спросил Оскар. — Слушай, приятель, что с тобой? Пойди присядь. И все же я до сих пор не понимаю, как тебе это удалось?

Войдя в магазин, Фред опустил на етул. Облизнув губы, он сказал:

— Оскар, послушай...

— Ну?

— Я не притрагивался к нему. Он регенерировал. Как тритон. Или краб. Или ящерица.

Оскар обдумывал услышанное. Наклонив

голову, он исподлобья смотрел на Фреда.

— Скажи тогда, Фред, почему же этого не происходит с другими поломанными велосипедами?

— Это необычный велосипед. Я хочу сказать, ненастоящий. — Перехватив взгляд Оскара, он закричал. — Это правда! Я слишком много в него вложил!

Этот крик окончательно сбил Оскара с толку. Он встал.

— Ладно, не будем спорить. Пусть все эти рассказы про пауков и ящериц — чистая правда. Но они живые существа. А велосипед — нет. -- Он торжествующе посмотрел на Фреда.

Фред уставился взглядом в пол.

— Стекло тоже неживое, но при определенных условиях может регенерировать. Оскар, посмотри, булавки все еще в ящике. Пожалуйста, Оскар.

Он слышал, как Оскар бормочет, шаря в столе. Затем раздался грохот задвигаемых ящиков, и Оскар вышел из подсобки.

— Ничего нет, — сказал он, — все пропали. Они исчезли... Фред, ты куда?

Фред рывком распахнул дверцы шкафа и отпрыгнул назад, когда там зазвенели плечики для одежды.

— Как ты говорил?... — губы Фреда скривились. — «Зато всегда полно плечиков для одежды». Мы же их отправили в подсобку.

Оскар пожал плечами:

— Может, кто-нибудь вошел, забрал булавки и повесил плечики. Может, я сам. Хотя нет, я этого не делал... — Оскар нахмурился. — А вдруг ты во сне пришел сюда? Фред, тебе стоит показаться доктору.

Опустившись на стул, Фред закрыл лицо руками.

— Я чувствую себя ужасно. Знаешь, чего я боюсь? — Он шумно выдохнул воздух. — Я ведь уже рассказывал тебе, как некоторые существа могут прикидываться другими. Сучками, листьями... Жабы, которые похожи на камни. Представь себе, что есть... вещи, которые живут среди людей. В городах. В домах. Эти вещи могут притворяться... ну, теми вещами, которые есть у людей.

— Живут среди людей? Ты с ума сошел!

— Может, это другая форма жизни. Может, они питаются нашим к ним отношением. Нашей энергией. Оскар, а что если это не булавки, а куколки? Потом они превращаются в личинки, которые выглядят, как плечики для одежды? Ты думаешь, что это плечики, а на самом деле это нечто другое. Совсем другое.

Фред зарыдал. Оскар смотрел на него, качая головой.

Через минуту Фред успокоился. Он шмыгнул носом.

— Вспомни велосипеды, которые привозят в

стол находок. Владельцы не приходят за ними. Потому что владельцев нет. Эти машины не сходили с заводского конвейера. Они выросли. Да, они растут. Ты их ломаешь и выкидываешь, а они регенерируют.

Оскар покачал головой и посмотрел в сторону.

— Ну и дела, — сказал он. — Фред, ты хочешь сказать, что если сегодня это булавки, то завтра они превратятся в плечики для одежды?

— Сегодня это кокон, — сказал Фред, — а завтра мотылек. Сегодня это яйцо, а завтра цыпленок. Все это происходит не днем, когда ты можешь это видеть. Ночью, Оскар. Ночью слышно, как это все происходит. Все эти ночные звуки...

— Почему же наш магазин не завален до потолка велосипедами? Если бы вместо плечиков был велосипед...

Фред задумался.

— Если бы каждый малек трески, — сказал он, — или каждая икринка устрицы достигала бы зрелости, можно было бы ходить по морю, наступая на чешую и раковины. Но одни умирают, других поедают хищники. Поэтому природа производит огромное количество устриц, чтобы необходимый минимум мог достигнуть зрелости.

Тогда Оскар спросил, а кого, гм, тогда, гм, поедают, гм, плечики для одежды?

Фред смотрел куда-то вдаль.

— Ты должен понять, о чем идет речь. Я называю их «ложными друзьями». Когда в школе мы учили французский, учитель пояснял, что некоторые французские слова похожи на английские, но означают совсем другое. Он говорил, что такие слова называются *faux amis*. Ложные друзья. Псевдо-булавки, псевдо-плечики. Кто их поедает? Трудно сказать. Может, псевдо-пылесосы?

Его партнер застонал и хлопнул себя по коленям.

— Фред, — сказал он, — ради Бога... Знаешь, в чем твоя ошибка? Ты слишком оторван от жизни. Забрось свои французские книжки и книги про жуков. Выйди на улицу, проветришься. Пообщайся с людьми. Знаешь, что? Бери свой велосипед — и езжай в парк.

— Я никогда больше не притронусь к этому велосипеду. Я его боюсь, — сказал Фред.

Услышав это, Оскар поднял своего партнера и поволок его к гоночному велосипеду.

— Это единственный способ побороть страх!

Фред, с бледным лицом, залез на велосипед; но уже через секунду со стоном свалился на пол.

— Он меня сбросил! — вопил Фред. — Он хотел меня убить! Смотри — кровь!

Оскар сказал, что это он сам свалился от страха. Кровь? Сломанная спица поцарапала щеку. Но у Фреда была истерика. Он кричал,

что никто теперь не может чувствовать себя в безопасности и надо предупредить человечество. Оскару пришлось потратить немало времени, чтобы успокоить его, отвести домой и уложить в постель.

Конечно, Оскар не стал рассказывать об этом мистеру Уотни. Он просто сказал, что его партнеру опротивели велосипеды.

— Я не стараюсь переделать мир, — заявил Оскар. — Я принимаю его таким, каков он есть.

Мистер Уотни сообщил, что у него точно такая же философия. Потом спросил, как идут дела в магазине.

— Ну... не так уж и плохо. Вы знаете, я женился. Жену зовут Норма, и она без ума от велосипедов. Так что дела идут неплохо. Работы, конечно, прибавилось, зато я могу все делать по-своему.

Мистер Уотни кивнул и оглядел магазин.

— Я смотрю, дамские велосипеды выпускают до сих пор, хотя многие женщины ездят в брюках. Зачем они нужны?

— Не знаю, — ответил Оскар. — Мне все равно. Вы никогда не думали, что велосипеды похожи на людей? Я имею в виду, что из всех машин в мире только велосипеды бывают мужскими и дамскими.

Мистер Уотни хохотнул, сказал: «Точно» — и добавил, что никогда не задумывался над этим. Тут Оскар спросил, не желает ли мистер Уотни что-нибудь приобрести.

— Да, покажите, что у вас есть. Скоро у моего сына день рождения.

Оскар одобритительно кивнул.

— Вот отличная вещь, — сказал он, — нигде такой не найдете. Фирменная штучка. Сочетает в себе лучшие качества французского гоночного велосипеда и стандартной американской модели. Три вида — детский, дамский и мужской.

Мистер Уотни осмотрел велосипед и сказал — это именно то, что ему нужно.

— Кстати, — спросил он, — а где тот красный французский велосипед, который раньше стоял у вас?

Оскар нахмурился, но затем его лицо разгладилось.

— А, тот старый французский велосипед! Он у меня вроде производителя, как на конном заводе.

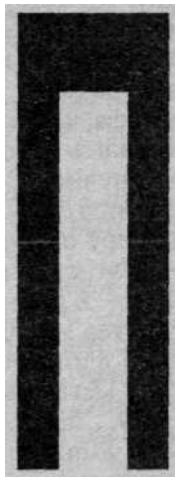
И они оба расхохотались. Затем Оскар рассказал еще пару забавных историй, мистер Уотни купил велосипед, они выпили по этому поводу пару бутылок пива. Они снова смеялись, потом говорили: надо же, какой ужас, бедный Фред, как это могло случиться, что его нашли в собственном шкафу с толстой проволокой от плечиков, которая плотно обвивала его шею.

Акоп Назаретян,

доктор
философских наук,
кандидат
психологических наук

ТЕСТ НА ЗРЕЛОСТЬ

«Цивилизация плечиков для одежды», «общество гоночных велосипедов», - все это звучит скорее забавно, нежели пугающе. Однако фантазия Авраама Дэвидсона (заслужившая, кстати, премию «Хьюго») ставит вопрос, далеко не праздный. Создав «вторую природу», что приобрело человечество: союзника или конкурента? Каков смысл существования мира вещей, мира технологий, не наделен ли он собственной логикой развития? Точка зрения, изложенная А. Назаретяном, более популярна среди писателей-фантастов, чем его коллег-философов, но читателей она, несомненно, заинтересует. Тем более, что срок, отмеренный нам автором, занимает несколько тысячелетий, так что есть время подумать.

приятно думать о будущем в духе писателя Ивана Ефремова: потомки будут умными, красивыми, благородными, сильными, счастливыми и, главное, очень похожими на нас. Это почти так же приятно, как полагать, что мы живем в центре Вселенной и мир вертится вокруг нас, — и, увы, так же обосновательно.

Слишком хорошо известно, что цивилизация вступила в полосу обостряющихся глобальных кризисов. Некоторые ученые убеждены, что спасти человечество уже поздно, точка развития, до которой поворот был бы еще возможен, пройдена. Я думаю, что это не так, и полезнее было бы без экзальтации попытаться представить «бифуркационную фазу» (т. е. момент, в который возможны многие варианты развития), переживаемую нынешними поколениями.

На ближайшее столетие, по большому счету, возможны три сценария со множеством вариаций. Первый - планетарный коллапс вследствие атомной войны, глобальной экологической катастрофы. Либо это может быть медленная деградация природы, генетического вырождения человечества. Поразительно видение Томаса Злиота: «Именно так и кончается мир, - не раскатом грома, а всхлипом»...

Второй сценарий немногим более соблазнителен. Это возврат цивилизации к доиндустриальным формам существования на фоне религиозного ренессанса и прочих ретроградных тенденций. Затяжные войны, но без применения новейших видов оружия массового уничтожения. Беспредел насилия, голод, эпидемии сокращают население Земли в 10-15 раз - до того количества, какое доиндустриальное производство способно худо-бедно прокормить...

И, наконец, третий сценарий — наиболее перспективный, хотя тоже весьма далекий от идиллии: движение к **информационной цивилизации**, трансформация биологической основы самого чело-

века, его сосуществование с искусственным интеллектом. Это путь «прогрессивный», и как таковой он концентрированно воплощает не только достоинства, но и все пороки прогрессивного развития.

Критики «технологической» цивилизации часто призывают вернуться к естеству, видя в этом выход из обостряющегося кризиса. Но что есть «естество»? Сами законы природы неоднозначны и противоречивы. Закон возрастания энтропии гласит, что наиболее «естественное» состояние материи - равновесие. Однако жизнь - это неравновесие, и сама жизнедеятельность есть постоянная работа против равновесия, энтропии. Между тем, законы термодинамики неумолимы: работа требует расхода энергии, а свободная энергия возникает при разрушении других организмов. Но и ресурсы среды небеспредельны...

В этой глубокой коллизии кроется источник качественного роста.

Пока позволяют доступные ресурсы, живое вещество развивается экстенсивно, прямолинейно. Но рано или поздно наступает кризис. Чаще всего он разрешается консервативными способами — например, колебанием численности популяции или взаимным колебанием популяций хищника и жертвы. Когда же консервативные механизмы не срабатывают, происходит качественное изменение. Тому в истории Земли масса примеров. Природе, чтобы сохраниться, приходилось развиваться: росло внутреннее разнообразие биосферы, на ее верхних этажах возникали более сложные организмы с более изощренным поведением, более емким, динамичным интеллектом. И с каждой геологической эпохой биосфера все более удалялась от равновесного - «естественного» состояния, рождая в своих вершинных экологических нишах все более странные, «противоестественные» организмы. До тех пор, пока из нее не начало выделяться существо, самое невероятное из когда-либо живших на Земле, - невероятное своей механикой (прямохождение), анатомией (непропорционально развитый мозг) и, главное, поведением. Оно стало систематически производить ору-

дия труда и, вообще, формировать себе искусственную - то есть противоестественную в квадрате! — среду. Исконный конфликт между живым и косным веществом дополнялся новым, столь же неустрашимым: между живой природой и нарождающейся цивилизацией...

А говорю я все это к тому, чтобы обратить внимание на ряд обстоятельств, о которых, кажется, мы почти не задумываемся.

Во-первых, прогресс (который теперь так модно ругать) - не чья-то прихоть. И не сознательная цель: по большому счету, прогресса едва ли кто-либо когда-либо желал. Ни природа, ни человек к нему не стремились. Это средство выживания и всегда - компромисс. И каждая новая форма цивилизации опять-таки неуклонно удаляет человека от естества. Производящее хозяйство (земледелие, скотоводство) в этом смысле противоестественнее присваивающего - охоты и собирательства; промышленное производство противоестественнее сельскохозяйственного и так далее. Подобные скачки всегда помогали преодолеть обострившийся экологический кризис и пролагали дорогу к следующему кризису.

Во-вторых, наивно надеяться на упразднение противоречий между обществом и природой. Мы не можем не только сами «следовать законам природы», но не способны позволить, чтобы природа жила по своим собственным законам. Ибо тогда цивилизации, культуре в ней места не останется.

Что же выходит? Удел разума — бесконечное насилие, агрессия, разрушение?

Я долго изучал этот вопрос (о некоторых результатах работы рассказано в моей книге «Интеллект во Вселенной», М., Недра, 1991), продолжаю изучать его с коллегами на специальном семинаре по цивилизационным кризисам. И, может быть, главное, в чем я убедился: разум, сталкиваясь с угрозой самоистребления, каждый раз создает более надежные искусственные механизмы сдерживания агрессии. Общество стабильно до тех пор, пока его разрушительная мощь в достаточной мере компен-

сируется качеством сложившихся культурных регуляторов. Когда же инструментальные возможности значительно опережают искусство самоограничения, цивилизация вступает в полосу кризиса. Далее она либо становится жертвой собственного могущества (драматическая участь многих локальных цивилизаций на нашей планете), либо радикально преобразуется. Технологии становятся более «щадящими» — т. е. меньшими разрушениями достигается больший полезный результат, - социальная организация становится более сложной, социальный интеллект более емким, способным масштабировать мир в его причинно-следственных связях. И самое интересное: совершенствуются механизмы достижения компромисса. Между обществом и природой, между человеческими коллективами, между индивидами.

Вот эту сложную опосредованную зависимость мы обозначили как закон эволюционных корреляций. Из него, между прочим, следует, что ни на Земле, ни в космосе не выживает цивилизация с мощным инструментальным интеллектом, но примитивной моралью. Об этом писал еще Фома Аквинский: абсолютное зло невозможно, оно непременно уничтожит само себя...

Но зло и добро действительно переплетены очень тесно, и «эволюционные корреляции» — закон непростой. Новая технология, более надежная организация создают благоприятные условия для роста населения, социальных и индивидуальных потребностей, возникает психологическое ощущение всемогущества. И относительно более щадящие технологии оборачиваются еще более тяжелой нагрузкой на природную и социальную среду. Когда кризис охотничьего хозяйства, охвативший на исходе палеолита средние широты Евразии, поставил людей на грань самоистребления, они сумели выжить благодаря переходу к оседлому земледелию и скотоводству (неолитическая революция). Но со временем пригодные для возделывания территории оказались недостаточными, и ответом на новый кризис стало изобретение медных, а затем бронзовых орудий, строительство сложных ирригационных систем, становление первых импе-

рий с централизованной системой управления. Когда же и возможности бронзовых орудий были исчерпаны, обострилась конкуренция за территорию, наши предки освоили производство железа. И сравнительно совсем недавно, 300 - 400 лет назад, на тяжелый кризис сельскохозяйственно-ремесленной цивилизации европейцы сумели ответить промышленной революцией, которая теперь опять привела нас к опасному порогу...

Но не менее интересен другой аспект развития общества. В неолите впервые обнаруживаются компромиссные отношения между племенами: первичные формы коллективной «эксплуатации человека человеком» (воинственные племена периодически отнимали «излишки» производства у сельскохозяйственных соседей, но вместе с тем и защищали их от «чужих» посягательств) сменили погловное истребление поверженных противников, характерное для всего палеолита. Утверждавшееся в бронзовом и, особенно, в железном веке рабовладение усилило «экономический» интерес к индивидуальной человеческой жизни. Дешевое и жестокое железо, позволив вооружить все мужское население, сделало борьбу за территории столь кровопролитной, что устойчивое существование цивилизации опять оказалось под угрозой. Ответом на это стало глубокое преобразование духовной культуры. Иудейские пророки, Заратустра в Персии, Сократ и стоики в Греции, Будда в Индии, Конфуций в Китае коренным образом изменили основы отношений к рабу и врагу. Кровопролитность сражений перестала служить признаком боевого мастерства и предметом похвалы. Впервые обозначился феномен «политической демагогии» — когда насилие и террор перестали служить единственным средством воздействия на войска и население противника... Наконец, промышленная революция, так очевидно раскрывшаяся перед нами своей негативной стороной, была сопряжена с идеями демократии, просвещения и гуманизма...

Нынешнее поколение переживает очередной, типичный и глу-

боко закономерный, эволюционный кризис. Опять люди могут больше, чем понимают. Как быть? Движение назад — катастрофа. Топтание на месте, попытки двигаться «вбок» — еще худшая катастрофа. Вперед? Так ведь это значит - еще дальше от естества. На магистрали развития - информационная революция, она способна помочь в решении многих острых проблем.

Но верно говорят англичане: бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Чем же придется платить, если удастся направить события в самое оптимальное русло?

Чтобы компенсировать накопление генетического груза (в частности, из-за сокращения эпидемий, детской смертности, демографический взрыв, разрушение природы, угрозу войны, инструментальный интеллект должен все глубже вторгаться уже в самые интимные основы социального, психологического и биологического бытия. Это, в свою очередь, резко повышает опасность злоупотреблений, а следовательно -- меру ответственности, жизненно необходимую планку морального сознания. Терпимость к различиям, механизмы достижения компромисса должны достигнуть небывалого уровня. И коль скоро события станут развиваться по оптимальному сценарию, то интеллект XXI века будет готов к кардинальному перерождению.

Вот здесь и выступает на передний план самый драматический для нашего современника момент. По мере развития информационной цивилизации, ее носителем будет становиться все более странный противоестественный субъект. Генная инженерия, трансплантации и искусственные органы **будут неуклонно удалять человека от «исходного образца»...**

Что же мы хотим сохранить? Homo sapiens как вид? Но неантроп как зоологический вид смертен по любым естественнонаучным раскладам. Известен биологический закон, связывающий обратной пропорцией продолжительность существования вида с его морфологической сложностью, и соответствующие расчеты оставляют человеку разумному срок жизни в

несколько десятков тысячелетий. Этот срок сокращается на два порядка другими расчетами, построенными на утверждении о «патологическом» характере человеческой анатомии (непропорциональное развитие мозга и т. д.). Да и биосфера в целом переживает «последние геологические секунды» (М. Будыко) - согласно имеющимся данным, нисходящая фаза ее развития началась около сотни миллионов лет назад и через три миллиона лет должна завершиться окончательно — вырождением. Столь же безрадостны космологические прогнозы, связанные с эволюцией Солнца, Земли, Метагалактики...

Приходится считать, что самое ценное — это исторический опыт человечества, культура, разум, опыт прозрений. Недаром на санскрите слово «человек» и «разум» - синонимы.

Мозг потребляет минимум энергии, распорядясь громадными энергетическими потоками внешнего мира. Поэтому информационное общество способно достигать необходимого эффекта гораздо меньшими разрушениями, чем все предыдущие. Есть данные, что на сегодняшний день 98 - 99% производимой нами энергии рассеивается в пространстве, и только 1 — 2% дают полезный результат. Без помощи искусственных информационных систем в планетарном масштабе уже сейчас не решаются ни экономические, ни политические, ни военные проблемы. То, что гонка вооружений переносится с полигонов на компьютерные модели, - существенная подробность нынешней ситуации. Но при этом мы попадаем в такую зависимость от информационных систем, что их отключение уже теперь стало бы губительным для человечества...

Останется ли технология только средством, или у информационных систем со временем обнаружатся собственные качества? Еще на заре кибернетики Джон фон Нейман предупреждал, что с ростом сложности и быстродействия ЭВМ

они станут приобретать свойства непредсказуемые. В 80-х годах исследования немецкого ученого В. Циммерли показали, что по мере того, как функционирование искусственных информационных систем становится более автономным, проблематичным становится и контроль за ним. О грядущем перерождении носителя интеллекта писал Н. П. Моисеев и ряд других крупных ученых. Более того, сейчас ясно, что формирование механизмов с собственными потребностями необходимо для кардинального совершенствования информационных систем, а без этого планетарной цивилизации не выжить...

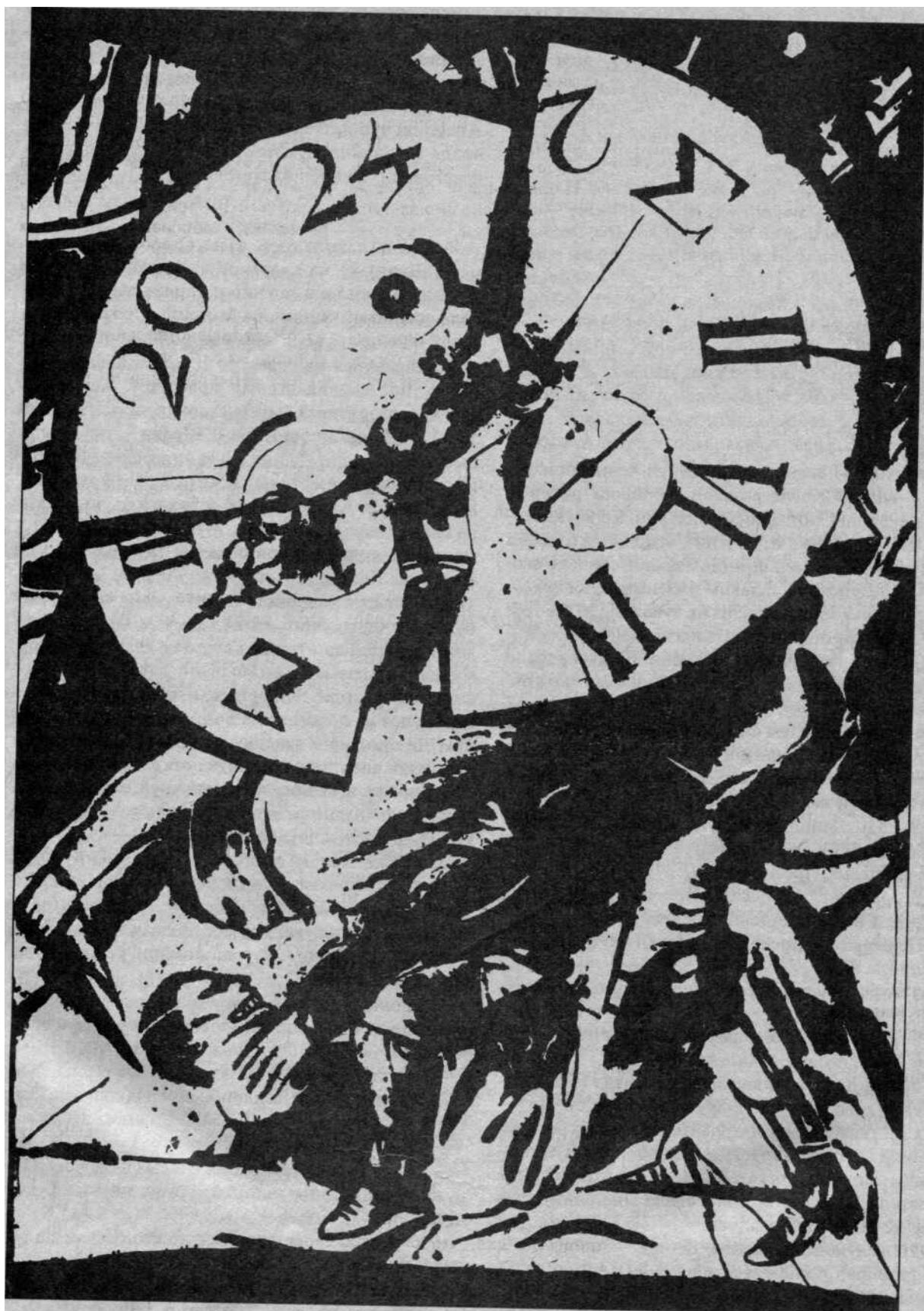
В общем, события складываются так, что человеку придется осознать себя не венцом творенья, но демиургом, способным создать нечто более совершенное, чем он сам. В этом можно усмотреть повод для гордости или разочарования, но альтернатива такой драматической плате за дальнейшее развитие интеллекта, цивилизации — планетарный коллапс, самозамыкание четырехмиллиардолетнего эволюционного цикла в нашей области Метагалактики...

Если все, что может, произойти, - происходит, как это следует из теории систем (а сегодня реально возможны как гибель планетарной цивилизации, так и выход ее на новые рубежи), значит, во Вселенной должно было возникнуть множество очагов прогрессивного развития, способных достигнуть сравнимого с нами уровня. В метагалактическом естественном отборе выжили те из них, которым удалось пройти серию «тестов на зрелость» - на внутреннее разнообразие, на терпимость. Остальные были «выбракованы» из эволюционного процесса путем самоистребления.

Согласно расчетам, судьба земной цивилизации на нынешнем этапе — окажется ли она в числе самоустранившихся или в числе тех, которым суждено продолжить метагалактическую эволюцию, — определится деятельностью двух ближайших поколений...

«Верю, что когда-нибудь придет конец органической жизни, но не организационной».

Станислав Ежи Лец.

Альфред Бестер
«Русские горки»

Я легонько полоснул ее ножичком. Когда резанешь поперек ребер — кожа в стороны, а опасности никакой. Кровь выступила не сразу. Она в изумлении отпрянула от меня — напуганная не столько видом крови, сколько оголенным лезвием. При таком ранении человек минуту-другую вообще ничего не чувствует. Тем-то и плох нож, что боль и ужас запаздывают.

- Слушай, подружка, — сказал я. Ее имя успело вылететь из памяти. — Это все, чем я могу тебя побаловать.

И я мазнул лезвием ей по лицу. Она отпрыгнула на другой конец кровати и скорчилась от страха. Я увидел, что ее трясет. Наконец-то. А то я заждался.

- Ну, давай же! Реагируй!

— Не надо, Дэвид! Пожалуйста, прекрати, Дэвид! — забормотала она в испуге.

Не то, не то. Пресно.

- Все, сваливаю, — сказал я. — Шлюха поганая. Ты ничем не лучше дешевых девок.

— Пожалуйста, прекрати, Дэвид, — чуть слышно повторила она.

Эту не раскачаешь на поступок. Ладно, дам-ка ей еще одну попытку.

— Больше пары долларов за ночь ты не стоишь, стало быть, с меня двадцатка.

Я вынул деньги из кармана, отсчитал сумму бумажками по одному доллару и протянул ей. Не берет. Сидит себе на краю кровати в чем мать родила, кровища с груди капает, а она вцепилась в простыню и молчит. Тоска-а-а... Неужели это она выла в постели, кусалась и полосовала мне спину ногами! Куда все подевалось!

- Пожалуйста, прекрати, Дэвид, — говорит.

Я разодрал деньги и швырнул ей в лицо.

А она опять:

- Пожалуйста, прекрати, Дэвид!

Хоть бы заплакала. Хоть бы завизжала. Никаких поступков. Бездарь.

Я ушел.

Неврастеники — народ ненадежный, никогда не

знаешь, что от них получишь. Сперва рыщешь в поисках подходящего. Потом, когда найдешь, разогреваешь его, разогреваешь — пока не доводишь до полной невменяемости. И уже предвкушаешь сладость взрыва. Но когда доходит до дела — оказывается, что в очередной раз налетел на тупицу, вроде сегодняшней дуры. Ненадежный народ неврастеники. Непредсказуемый.

Я скопил глаза на свои часы. Стрелка на двенадцати. Двину-ка на квартиру к Кендри, решил я. Фрейда поработала над ним и, скорее всего, уже довела до нужной кондиции. Мне сейчас очень нужен совет Фрейды — ведь времени остается в обрез.

Я направился на север по Шестой Авеню — то бишь, по Американскому проспекту (вечно путаюсь в названиях), затем свернул на запад и по 55-ой улице дошел до Храма Мекки — тьфу ты, я имею в виду, до башни Нью-Йорк-Сити-Сэнтер. Поднявшись в лифте на самый вверх — к пентхаузу, где живет Кендри, я уже собрался было нажать на кнопку звонка, как вдруг учуял запах газа. Я опустился на колени и принял: газом тянуло из квартиры Кендри.

Пользоваться звонком было опрометчиво. Я вынул отмычку и склонился над замком. Он поддался минуты через две-три, и я вошел в квартиру, зажимая нос носовым платком. Внутри было темно, хоть глаз выколи. Я прошагал напрямик в кухню и наткнулся на лежащее на полу тело — голова в открытой духовке. Я завернул газовые краны, распахнул окно, ринулся в гостиную, открыл все окна. Из последнего я высунулся и глотнул свежего воздуха. Отдышавшись, я подождал, пока выветрится газ, и занялся телом на кухне.

Это был, как и следовало ожидать, Кендри. Живой. Широкая одутловатая морда налита кровью, дыхание поверхностное, прерывистое — Чейна-Стокса или как там его по-врачебному. Я подошел к телефону и набрал номер Фрейды.

— Алло? Фрейда?

— Да, слушаю.

— Ты где болтаешься? Почему ты не здесь, не с Кендри?

— Это ты, Дэвид?

- Он самый. Я у Кендри — он едва дышит. Пытался покончить с собой.

— Не может быть!

— Газом хотел отравиться. Он сам довел себя до нужной кондиции, или это ты над ним потрудились?

— Конечно, я его заводила, но кто бы мог подумать, что он способен...

— Что он способен таким вот образом улизнуть — не заплатив по счету? Я устал тебе повторять, Фрейда: глупо делать ставку на потенциальных самоубийц. Я говорил тебе: у него характерные шрамы на запястьях. От подобных типов никогда не дождешься поступков. Они...

— Дэвид, не надо меня поучать!
- Не заводись. Я и сам пролетел с той девицей. Я-то решил, что она смерч в юбке. А оказалось, всего-навсего сквознячок. Займусь-ка я той женщиной, о которой ты говорила. Женой Бэкона. Рекомендуешь?

— Настоятельно.
— Как на нее выйти?
- Через мужа, Эдди Бэкона.
— А где его найти?
— Попробуй в барах у Шона, у Дугла, у Бриана или в греческом ресторанчике. Только помни, Дэвид: он уже отработанный материал. Не трать на него время — времени у тебя кот наплакал.

- Что он мне! Главное, его жена стоящая штука.

- Она действительно подходящий экземпляр. Помнишь, я рассказывала тебе про ружье.

- Прекрасно. А как насчет Кендри?
- Пропади он пропадом, этот Кендри! — отрубил она и бросила трубку.

Вот и умница. Пора уж Фрейде образумиться и не связываться больше с явными шизиками. Повесив трубку, я закрыл все окна, вернулся на кухню, открыл газовые краны. Кендри лежал как лежал, не шевелясь. Я быстренько вырубил повсюду свет, прикрыл за собой входную дверь и пошел к лифту.

Мне предстояло найти Эдди Бэкона. Я заглянул сперва к Брину, потом к Шону и Дуглу и наконец оказался в греческом ресторанчике на 52-ой Восточной.

- Эдди Бэкон не у вас? — спросил я бармена.
— В конце зала.

Я всмотрелся в часть зала за автоматическим проигрывателем. Народу там было много.

— Который из них Бэкон?
Бармен ткнул пальцем в сторону мужчины небольшого роста, который сидел в углу — один за столиком. Я подсел к нему.

- Привет, Эдди.

Бэкон покосился на меня. Иссеченное морщинистое лицо, мешки под выцветшими голубыми глазами и красивые шелковистые волосы. Коричневый костюм с голубым галстуком в белый горошек. Заметив, что мой взгляд задержался на галстуке, он сказал:

- Я носил его еще до второй мировой. Что будешь пить?

— Виски с водой, без льда.
— Корчишь из себя англичанина? — Он окликнул официанта: — Эй, Крис!

— А где сейчас Лиз? — спросил я после того, как официант принес заказ.

- Кто-кто?
— Жена твоя где?
— Я имел восемнадцать футов жен, — пробормотал он. — Точнехонько восемнадцать. Каждая была ростом в шесть футов.

— Три морские сажени смазливых аристократо-

чек? Что ж, ты в своей жизни глубоко плавал.

— А ты о какой спрашиваешь?

— О третьей. Последней. По слухам, она тебя бросила.

— Они все меня бросили.

— Где сейчас Лиз?

— Тут вот что вышло... — начал Бэкон подавленным голосом. — Мне бы такой поворот и в голову не пришел. Да и кто бы мог подумать... Стало быть, я вел своих детишек поразвлечься в Кони-Айленд...

— Бог с ними, с детишками. Где Лиз?

— Дойдет дело и до нее, — огрызнулся Бэкон. — Надо сказать, Кони-Айленд — отвратительнейшее место. Но каждый должен хоть раз попробовать на своей шкуре эту приманку. Прimitив, конечно, однако развлечение капитальнейшее. Устроители из кожи вон лезут, чтобы нагнать на нас страху, а мы и рады пугаться. Они будят в нас доисторического дикаря. Ну, неандертальцы и все такое.

— Неандертальцы вымерли подчистую, — уточнил я. — Ты имеешь в виду кроманьонцев.

— Я имею в виду бессознательную память о доисторических временах, — гнул свое Бэкон. — Они пристегивают тебя ремнем к тележке, сталкивают с «русских горок» — и за тобой гонится динозавр. Зверюга мчит по пятам — вот-вот цапнет, а ты мечтаешь только об одном, чтобы этот сладкий ужас подольше не кончался. Развлечение — первый класс. В нас пробуждаются дикарские забытые страхи. Вот почему детишки визжат от восторга. Каждый ребенок — реликт каменного века.

— Все мы немного реликты. Так как же насчет Лиз?

— Крис! — завопил Бэкон. Мы снова выпили по одной. И еще по одной.

— Мда... Лиз!.. — сказал наконец Бэкон. — Из-за той девушки я напрочь позабыл про Лиз. Я встретил ее возле «русских горок», она прохаживалась туда-сюда. Ждала. Примерялась, кого закогтить. Ведьма-паучиха!

— Лиз?

— Да нет же. Та шлюшка, которой не существовало.

— Как это ?..

— Неужто ты не слышал про Испарившуюся Девушку Бэкона? Про знаменитую неуловимую бэконовскую любовницу? Про то, как Бэкон обжимал воздух?

— Нет, не слышал.

— Ты что, с Луны свалился? Неужто тебе не рассказывали, как Бэкон снял кифтирку для несуществующей крошки? До сих пор все вокруг животики надрывают. Все, кроме Лиз. Любая собака в театральном мире слышала про эту историю.

— Я не из театрального мира.

— Странно. — Он сделал большой глоток, отставил стакан и вперился в стол с видом юнца, который пытается решить головоломную задачку по алгебре. — Свали ее Фрейда. Ф-Р-Е-Й-Д-А. Как бо-

гиню Весны — Фрейда. Олицетворение вечной юности. Внешне она напоминала боттичеллиевских девственниц. А внутри была сущей публичной девкой.

— Фрейда... а фамилия?

— Не знаю. Так и не смог дознаться. Может, у нее и вовсе не было фамилии. Меня же уверяли, что я ее выдумал. Откуда фамилия у фантазии? — он тяжело вздохнул. — Я занимаюсь постановочной детективной спектаклей. Все воровские уловки и приемы знаю, как свои пять пальцев. Специально изучал. Но эта женщина применила свежачок. Расслабила меня тем, что будто где-то видела моих детей. Слово за слово — и мы познакомились. А с ребят какой спрос? Видели они раньше эту тетю или не видели — поди проверь. Словом, я заглотил ее нехитрую наживку. А когда смекнул, что она лгала, было поздно: крыша у меня уже поехала, и я погиб. Она уже держала меня за жабры.

— Что ты имеешь в виду?

— Жена, она и есть жена, — сказал Бэкон. — Три мои супруги, в сущности, мало чем отличались друг от друга. А тут я словно с тигрицей ложился в постель. — Он криво усмехнулся. — Впрочем, мне вбивали в голову, что это всего лишь плод воображения. И на самом деле я ее не убивал, потому что она и не жила вовсе.

— Ты ее убил? Фрейду?

— С первого же момента у нас началась настоящая война, — сказал он. — Ну и кончилось убийством. Да, то была не любовь, то была схватка.

— И полем боя была твоя фантазия?

— Вот-вот. То же мне внушали врачи в психушке. Семь дней мурыжили меня. Говорят: да, вы действительно снимали квартиру. Но там не было никакой женщины, потому как никакой Фрейды на самом деле не существовало. И никто друг друга не калечил, никакой поножовщины не произошло, потому что вы жили там один-одинешенек. И вроде бы не было со мной той бешеной твари, которая терзала меня, а, прощаясь, говорила «Сигма, дорогуша...»

— Как-как?

— У тебя что-то со слухом? «Сигма, дорогуша!» И в тот последний день она произнесла именно эти слова. А в ее глазах невинного ягненка ликующе горел безумный огонек. Она сказала, что ей было очень хорошо со мной. Потом она позвонила Лиз и повторила ей ту же фразу — и ходу из квартиры. «Сигма, дорогуша!» — вот что она сказала, когда шла к двери.

— Она обо всем рассказала Лиз? Твоей жене?

Бэкон кивнул.

— Тут я сгреб ее и оттащил от двери. Позвонил Лиз. Эта тигрица повисла на мне и полосовала ногтями. Лиз подошла к телефону. Да, Фрейда меня не разыгрывала. Лиз уже упаковывала вещи.

Я расколотил телефонный аппарат о голову этой суки. Я совсем озверел. Я изорвал на ней одежду. Поволок в спальню, распластал на полу и стал

бить, душить... Господи, я на ней живого места не оставил...

Поскольку он надолго замолчал, я спросил:

— Ну а Лиз?

— Они колотили в дверь снаружи, — продолжил Бэкон свой рассказ. — Я понимал, что забил Фрейду насмерть. Но я пошел и открыл дверь. На лестничной площадке стояли черт знает сколько полицейских и черт знает сколько честных обывателей, которые все еще что-то шебетали насчет диких воплей из моей квартиры. Я решил про себя: «Ладно, считай, что это твой очередной еженедельный спектакль. Сыграй с обычным блеском, будто по писаному тексту». Словом, я распахнул дверь и сказал: «Господа, милости просим поучаствовать в убийстве...»

Голос его осекся.

— А Фрейда... она умерла?

— Так ведь никакого убийства не было, — произнес он с расстановкой. — Фрейда словно испарилась. Квартира находилась на десятом этаже отеля «Кингстон». Никакой пожарной лестницы. Входная дверь одна — и около нее было не протолкнуться сквозь строй полицейских и зевак. А в квартире нашли только одного мужика. Голого, обливающегося потом и ругающегося непотребными словами. Меня, то есть.

— Она убежала? Но куда? И как? Иначе концы с концами не сходятся!

Он покачал головой, не сводя глаз со столешницы, погруженный во что-то вроде торжественной растерянности. После долгой паузы он продолжил:

— На память от Фрейды осталась только одна штукавина, да и та ненормальная. Очевидно, она отлетела во время нашей драки, которую все в один голос окрестили воображаемой. Это циферблат от часов.

— Что же в нем ненормального?

— Деления от двух до двадцати четырех — только четные цифры: два, четыре, шесть, восемь, десять... и так далее.

— Какие-нибудь заграничные часики. В Европе двадцатичетырехчасовая система времени. Я хочу сказать, полдень у них в двенадцать часов, а час полудни — в тринадцать часов, а два часа ...

— Не надо меня просвещать, — устало прервал Бэкон. — Я сам служил в армии и кое-что знаю. Я видел циферблаты, о которых ты говоришь. У Фрейды совсем другой. Он словно из другого мира. То есть, не словно, а именно из другого мира.

— Вот тебе и раз! Что ты хочешь этим сказать?

— Я встретил ее еще раз.

— Кого? Фрейду?

Он кивнул.

— Встретил ее опять в Кони-Айленд. Слонялась вокруг «русских горок». К тому времени я уже сильно поумнел. И пришел туда с определенной целью — найти ее. И нашел.

— Всю избитую?

— Хотя бы след на теле, хоть бы намек! Ни царапины, ни синяка. Свеженькая и целехонькая, даром что прошло только две недели. Прогуливается, как ведьма-паучиха у своей паутины, и стреляет глазами в сторону глупых мух, которые выходят с аттракциона, пошатываясь от впечатлений. Я затащил ее в аллею между рядами дурацких шатров и сказал: «Только пикни — на этот раз живой не уйдешь!»

— Она отбивалась?

— Нет, — сказал Бэкон. — Млела от удовольствия. Так и сияла от счастья — словно миллион на дороге нашла. Этот радостный блеск в ее глазах...

— Не понимаю...

— А вот до меня доперло. Смотрел-смотрел на ее девственно-свежую кожу и видел — расцветает ее мордашка счастливой улыбкой именно потому, что я ору на нее благим матом и хочу убить. Тут меня и осенило. Говорю ей: «Полицейские клялись и божились, что в квартире я был один. По всему выходило, что ты существовала только в моем воображении, из-за чего мне пришлось проторчать неделю в восьмой палате психушки». Еще я сказал: «Но теперь-то мне ясно, как ты улизнула из моей квартиры, и я сообразил, куда ты упорхнула».

Тут он осекся и вперился в меня тяжелым взглядом. Я не отвел глаз.

— Ты уже много хлебнул? — спросил он.

— Достаточно, чтобы поверить в любую небылицу.

— Она улизнула через дыру во времени, — произнес Бэкон. — Врубаешься? Упорхнула в иное время. В будущее. Была — и нет. Разошлась туманом.

— Как ты говоришь? Перемещение во времени? Нет, я не настолько пьян, чтобы купиться!

— Да, путешествие во времени! — подтвердил он и потрянул головой. — Вот почему у нее на руке были эти часики — нечто вроде машины времени. Вот почему она так быстро починилась и стала как ноденькая. Ей ничего не стоило умотать обратно во времени, пробыть там год и вернуться в Теперь или через две недели после Теперь. Этим объясняется и ее присловье «Сигма, дорогой». У них там это обычная формула прощания.

— Э-э, погоди, Эдди!..

— И вот отчего она с такой охотой подводила меня к убийству.

— Ерунда какая-то. Неужели она хотела, чтобы ты ее прикончил?

— Как же до тебя не доходит: нравилось ей это, нравилось! Им, тамошним, это нравится. Для того они, сволочи, и шлятся сюда. Мы ездим развлекаться в Кони-Айленд. А они — к нам. Являются время от времени — не для того, чтобы изучать наше время, или помогать нам, или еще зачем, как расписывают в научной фантастике. Все очень просто: наше время — для них всего лишь парк аттрак-

ционов. Наподобие «русских горок».

— Что ещё за «русские горки»?

— Ну, бурные эмоции, крайние ощущения. Страсти-мордасти. Визги-вопли. Любовь-ненависть, душераздирающие чувства и смертоубийство. Это и есть их «русские горки». Их способ ловить кайф. Вероятно, в своем будущем они позабыли, что это такое — когда за тобой гонится динозавр. Вот и спускаются сюда за острыми ощущениями. Наше время для них вроде первобытной эпохи.

— Ну и ну...

— Резкий скачок преступности, рост насилия и числа изнасилований — ты думаешь, мы виноваты? Мы хуже не стали. Мы такие же, как и прежде. Это все они. Они спускаются сюда. Они нас раздражают. Они нас подстрекают. Они выматывают нам нервы. Они шпыняют нас до тех пор, пока мы не взвизываемся от бешенства. Тогда мы кидаемся на них, как динозавр на кроманьонца, и одаряем их упоительным чувством — как при падении в пропасть на «русских горках»!

— А Лиз, — осведомился я, — она тоже верила в это?

Он отрицательно мотнул головой.

— Я ей так и не рассказал. Не представилось случая.

— Она, небось, закатила такую сцену, что чертям тошно стало?

— Еще бы. Шесть футов — один другого краше — кипящей ирландской ярости! Сорвала со стены мое охотничье ружье — будь оно заряжено, вышло бы самое натуральное душегубство, без туфты.

— Так-так, Эдди... И где же твоя Лиз теперь?

— Рвет и мечет в своей старой квартире.

— Это где?

— Парковая, десять-десять.

— Миссис Элизабет Бэкон?

— С тех пор, как Бэкона официально признали невменяемым, она вернулась к своей девичьей фамилии.

— Ага. Выходит, Элизабет Нуайе?

— Нуайе? Откуда эта дурацкая фамилия? Мейси, Элизабет Мейси. — Тут он завопил: — Кри-и-ис!.. Да что это такое! Не дозовешься!

Я взглянул на свой наручный таймер. Стрелка располагалась точно между двенадцатью и четырнадцатью. Стало быть, в моем распоряжении еще одиннадцать дней до возвращения. Срок достаточный, чтобы спровоцировать Лиз Мейси на какой-нибудь поступок. Охотничье ружье обещает многое. Фрейда была права. Я на верном пути.

— Ну ладно, Эдди, мне пора, — сказал я, вставая из-за столика. — Сигма, приятель.

Ключ на старт!

Если вы когда-нибудь мечтали оказаться в роли пилота вертолета, космонавта или автогонщика, ваше желание удовлетворит новое устройство - симулятор, разработанный фирмой Super X Ltd. В нем используются цветные киноплёнки, снятые камерами, установленными в непосредственной близости от спортсменов, пилотов и космонавтов в реальных ситуациях, и компьютерная графика, что в совокупности позволяет получить весьма реальную и полную драматизма картину. Кабина симулятора, оснащенная сложной гидравлической системой, совершает разнообразные движения в соответствии со зрительными образами. Звуковой ряд и мощная циркуляция воздуха вносят дополнительные черты в ощущения человека, создавая полную иллюзию управления машиной или кораблем.

Думайте сами, решайте сами

Городские власти Страсбурга осуществили простую идею, которая дала прекрасные результаты. На нескольких автомобильных стоянках установили автоматические анализаторы, определяющие уровень содержания алкоголя в выдыхаемом воздухе. Водители проходят тест добровольно и сами решают, стоит ли садиться за руль. Статистика свидетельствует, что за год в Страсбурге лишь 8% автомобильных аварий произошли по вине водителей в состоянии алкогольного опьянения - по сравнению с 30% для остальной Франции.

Витамин для водоемов

«Принимайте витамины», - это обычный совет врача пациенту, но в данном случае пациентами являются загрязненные водоемы. Биохимики Иллинойского университета обнаружили, что загрязняющие вещества распадаются быстрее при

добавлении в воду обычного витамина B2. Рибофлавин (B2) - природное и легко доступное соединение, которое может дать значительный эффект при очистке воды от пестицидов и промышленных отходов, после чего он сам распадается естественным путем.

В Японию за счет фирмы

Национальный Совет Японии по структуре экономики 21-го века подсчитал, что если темпы развития экономики страны останутся прежними и сохранится тенденция к сокращению рабочей недели, то к 2000 году Япония будет ощущать недостаток в 2,7 миллионов рабочих. Совет рекомендует приглашать неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих из-за границы на долгосрочной контрактной основе. Предлагается также установить минимальную заработную плату иностранным рабочим, которая обеспечила бы им уровень жизни не ниже японских граждан. Нетрудно предположить, как отзовется на демографической ситуации в нашей стране подобное решение соседей, если оно будет принято.

Обойдемся без утюга

Новый способ химической обработки изделий из 100% хлопка делает их такими же несминаемыми, как весьма удобную в этом отношении одежду из синтетических материалов. Ведомство Исследований в области сельского хозяйства США запатентовало несколько химикатов, которые придают одежде из натурального хлопка замечательные свойства - их не приходится гладить даже после шестидесяти пяти (!) стирок. Вдобавок, материал, обработанный таким способом, становится гораздо прочнее. И хотя эти химические вещества пока недоступны для широкого применения из-за высокой стоимости, немнущаяся одежда появится на прилавках магазинов уже через несколько лет.

Следующая остановка: 21 век

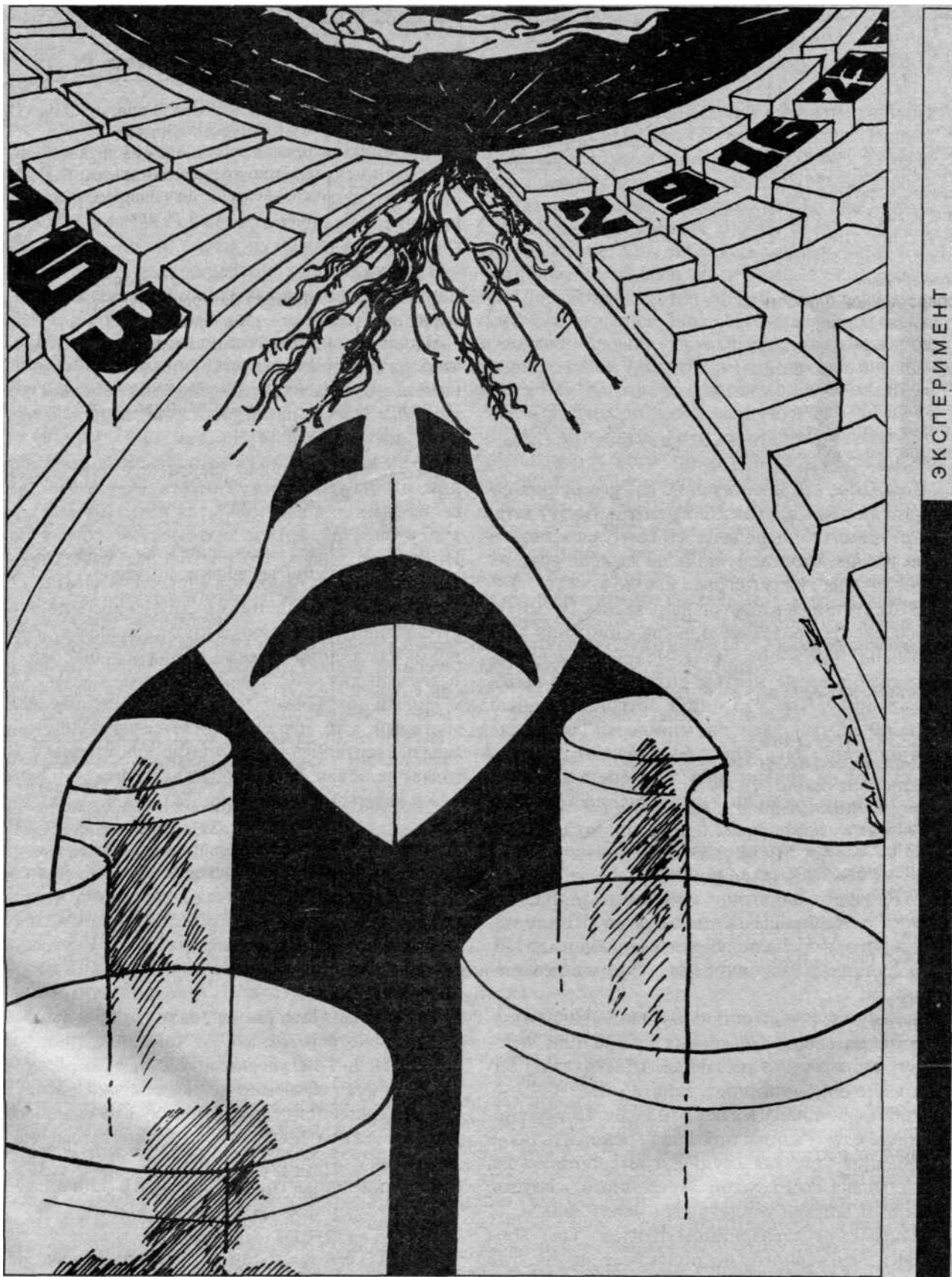
Помещение старой электростанции в окрестностях Лондона превратится в один из крупнейших центров отдыха. Интерьеры будут разработаны дизайнерами «под космополис 21-го века». Посетители смогут принять участие в звездных войнах. Желающие посетить центр отправятся с вокзала Виктория в «поезде будущего», оснащенного видеосистемами, дающими эффект необычайной скорости движения - 150 миль в час, хотя на самом деле поезд будет двигаться с обычной скоростью.

С одной заправкой через всю Америку

По мнению американских физиков Джозефа Ромма и Эмори Ловинсона, будущее за «сверхлегким автомобилем», разработанным «Дженерал Моторс». Экономичность машины, рассчитанной на четырех человек, поистине фантастическая - 2,4 литра бензина на 100 км! Но и это не предел: автомобиль с кузовом из углеводородистого волокна и специальным двигателем способен достичь экономичности 0,8 литра на 100 км. Специалисты считают, что подобная машина поможет не только вернуть американской автопромышленности место на мировом рынке, но и позволит существенно сократить импорт нефти и сделать чище воздух городов.

Спутник на связи

Популярность радиотелефонной связи росла бы еще быстрее, если бы не одно обстоятельство. Существуют достаточно обширные районы планеты, до которых сети подвижной телефонной связи просто не достают. Недавно несколько мощных компаний выступили с предложением: установить радиопередатчики не на Земле, а на спутниках, находящихся на околоземной орбите. Дело лишь за тем, чтобы запустить в космос достаточное количество спутников.

Филип Фармер
Путешествие в другой день

П

опасность в Среду было почти невозможно.

Том Пим, как и многие, не раз размышлял о жизни людей в других днях недели. На эту тему были даже телепередачи. И Том участвовал в двух из них. Сам он отнюдь не жаждал уйти из своего мира. Но тут сгорел его дом.

Это случилось в шестой день весны. Проснувшись, сквозь прозрачную дверь кабины он увидел пепелище и пожарных. Человек в асбестовом комбинезоне жестом потребовал не выходить наружу. Через 15 минут другой пожарный подал знак, что опасность миновала. Том нажал на кнопку под дверью, и дверь распахнулась. Он опустился на колени прямо в пепел, который еще хранил тепло под затвердевшей коркой золы.

Спрашивать, что произошло, не было нужды, но Том все-таки задал вопрос.

— Наверное, короткое замыкание, — предположил пожарный. — Хотя не знаю. Пожар начался вскоре после полуночи, когда бригада Понедельника уже закончила вахту, а мы еще не ступили.

К тому времени и остальные люди начали выходить из своих временных кабин, или «гробов», как их часто называли. Шестидесят, однако, все еще оставались занятыми.

Работа начиналась в восемь часов. Поиски новой одежды и жилья пришлось отложить до ее окончания, так как студия, где работал Том, опаздывала со съемкой экстренного выпуска, который должен увидеть свет через день.

Завтракали в аварийном центре. Том Пим спросил пожарного, не подскажет ли он, где найти жилье. Конечно, власти предоставят какое-то убежище, но особенно заботиться об удобстве они не будут.

По сведениям пожарного, в доме, расположенном в шести кварталах от старого жилища

Тома, умер гример и его площадь еще не была занята. Том сразу сел на телефон, но не сумел ничего добиться. В полдень Том позвонил снова — на сей раз ему повезло: его заявку приняли. В этот вечер он пошел в общественный аварийный центр, проспал положенные четыре часа (индукционное поле ускоряло его сон) и, проснувшись, залез во временную кабину. Простояв там десять секунд и глядя через прозрачную дверь на другие кабины с застывшими фигурами, Том нажал кнопку.

В течение трех последующих ночей Тому пришлось пользоваться общим временным аппаратом.

На четвертый день он получил уведомление, что может переехать в выбранный дом. Это удивило и обрадовало его — Том знал множество людей, которым пришлось провести целый год — 52 дня — на аварийной станции.

После переезда у Тома оставалось еще три дня, чтобы успеть насладиться весной. Но два свободных дня ему придется потратить на покупку одежды, еды и знакомство с соседями. Иногда он жалел, что постоянная жажда деятельности была основной чертой его характера. Работники телевидения трудились пять дней в субъективную неделю, а иногда и шесть, в то время как водопроводчик, например, был занят всего три дня.

Новый дом Тома был таким же большим, как и старый; а то, что ему придется идти лишние шесть кварталов, даже полезно для здоровья. В доме, включая Тома, проживало восемь человек в каждый день недели. Он въехал в тот же вечер и ознакомился с домашним хозяйством при помощи Мабел Курт, которая работала секретарем режиссера. Убедившись, что его личная временная кабина помещена в «зал вечности», Том немного успокоился.

В этот зал его также провела Мабел Курт, сутулившаяся женщина лет 35 (по времени Вторника), вызвавшаяся стать проводником Тома. Она была три раза разведена и если бы вышла замуж в четвертый, то уж только за принца. Впрочем, и Том расставался с женами, о чем предпочитал особенно не распространяться.

— А теперь пойдёмте, я покажу вам спальню, — предложила Мабел. — Она небольшая, но, слава Богу, изолирована от шума.

Том последовал за ней и вдруг остановился.

— Что случилось? — спросила Мабел.

— Там... девушка...

Перед Томом стояли 63 высоких сероватых цилиндра временных кабин. Он разглядывал ближайшую.

— Господи, какая красавица!

Если Мабел и почувствовала ревность, то сумела ее подавить.

двери кабины гласила: «Дженни Марлоу. Год рождения 2031. Место рождения — Сан-Марино, Калифорния. Возраст 24 года. Профессия — актриса. Незамужем. День обитания — Среда».

— Так что случилось? — снова спросила Мабел.

— Да нет, ничего.

Разве мог Том признаться, что ему едва не стало дурно от внезапно возникшей страсти, которую он никогда не сможет утолить.

Со своей проводницей он спустился в зал к телеэкрану. Почти все жильцы были уже в сборе. Одни сидели в наушниках, другие, поглядывая на экран, переговаривались. По телевидению рассказывали о событиях прошлого и этого Вторника. Последние пять минут выпуска были посвящены другим дням недели. Старшая по дому, миссис Кумар, переключила телевизор на канал, где шла бытовая комедия — возражений не последовало.

Сообщив Мабел, что хочет лечь спать пораньше, и причем в одиночестве, Том вышел из комнаты. Завтра у него напряженный день.

Пройдя на цыпочках через холл и спустившись по лестнице, он прошмыгнул в «зал вечности». Неяркое освещение, обилие теней создавали интимную обстановку. 63 цилиндра возвышались, подобно древним гранитным колоннам подземной усыпальницы погребенного города. Через двери цилиндров можно было различить неясные очертания лиц. Заглянув в кабину Дженни Марлоу, Том вновь почувствовал дурноту. Она никогда не будет принадлежать ему, она недоступна для него. А ведь от Среды Тома отделяли только сутки. Даже меньше, всего около четырех с половиной часов.

Он дотронулся до гладкой прохладной поверхности двери. Взгляд девушки был неподвижен. Правой рукой она придерживала ремень повешенной через плечо сумки. Когда дверь откроется, она выйдет, готовая к новому дню. Некоторые, встав с постели, принимали душ, приводили себя в порядок и забирались во временные кабины. И выходили в свой следующий день, уже не заботясь о личном туалете. Том жаждал покинуть свой «гроб» в одно время с девушкой. Но он прикован ко Вторнику. Том резко отвернулся. Его поведение достойно шестнадцатилетнего юнца. Тот факт, что этого возраста он достиг около 106 лет назад, не играл никакой роли. С физиологической точки зрения, ему было около 30. Он заставил себя подняться в свою комнату. Возможно, девушка ему приснится. Версия о том, что сновидения всегда отражали мечты, не была еще доказана, но было доподлинно известно, что люди, не видевшие снов, сходили с ума. И поэтому специальные приборы излучали «мертвое поле», усыплявшее человека и дарившее ему порцию снов во время четырехчасового отдыха. Затем он вставал и направлялся во временную кабину, внутри которой все то же «мертвое поле» — только другой интенсивности — практически приостанавливало всякую вну-

тримолекулярную деятельность. И человек находился в подобном состоянии до тех пор, пока не начинало действовать нейтрализующее «контрполе».

Том спал, а Дженни Марлоу все не приходила к нему. Встав с постели, Том умылся и, спустившись в «зал вечности», встретился с жильцами, которые в ожидании телепортации курили и весело переговаривались. Через несколько минут они займут свои временные кабины, и сразу наступит гробовое молчание. Том и раньше размышлял о том, что произойдет, если он не последует за всеми. Что почувствует? Будет ли напуган? Среда обрушится на него, подобно девятому валу, подхватит и понесет, словно угловое суденышко, и наконец, ударив о скалу чуждого времени, разобьет в мелкие щепки. А что если действительно отсидеться у себя в спальне до наступления Среды?

Такое случалось. Если преступник не находил достаточно веского оправдания своим действиям, его судили. Уклонение от телепортации рассматривалось как преступление, по тяжести стоявшее вслед за убийством, и признанные виновными заключались во временные кабины — причем эта мера наказания применялась к людям независимо от их психического состояния, — и отсылались в неопределенное будущее до тех пор, пока не будет найден способ лечить сумасшедших и неврастеников и исправлять преступников.

— На что похожа жизнь в Среде? — спросил как-то Том человека, попавшего туда из-за несчастного случая.

— Трудно сказать, я был в сознании всего 15 минут. Все происходило в том же городе, но санитаров Среды, как впрочем и Вторника, я видел в первый раз. Они поместили меня во временную кабину и отправили в больницу во Вторник.

Этому парню не повезло, думал Том. Или повезло? Попасть в Среду почти невозможно.

Почти. Шанс все-таки оставался.

Том, окруженный жильцами, прощавшимися друг с другом, стоял напротив своей временной кабины.

— Доброй ночи, дорогой! — выкрикнула Мабел.

— Доброй ночи, — пробурчал Том.

— Что? — крикнула она, не расслышав.

— Доброй ночи!

Он взглянул на хорошенькое личико за дверью другого цилиндра и улыбнулся. Том опасался, что девушка услышит, как он сказал «Доброй ночи» женщине, назвавшей его дорогим. В распоряжении Тома было еще десять минут. Завыли сирены. «Займите свои места! Приготовьтесь к шестидневному перемещению! Помните: уклонение от телепортации карается законом!» Том помнил. Но он хотел оставить послание девушке из Среды. Он включил магнитофон, лежавший тут же на столике. «Милая мисс Дженни Марлоу! Меня зовут Том Пим, и моя временная кабина находится рядом с вашей. Я также актер и даже работаю в той

— Доброй ночи, дорогой! — выкрикнула Мабел.

— Доброй ночи, — пробурчал Том.

— Что? — крикнула она, не расслышав.

— Доброй ночи!

Он взглянул на хорошенькое личико за дверью другого цилиндра и улыбнулся. Том опасался, что девушка услышит, как он сказал «Доброй ночи» женщине, назвавшей его дорогим. В распоряжении Тома было еще десять минут. Завыли сирены. «Займите свои места! Приготовьтесь к шестидневному перемещению! Помните: уклонение от телепортации карается законом!» Том помнил. Но он хотел оставить послание девушке из Среды. Он включил магнитофон, лежавший тут же на столике. «Милая мисс Дженни Марлоу! Меня зовут Том Пим, и моя временная кабина находится рядом с вашей. Я также актер и даже работаю в той же студии. Быть может, я слишком дерзок, утверждая, что ничто не может сравниться с вашей красотой. Вы так же талантливы, как и красивы? Мне бы хотелось увидеть записи ваших выступлений. Не могли бы вы оставить их в комнате № 5? Уверен, жильцы не будут возражать. Всегда ваш, Том Пим». Том перемотал пленку на начало записи. Это было действительно дерзко, но, скорее всего, именно подобный тон и требовался в данной ситуации. Вычурный или навязчивый мог бы возбудить ее подозрения. Он дважды упомянул ее прелести, но довольно деликатно. После намека, сделанного Томом, девушке будет трудно удержаться от искушения показать записи своих выступлений. Уж кто-кто, а он знал это наверняка.

Насвистывая, Том забрался в свою временную кабину, нажал на кнопку и взглянул на часы — без пяти минут полночь. Если Том покинет кабину сейчас, его уход уже не будет зафиксирован компьютером, распорядившимся в полицейском участке. И только через десять минут полиция Среды выйдет из «зала вечности» и приступит к своим обязанностям.

Между двумя днями работы полиции было десятиминутное окно. Что угодно могло случиться за это время, как иногда и случалось.

Том открыл глаза. Он стоял, согнув колени, наклонив голову. Хотя действие поля длилось довольно долго, казалось, что перенос произошел мгновенно — сердце никак не отреагировало на длительную остановку. Нажав на кнопку, Том открыл дверь, а вместе с ней и новый для себя день. Чтобы с самого утра выглядеть хорошо, Мабел наложила косметику еще до телепортации. Она просияла в ответ на комплимент Тома. Сообщив Мабел, что они позавтракают вместе, он направился вверх по лестнице, но остановился и подождал, пока холл

опустел. Затем вернулся в «зал вечности» и включил магнитофон. «Дорогой мистер Пим! — раздался хриловатый, но довольно приятный голос. — Ваше послание ко мне — одно из немногих. Вначале было занимательно беседовать с другими мирами через огромную временную пропасть, если вы согласны с такой смелой оценкой. Но сейчас, когда подобные переговоры уже не новинка, они потеряли всякий смысл. И если вам понравился кто-то из другого мира, вы напрасно себя изводите. Этот человек — всего лишь голос на магнитной пленке и безжизненное лицо в металлическом «гробу». Простите меня за столь напыщенный стиль. В любом случае спасибо за комплимент, но давайте вернемся к здравому смыслу. Быть может, мне не стоило отвечать, но не хочу быть невежливой и зря обижать вас. И все-таки -- не нужно больше посланий».

Том не остановил пленку, когда девушка кончила говорить. Не исключено, что ее молчание рассчитано на эффект. Том ждал, что сейчас услышит хихиканье или сдавленный смех, а затем слова: «Все-таки я не люблю разочаровывать своих поклонников, записи моих выступлений — в вашей комнате». Но ничего подобного не последовало. Выключив магнитофон, он пошел завтракать.

Время отдыха на работе — от 14.40 до 14.45. Том лег и нажал кнопку, через несколько секунд он уже спал. В этот раз ему снилась Дженни. Она медленно приближалась к нему в виде бледного мерцающего силуэта, постепенно приобретавшего все более четкие очертания. Она была еще прекраснее, чем наяву.

Съемки в тот день затянулись, и Том вернулся домой только к ужину. Том улучил минуту еще раз взглянуть на Дженни. Он шел по холлу, размышляя: «Я безнадежно влюбляюсь. Просто смешно, я взрослый человек. Может, мне следует обратиться к психиатру. Действительно, надо оставить заявление и ждать, пока врач сможет принять». Если повезет, он попадет на прием через год. Если первый врач будет бессилён, он пойдет ко второму, прождав, очевидно, еще год. Да, заявление. Том замедлил шаг. А почему бы вместо этого не запросить разрешение на перемещение в другой день?! Действительно, почему бы и нет? Ему нечего терять. Вероятно, его просьба будет отклонена, но, в конце концов, попытка — не пытка. Хотя даже получение анкеты представлялось нелегкой задачей.

Он провел два выходных дня в Центральном городском бюро, стоя в очереди за соответствующими бланками. В первый раз Тому подсунули не ту анкету, и ему пришлось начать все сначала. Для желающих переместиться в дру-

гой день недели не существовало отдельной очереди, что, пожалуй, разумно, так как таких людей было немного. И поэтому Тому пришлось выстаивать очередь перед окном справочной в отделе по передвижению во времени, а также перед секцией взаимного обмена в бюро по телепортации. Но ни одна из этих контор не была напрямую связана с перемещением в другой день на постоянное жительство. Получив анкету во второй раз, Том не отходил от окна, пока сам не удостоверился в правильности ее номера и не попросил конторского служащего сделать то же. На ворчание и крики за спиной он не обращал внимания. Затем в другом конце зала Том встал в очередь к перфоратору. Еще через два часа он уселся-таки за перфоратор и пробил соответствующие отверстия напротив каждого вопроса. Теперь ему оставалось только опустить свою анкету в ящик и надеяться, что, во-первых, она не будет потеряна и, во-вторых, что ему не придется начинать все сначала из-за неверно проделанной перфорации.

В тот же вечер он пришел в «зал вечности» и, приблизившись к двери временной кабины Дженни, произнес:

— Я люблю тебя и готов на все ради тебя. А ты даже не знаешь. Хотя, если бы знала и не ответила взаимностью, это было бы гораздо хуже.

Чтобы доказать себе, что еще не окончательно лишился рассудка, Том решил вместе с Мабел пойти вечером на прием, который устраивал режиссер Сол Вореумульф по случаю удачной сдачи экзамена на право занятия ведущих государственных постов. Это означало, что со временем при определенной доле везения и протекции он сможет стать исполнительным директором телестудии. Вечеринка в общем удалась. Том и Мабел вернулись примерно за час до телепортации. Он сумел воздержаться от гонки за спиртным, несмотря на поощрения Мабел. Том, однако, сознавал, что ко времени завершения телепортации он все равно будет пьян, и ему придется прибегнуть к нейтралептикам. В тот день ему так и не удалось выспаться, и завтра на работе он будет отвратительно себя чувствовать и ужасно выглядеть. Сумев отвязаться от Мабел, Том первым сошел в «зал вечности».

Прислонившись к цилиндру Дженни, Том похлопал по двери. «Я старался не думать о тебе весь вечер. Мне не хотелось обманывать Мабел, ведь это нечестно — быть с ней и все время думать о тебе. В любви все средства хороши». Он было записал еще одно послание для Дженни, но тут же стер его. Какой в этом смысл? К тому же Том знал, что его слова будут звучать неискренне. Ему же хотелось предстать перед ней в наилучшем свете. Но зачем? Она не испытывает

к нему ничего — только равнодушие.

Но Том любит ее, а все остальное не играет роли. Он любит эту далекую, недосыгаемую и в то же время такую близкую женщину.

В зал тихо вошла Мабел.

— Ты болен! — выкрикнула она.

Том отшатнулся от кабины. Зачем он это сделал? Ему нечего стыдиться. Но почему тогда он так сердится на Мабел? Смущение Тома было вполне понятно, но его гнев нельзя было объяснить.

Он облегченно вздохнул, когда Мабел начала смеяться над ним. По крайней мере, теперь он мог отгрызнуться на нее, что и сделал. Она повернулась и вышла лишь затем, чтобы вернуться обратно через несколько минут, но уже в сопровождении остальных жильцов — приближалась полночь.

К этому времени Том уже занял свою временную кабину. Покинув ее несколькими секундами позже, он откатил кабину Дженни немного назад и придвинул к ней свою. Затем он влез обратно и, нажав кнопку, застыл в неподвижности. Двойные двери лишь немного исказили фигуру девушки. И от этого она казалась еще дальше от Тома в пространстве и во времени.

Через три дня, уже зимой, почтовый ящик в прихожей подал сигнал. Том подождал, пока не отпечатался текст и письмо не выпало из щели. Это был ответ на его запрос о перемещении в Среду.

«Не разрешается», — прочитал Том. Причина — отсутствие достаточных оснований.

Это было действительно так. Но Том не мог сообщить об истинных мотивах своих действий. К тому же они выглядели бы даже менее убедительными, чем обозначенные в анкете. Тогда он ответил: «Хотелось бы попасть в Среду, где мои способности могли бы проявиться наилучшим образом».

Том был взбешен. Телепортироваться в любой день недели было его законным правом. Или, вернее сказать, должно быть таковым. Ну а если перемещение действительно потребует титанических усилий? Если для этого была необходима передача всех его личных данных и записей, отражавших его жизнь с момента рождения? А вдруг...

Том мог негодовать целую вечность, но это ничего не изменит. Он был приговорен ко Вторнику.

«Нет, не все потеряно, не все, — бормотал Том. — К счастью, я могу подавать сколько угодно заявлений. Они думают, что сломили меня? Как бы не так!» Человек против машины, человек против системы, человек против бюрократических цепей.

Пролетела зима. Промелькнула весна. Опять наступило тринадцатидневное лето. На второй его день Том получил ответ на свой второй запрос.

Это нельзя было назвать ни отказом, ни разрешением. В послании значилось, что если он, Том Пим, полагал, что в соответствии с прогнозом астролога его психическое состояние после перемещения в Среду улучшится, то ему надлежит получить заключение врача-психиатра относительно данного астрологического прогноза. Том заплясал от радости, постукивая своими сандаловыми каблуками. Слава Богу, в его время астрологи более не считались шарлатанами!

Спустившись в «зал вечности» и подойдя к кабине Дженни, он погладил дверь и сообщил хорошие новости. Девушка не ответила, хотя, как ему показалось, ее глаза загорелись. Естественно, это было лишь воображение Тома, но он любил свое воображение.

Чтобы попасть на „прием к психиатру и пройти три медицинские проверки, ему пришлось ждать еще год — 52 дня. То, что доктор Зигмунд Трориг был другом астролога-доктора Стелхелы, упрощало задачу Тома.

— Я проанализировал как материал, представленный доктором Стелхелой, так и вашу привязанность к той женщине, — сказал врач. — Я согласен с астрологом: вы всегда будете чувствовать себя неуютно во Вторнике — но я, в отличие от него, не убежден, что в Среде вам будет лучше. Однако, учитывая, что у вас завязался роман с мисс Марлоу, я думаю, вам следует отправиться в Среду. Но лишь в том случае, если вы письменно обязуетесь пойти там на прием к психиатру для проведения длительной терапии.

Только потом Том сообразил, что, возможно, доктор Трориг просто хотел отделаться от него из-за наплыва пациентов. Но это была неблагодарная мысль.

Ему пришлось ждать, пока соответствующие документы не были переданы властям Среды. Но это была еще не полная победа. Другие чиновники могли просто не пустить Тома. Ну, а если он достигнет своей цели, что тогда? Не исключено, что Дженни сразу отвергнет его любовь.

Такой исход казался невозможным, и все же его нельзя было исключить.

Том погладил дверь временной кабины и, прижав к ней губы, прошептал: «Пигмалион мог хотя бы дотронуться до Галатеи. И конечно, наши боги — эти тупые бюрократы — пожалуют человека, который не может даже дотронуться до своей любимой. Это случится, я уверен».

Психиатр сказал, что Том неспособен любить женщину в течение долгого времени, как, впрочем, и многие другие мужчины. Он влюбился в Дженни Марлоу по нескольким причинам. Вполне возможно, что она напоминала ему какого-то дорогого человека из детства. Может, мать? Ну, неважно, наверное, он сможет это выяснить в Среде. Но основная причина, считал Трориг, в том, что Дженни была неспособна на предательство, она не могла отвернуться от него, устроить скандал, вылить на него поток оскорблений. Он любил ее за то, что она кротка и недоступна.

— Я боготворю ее подобно Ахиллесу, увидевшему Елену на стенах Трои, — сказал Том.

— Я не знал, — сухо ответил доктор Трориг, — что между ними был роман.

— Гомер никогда не говорил об этом, но я уверен, что Ахиллес любил ее. Разве возможно было увидеть ее и не полюбить? — наступал Том.

— Как я могу это знать, скажите на милость? Я никогда ее не видел! Если бы я подозревал, что ваши галлюцинации усиливаются...

— Я — поэт! — выдохнул Том.

— Вы хотите сказать — у вас очень богатое воображение! Хм. А та девчонка, должно быть, действительно ничего! Этим вечером я не очень занят. Вы знаете... я сильно заинтригован. Пожалуй, я зайду к вам сегодня вечером и взгляну на эту неземную красоту, вашу Елену из Трои.

Доктор Трориг заявился сразу после ужина. Вместе с Томом, который играл роль гида, показывавшего известному специалисту только что найденное полотно Рембрандта, они прошли через холл и спустились в «зал вечности».

Доктор простоял у цилиндра Дженни Марлоу довольно долго. Несколько раз он хмыкнул, то и дело поглядывая на табличку с ее личными данными. Повернувшись к Тому, доктор произнес:

— Теперь я понимаю вас, мистер Пим. Хорошо, я дам разрешение на перемещение.

— Разве она не обворожительна? — спросил Том уже при выходе. — Дженни из другого мира в прямом и переносном смысле.

— Да, она прекрасна. Но мне кажется, вас ждет разочарование, а может, душевная травма или даже, кто знает, сумасшествие, как ни противно мне употреблять этот ненаучный термин.

— Я попробую, — ответил Том. — Я знаю, я кажусь чужаком, но что бы мы делали без таких чудачеств. Возьмите человека, который изобрел колесо, или Колумба, или Джеймса Ватта, братьев Райт, Пастера...

— Не сравнивайте стремление этих первооткрывателей науки докопаться до истины со своим уз-

козгоистичным желанием жениться. Не спорю, ваша избранница ослепительно прекрасна, как сам в этом убедился. Все же она возбуждает у меня сильные подозрения. Почему она незамужем? Возможно, она нездорова?

— Насколько я знаю, — ответил Том, — она несколько раз могла быть замужем. Все дело в том, что на данный момент она свободна! Быть может, она разочарована и поклялась не выходить замуж до тех пор, пока не появится настоящий принц. Может быть...

— Может быть, — проворчал доктор. — Вот в чем я не сомневаюсь, так это в том, что у вас не в порядке нервы. Но мне кажется, для вас будет безопасней отправиться в Среду, чем оставаться во Вторнике.

— Выдаете согласие! — воскликнул Том, тряся руку доктора.

- Скорее всего. Но у меня есть сомнения.

У Трорига был отсутствующий взгляд. Засмеявшись, Том отпустил его руку и похлопал по плечу.

— Признайтесь! Ведь вы тоже влюбились в нее!

— Да, она ничего, но вам надо еще раз все обдумать. Представьте, вы переноситесь в Среду, а Дженни отвергает вас, и вы, как мне ни противно быть высокопарным, можете потерять всякий интерес к жизни.

- Исключено, на мне это никак не отразится. Даже напротив, я хотя бы смогу видеть ее вне временной кабины.

Пролетели весна и лето. И в один незабываемый день он получил письмо с разрешением и инструкциями, как попасть в Среду. Они были несложными. Тому нужно было проследить, чтобы техники перенастроили временной пульт в основании кабины в середине дня. Он никак не мог понять, почему нельзя просто сесть и дожидаться следующего дня, но к тому времени Том уже не пытался понять логику бюрократического мышления.

Он не собирался никому говорить о своем переезде, главным образом, из-за Мабел. Но она сама что-то пронюхала в студии. Увидев в тот день Тома за ужином, она расплакалась и убежала к себе наверх. Он почувствовал, что предал Мабел, но не последовал за ней, чтобы утешить.

Вечером с бешено колотящимся сердцем Том открыл дверь своей временной кабины. Остальные жильцы были к тому времени уже в курсе дела. В общем-то он был даже доволен.казалось, жильцы радовались за него, они принесли на прощание выпивку и по очереди произносили тосты. В самом конце спустилась Мабел и тоже пожелала ему удачи, вытирая заплаканные глаза. По словам Мабел, она знала, что Том не любил ее. Но ей очень хотелось, чтобы кто-

нибудь по-настоящему влюбился в нее, заглянув во временную кабину.

Узнав, что Том общался с доктором Троригом, Мабел воскликнула:

— Это очень влиятельный человек. Сол Вормулф взял его в качестве специалиста по психоанализу. Вы знаете, он главный редактор журнала «Сайки Кросскарентс», одного из немногих периодических изданий, читаемых там. — «Там» имелось в виду в других днях недели.

По словам Тома, он был очень рад, что встретился с таким человеком, как Трориг. Возможно, он воспользовался своим влиянием, убедив власти Среды удовлетворить просьбу Тома. Границы между мирами пересекались очень редко, но все подозревали, что для очень влиятельных людей таких не существовало.

И опять, на этот раз дрожа, Том стоял перед кабиной девушки. «В последний раз, — думал он, — я смотрю на Дженни сквозь двери «гроба». Совсем скоро я смогу дотронуться до нее, увидеть ее наполненной жизнью. Здравствуй и прощай!» — произнес он громко, услышав в ответ одобрительные восклицания.

— Какая сентиментальность! — сказала Мабел.

Все приняли сказанное Томом на свой счет и, возможно, были отчасти правы.

Он зашел во временную кабину, закрыл дверь и нажал на кнопку. Он не будет закрывать глаза для того, чтобы...

И наступила Среда. Несмотря на то, что вокруг ничего не изменилось, присутствовало ощущение пребывания на Марсе.

Открыв дверь, Том вышел из «гроба». Рядом стояли семь человек, чьи лица Том уже видел и чьи имена он встречал на табличках временных кабин. Но он совсем не знал этих людей.

Том начал было здороваться, но вдруг спохватился.

Кабина Дженни Марлоу исчезла. Он схватил одного из стоявших за руку.

— А где Дженни Марлоу?

— Отпусти, мне больно. А Дженни нет. Она отправилась во Вторник.

— ВО ВТОРНИК?

— Ну да. Она так долго старалась вырваться отсюда. Что-то у нее не заладилось в Среде. Дженни действительно была тут несчастна. Два дня назад она сообщила, что ее просьба о перемещении была наконец удовлетворена. Очевидно, дело не обошлось без какого-то влиятельного психиатра из Вторника. Он как-то зашел, увидел Дженни внутри кабины — и вот результат.

Стены, люди, цилиндры — все поплыло перед глазами Тома.

Время более не представлялось прямым потоком — оно текло, изгибаясь самым замысловатым

тым образом. Том был не в Среде. Не было его и во Вторнике. Его не было нигде. Заточенный в самом себе, Том метался в узком коридоре времени, которого не должно было существовать.

— Она не могла этого сделать!

— Но она сделала это!

— Но ведь запрещено совершать более одного перемещения! — в отчаянии выкрикнул Том.

— Это её проблемы.

Это были проблемы и его, Тома.

— Мне нельзя было пускать его к ней! — закричал Том. — Подонок! Жалкий подонок!

Довольно долго простояв на одном месте, он направился на кухню. Лишь присутствие там новых людей напоминало Тому, что он попал в

другой день... Затем Том пошел на студию и получил роль в бытовой пьесе, которая ничем не отличалась от пьес Вторника. В тот вечер он смотрел выпуск новостей. У Президента Соединенных Штатов было другое имя и лицо, но слова, им произносимые, можно было вложить в уста Президента Вторника, как, впрочем, и наоборот. Том был представлен секретарше режиссера. Ее звали не Мабел, хотя вполне могли звать и так.

Но Дженни не было рядом с Томом, и, о Боже, каким пустым от этого казался мир.

*Перевел с английского
Михаил ШЕВЕЛЕВ.*

Виктор
Переведенцев

ЧТО ВЕК ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ?

«Нас слишком много», — этот отчаянный мальтузианский клич был подхвачен американской фантастикой еще в начале шестидесятых годов и звучит поныне. Наш журнал трижды касался этой темы — в рассказах Хьюстона («Противогаз»), Шекли («Гонки»), Лафферти («Долгая ночь...»). И вот теперь — Филип Фармер, со своим необычным решением проблемы. На этом довольно мрачном фоне статья В. Переведенцева может показаться весьма неожиданной, но следует заметить, что автор — ведущий отечественный демограф, и его прогнозам можно доверять.

В начале нашего столетия на Земном шаре проживало 1,6 миллиарда человек, в середине — два с половиной. В 1987 году население мира перевалило за пять миллиардов. К концу столетия ожидается более шести. А что же дальше? Продолжится ли взрывообразный рост? Каким станет население к середине будущего столетия? К его концу? Как будет оно меняться качественно? И как все это скажется на жизни на Земле — не только человека и человечества, но и Жизни в целом, на биосфере Земли?

Эти вопросы занимают умы многих исследователей. Разброс мнений крайне широк, особенно — у дилетантов. Однако в общем тон «солидных», научно обоснованных профессиональных прогнозов становится все тревожнее.

Десять лет назад ООН создала большую высокопрофессиональную Комиссию по окружающей среде и развитию, перед которой была поставлена задача разработать «Всемирную программу изменений». Тот, кто прочтет обстоятельный и глубокий отчет этой Комиссии — «Наше общее будущее», или, по имени руководителя Комиссии «Доклад Брунтланд» — получит ясное представление о быстром разрушении биосферы Земли, ее нынешнем и быстро углубляющемся неблагополучии. Одна из главных причин нарастания неблагополучия — быстрый рост населения. В странах третьего мира «высокие темпы прироста населения могут поставить под угрозу саму возможность развития».

Как же будет меняться человечество?

По справедливым, точным и красивым словам поэта, «грядущие годы таят ся во мгле». Любые прогнозы условны и вероятностны; об уровне их надежности каждый может судить на основании краткосрочных прогнозов погоды. Общая формула прогноза, в том числе демографического: «если... то...». Специалисты всегда оговаривают условия, при которых действительны их расчеты — например, отсутствие природных и социальных катаклизмов, которые могут

сильно сказаться на населении, войны и т. д.

Однако надежность именно демографических прогнозов, особенно по большим территориям, а тем более — по Земле в целом, относительно высока. Дело в том, что развитие населения (демографической системы) чрезвычайно инерционно. Серьезные изменения здесь происходят не за годы, а за поколения.

Что же, скорее всего, произойдет с населением мира и нашей страны в будущем?

Население Земли, видимо, удвоится: его численность достигнет десяти — двенадцати миллиардов человек. Но где-то во второй половине следующего, XXI столетия **рост населения прекратится**. Резко изменится его распределение по территории планеты: сильно возрастет доля нынешнего «третьего мира». Человечество «постареет», то есть в его составе резко возрастет доля пожилых и старых людей. Подавляющее большинство населения будет горожанами.

Мир переживает демографическую революцию. Суть ее — в переходе к иному режиму воспроизводства населения. Раньше повсеместно была высокая рождаемость и высокая смертность. Они примерно уравновешивались, так что прирост населения был небольшим. В перспективе — низкая рождаемость при низкой же смертности, население будет приближаться к стационарному, то есть неизменному составу. А теперь мир переживает переход от прошлого режима к будущему. Первая стадия этого перехода — «демографический взрыв», то есть резкое ускорение естественного прироста из-за того, что смертность резко сократилась, а снижение рождаемости сильно отстало. «Пик» демографического взрыва пришелся на вторую половину 60-х годов, когда среднегодовой прирост составил 20,6 человек на каждую тысячу жителей Земли, в то время как в первой половине 50-х годов он был равен 17,7. С тех пор идет постоянное и быстрое снижение этого показателя; в 1985-1989 годах на тысячу населения приходилось 16,1 человека прироста.

Однако общий коэффициент естественного прироста населения — очень грубый показатель, поскольку сильно зависит от

структуры населения. Ведь детей рождают преимущественно молодые женщины, а умирают главным образом старики. Специалисты пользуются несравненно более точным показателем — нетто-коэффициентом воспроизводства населения (то есть чистым, не зависящим от структуры). Он показывает количественное соотношение между детским и материнским поколениями при том условии, что возрастные коэффициенты смертности остаются неизменными. Нетто-коэффициент 1,20 означает, что, когда рожденные девочки доживут до того возраста, в котором были их матери в момент родов, их будет на двадцать процентов больше, чем матерей. Коэффициент, равный 1, означает, что воспроизводство населения простое, поколения численно равны; при долгом сохранении такого положения население перестает расти. Если чистый коэффициент воспроизводства меньше единицы, происходит деградация: население вначале сильно стареет, а затем и уменьшается. В ряде высокоразвитых стран естественная убыль населения уже происходит, в последнее время - и в России.

Вот динамика нетто-коэффициента воспроизводства населения по прогнозу ООН.

Годы	Весь мир	Экономически развитые регионы	Развивающиеся регионы
1950-1954	1,64	1,27	1,85
1960-1964	1,79	1,23	2,07
1965-1969	1,86	1,13	2,20
1970-1974	1,74	1,03	2,04
1975-1979	1,52	0,96	1,74
1980-1984	1,43	0,94	1,60
1985-1989	1,36	0,94	1,49
1990-1994	1,31	0,96	1,41
1995-1999	1,27	0,97	1,35
2000-2004	1,23	0,98	1,29
2010-2014	1,17	1,00	1,20
2020-2024	1,08	1,02	1,09

Как видим, предполагается очень быстрое снижение показателей воспроизводства населения мира, особенно в слаборазвитых странах. В экономически благополучных регионах, наоборот, как надеются эксперты, количество жителей несколько увеличится.

Конечно, прогнозы ООН - не «икона». Хорошо известны крупные ошибки ее исследователей. Так, по одному из прогнозов ООН, население бывшего Советского Союза к двухтысячному году

должно было достигнуть 353 миллионов человек — ошибка примерно на 50 миллионов.

Один из крупнейших российских демографов — В. А. Борисов — оценивает приведенный в таблице прогноз с определенной долей скептицизма, отмечая, что «в целом для прогнозов ООН характерно предполагаемое сглаживание различий между странами на уровне, близком к простому воспроизводству населения».

В чем причины снижения рождаемости вообще, до слишком низкого уровня — в особенности? Почему так стремительно упало число детей в средней российской семье? Ведь совсем же еще недавно, перед самой Отечественной войной рождаемость в России была выше, чем в большинстве развивающихся стран сегодня, чем в республиках Средней Азии, где все еще продолжается демографический взрыв.

В массовом сознании основная причина низкой рождаемости - бедность. «Была бы у меня зарплата повыше — еще бы ребенка завели», «была бы квартира попросторней - и детей было бы больше» — подобные заявления я слышал и читал сотни раз.

По этой логике здравого смысла рождаемость в развитых странах должна быть много выше, чем в

Советском Союзе из каждой тысячи новорожденных 182 не дожили до года (в последние годы - 23-25). Высокой оставалась смертность и в более зрелых возрастах. Одинокая старость страшила. Снижение смертности как бы «гарантирует» родителям выживание их малочисленных потомков, устраняет один из главных стимулов многодетности.

Сильное влияние на уровень рождаемости оказало и изменение экономических взаимоотношений в семье. В совсем еще недавнем прошлом дети рассматривались родителями как гарантия обеспеченной старости — будущие «кормильцы». Этот взгляд был настолько общепринятым, что чрезвычайно часто встречался в фольклоре разных народов и в художественной литературе. Вот у Н. А. Некрасова крестьянка, рассказывая о смерти сына, жалуеться: «Кто, как износится шубонька старая, зайчиков новых набьет».

А вот народная притча.

Веет крестьянин на гумне рожь. Прохожий спрашивает: куда же ты хлеб денешь? Крестьянин отвечает: одну часть на ветер брошу, другую в воду брошу, третью съем сам, четвертой долги отдам, пятую в долг дам. Понимать это надо так: «на ветер брошу» - налоги уплачу; «в воду брошу — дочь кормлю, вырастет — уплывет; «долги отдам» — родителей кормлю, «в долг дам» - кормлю сына, сын вырастет — будет отдавать долг мне.

Экономические отношения поколений в обществе в целом остались прежними: люди рабочего возраста содержат себя, детей и стариков. А отношения в семье изменились очень сильно. Дети все реже рассматриваются и становятся в действительности кормильцами престарелых родителей. Основным источником существования стариков стала пенсия, особенно в городе. Экономическая необходимость в детях исчезает.

Но и это не все. Раньше, в традиционном сельском обществе, дети с малых лет становились ценными помощниками родителей в хозяйстве. Десятилетний мальчик уже гонял лошадей в ночное, пас скот, боронил. Девочка помогала по дому, нянчила младших братьев и сестер.

Теперь в городе ребенок остается только «потребителем» — в среднем лет до двадцати. И довольно-таки часто престарелые

развивающихся, в Европе — по сравнению с Африкой, в Эстонии - по сравнению с Узбекистаном. А на самом-то деле все как раз наоборот.

Давно известно, что снижение рождаемости идет вслед снижению смертности. При совсем еще недавней высокой смертности, особенно детской, родители не могли быть уверены, что их дети переживут их самих, что родители не останутся одинокими на старости лет. Еще в 1940 году в бывшем

родители материально помогают своим великовозрастным детям и тогда, когда у тех самих уже завелись дети.

Громадное отрицательное влияние на рождаемость оказывает «вовлечение женщин в общественное производство», неизбежная при этом «двойная занятость» - на работе и дома. На домашнее хозяйство средняя советская женщина-горожанка тратила примерно столько же времени, как и на работу. И почти не имела свободного времени на отдых, развлечения и т. д. А потребность в этом у образованной, квалифицированной женщины очень велика. Так что приходится выбирать — или еще один ребенок, или сравнительно «нормальная» жизнь, возможность читать, гулять, ходить в театры...

Я совсем не хочу сказать, что решения о рождении детей принимаются непременно рассудочно, рационально. Всегда имеются более или менее общепринятые образцы поведения, на которые равняется подавляющее большинство. Кстати, отступление от этих норм вызывает общественная осуждение. Смешон для окружающих и неуважаем малолетний кишлачный узбек. И столь же неуважаема, к сожалению, многодетная жительница большого города.

Весь современный городской образ жизни — не только у нас, но и повсюду в мире - «работает» против многодетности. А в общественном сознании у нас это отразилось таким образом - уже и трехдетную женщину стали считать многодетной, что с демографической точки зрения совершенно, конечно, неверно: многодетность начинается с пятого ребенка. Замечу попутно, что признание трехдетных многодетными не так уж и безобидно. «Много» здесь нередко понимается как «слишком много», стимулируя отказ от третьих детей. Между тем, без массовой трехдетной семьи **не может быть нормального демографического развития страны.**

Итак, в мире две главные демографические проблемы: слишком быстрый рост населения в одних странах и слишком низкая рождаемость в других. Соответственно, и государственная демографическая политика в разных странах резко различается: одни

хотят снизить рождаемость, другие повысить ее.

Наиболее жестко политика снижения рождаемости проводится в Китае, где тоталитарное государство не стесняется применять в этом деликатном вопросе административные меры. В директиве ЦК КПК и Госсовета от марта 1982 года говорилось:

«В отношении неплановых рождений следует применять соответствующие экономические санкции. Для городских жителей, за исключением особо утвержденных случаев, должна стать нормой однодетная семья. В сельской местности следует пропагандировать однодетную семью, если же некоторые семьи сталкиваются с реальными трудностями, то их требования о рождении второго ребенка должны быть рассмотрены и после утверждения включены в план деторождения».

Был провозглашен принцип: «Награда - за одного ребенка, прогрессирующее наказание — за третьего и последующего». Семьи, имеющие только одного ребенка, получают субсидии, связанные с медицинским обслуживанием, более высокие пенсии, приоритет в обеспечении жилищем в городе и личным огородом в сельской местности. Семьи, имеющие более двух детей, не получают продовольственных талонов и платят десятипроцентный налог на заработную плату. Цель демографической политики - прекращение естественного прироста населения Китая к 2000 году.

Во Франции, где население уменьшается и «стареет», наоборот, осуществляется очень сильное стимулирование рождаемости. Выплачивается дорожное пособие в размере 2800 франков (1 доллар равен примерно 5 франкам), послеродовое пособие в размере 3670 франков; при третьем ребенке и последующих - 6890 франков; выплачиваются немалые ежемесячные пособия на детей до достижения ребенком 16 лет, в случае продолжения образования - до 23-х. Практикуется и ряд других значительных мер стимулирования.

Поощрение рождаемости осуществляет большинство развитых стран мира; обычно показатели воспроизводства населения в них очень низки. В первой половине 80-х годов в наиболее экономически процветающих странах Европы чистый коэффициент воспроизводства населения был та-

ким: в ФРГ - 0,68, Швейцарии - 0,70, Нидерландах - 0,73, Австрии - 0,76, Бельгии — 0,78, Великобритании - 0,78, Дании - 0,81, Италии - 0,84, Франции - 0,88. Это катастрофически низкие демографические показатели, говорящие об абсолютной естественной убыли населения в ряде стран.

Тут, видимо, нужно пояснение. Почему при очень низких чистых коэффициентах воспроизводства у большинства стран еще имеется некоторый естественный прирост населения?

Дело в том, что дети замещают родителей только в структуре населения (родители стареют, а дети переходят на их место), а количественно они замещают предшествующие поколения. В этом смысле девочки чаще всего замещают своих прабабушек. В бывшем Советском Союзе в последние годы средний возраст матерей - около двадцати шести лет, то есть бабушке в момент рождения внуки — немного за пятьдесят, прабабушке -- менее восьмидесяти.

Общие коэффициенты естественного прироста камуфлируют реальное положение дел: они показывают призрачное благополучие, когда оно уже в далеком прошлом. Дело в том, что доля стариков в населении страны обычно много меньше, чем должна была бы быть при нынешнем режиме воспроизводства. Однако в ряде случаев и эти грубые показатели уже ничего не могут скрыть. **Естественная убыль населения уже наблюдается в Австрии, Венгрии, Дании, а в недалеком будущем прогнозируется и для Западной Европы в целом.**

Посмотрим теперь на положение в бывшем Советском Союзе и России .- сейчас и в будущем.

Демографическая история России в нашем веке трагична. Первая мировая война, гражданская, голод начала 20-х годов, коллективизация и голод начала 30-х, массовый террор, вторая мировая война унесли десятки миллионов жертв. Демографическая статистика 30-х годов все еще не опубликована, поэтому скольконбудь точные цифры жертв многих событий неизвестны. Всегда были сильные стремления властей эти потери занизить. Так, долгие годы по миру гуляла цифра по-

ть Советского Союза в Великой Отечественной войне, 20 миллионов человек, и только несколько лет назад она была «уточнена» на 7 миллионов жертв. Однако полные потери страны от этой войны, включая и «недород» военных и первых послевоенных лет, - много больше. В начале 1950 года в стране было 178,5 миллионов человек, на пятнадцать с половиной миллионов меньше, чем в начале 1940 года! Тщательные расчеты возможного естественного прироста за 10 лет показывают, что он, если бы не было войны, составил бы около 40 миллионов человек. Таким образом, общие потери Советского Союза только по причине войны составляют более пятидесяти миллионов человек.

В 30-е годы демографическая статистика и сама демография стали неуютны тогдашнему руководству страны. Расчеты показывали, что действительное положение совсем не таковое, как это представляла тоталитарная пропаганда. Текущая статистика была засекречена, а перепись населения 1937 года, показавшая значительно меньшую его численность, чем хотелось Сталину, была объявлена вредительской, ее организаторы и руководители уничтожены. Теперь хорошо известно, что перепись была доброкачественной, а ее недостатки были вызваны некомпетентным вмешательством политического руководства страны.

В 30-е годы были ликвидированы и оба академических научно-исследовательских Института демографии (АН СССР и АН УССР). Сразу после войны оставшиеся советские демографы пытались восстановить хотя бы один из них. Однако это до сих пор не удалось; противниками постоянно выступали ЦСУ СССР и союзный Госплан. Главной причиной этого, насколько я могу судить, было опасение потерять монополию на демографическое прогнозирование и формирование демографической политики государства. Страна очень дорого расплатилась за отсутствие сильного научного центра, изучающего население и его развитие, - ошибочными прогнозами и неверной демографической политикой, о чем будет сказано дальше.

Долгое время страна могла «затягивать» страшные раны, нанесенные ее населению войнами, голодом и террором - постольку, поскольку ее предвоенное населе-

ние обладало громадным демографическим потенциалом: оно было молодо и ориентировано на высокую рождаемость. Здоровый народный организм более или менее успешно сопротивлялся разрушительным внешним по отношению к населению причинам. Но всему есть пределы.

До 60-х годов демографическая ситуация по Союзу в целом и в большинстве союзных республик была вполне удовлетворительной и даже хорошей. В 1958-1959 годах чистый коэффициент воспроизводства у всего населения страны был равен 1,262, у городского - 1,002, сельского - 1,549. Конечно, специалистам некоторые «облачка на горизонте» были заметны (например, снижение воспроизводства городского населения до простого, при быстром росте доли горожан во всем населении), однако никто, насколько мне известно, не предполагал того, что произойдет в ближайшие два десятилетия. Официальный прогноз роста и развития населения, выполненный Центральным статистическим управлением в 1961 году, показывал просто-таки лучезарное будущее. Предполагалось, что к началу 1981 года в СССР будут жить 280 миллионов человек. Однако вскоре было замечено, что реальное развитие сильно отклоняется от предсказанного, и чем дальше - тем больше. Фактическая численность населения страны на начало 1981 года оказалась равной 266,6 миллионам. Это была очень грубая и труднопостижимая ошибка государственных статистиков, располагавших и богатейшими исходными данными, и электронной техникой.

Руководство страны было дезориентировано. Не только не были приняты своевременные меры стимулирования рождаемости, особенно необходимые из-за того, что в брачный возраст вступало малолюдное поколение рожденных в военные и первые послевоенные годы, но, наоборот, проводилась политика всемерного «вовлечения женщин в общественное производство». Складываясь, отрицательные факторы привели к резкому уменьшению числа рождений, к демографическому провалу 60-х годов. В результате в 1980-1981 годах на смену каждой тысяче родительского поколения жителей СССР

приходилось 1036 детей, а в городе - всего 855.

Но Советский Союз был велик и разнообразен. Республики Средней Азии переживали демографический взрыв (подобно третьему миру), а в России и большинстве регионов, европейской части страны еще в 60-е годы воспроизводство населения стало суженым, то есть рождающиеся дети уже не могли количественно заменить родителей. В 70-е годы эти «ножницы» еще увеличились.

А демографическая политика государства оставалась неизменной. Очень вероятно, что этому способствовал новый, еще более ошибочный официальный демографический прогноз ЦСУ СССР до конца века, сделанный после переписи населения 1970 года. Этот прогноз, в отличие от прошлого, был секретным, хотя специалисты о нем, разумеется, знали. По мере того, как становилось все более очевидным, что прогноз грубо ошибочен, в него время от времени вносились изменения, конечная цифра многократно «уточнялась», снижалась. Когда предполагалось, что население Советского Союза к началу 2001 года составит 338 миллионов человек, у меня состоялся разговор с одним из авторов этого официального прогноза. На просьбу пояснить — как были получены такие, на мой взгляд, маловероятные, результаты — я получил ответ: а очень просто - там, где рождаемость высокая, мы сохранили ее до конца века, а там, где она низкая - немного подняли. Тогда я спросил: почему вы это сделали? На это мне довольно-таки агрессивно ответили так: «А вы что же думаете: чем ближе к коммунизму, тем хуже будет?»...

Демографическая политика активизировалась только в 1981 году, когда было принято постановление, направленное на повышение рождаемости и улучшение воспитания подрастающего поколения. Эти меры несколько повысили рождаемость. Однако приняты были они не вовремя - не на нисходящем, а на восходящем крыле демографической волны, когда год от году увеличивалось число молодых женщин брачного возраста. Поэтому очередной пик числа рождений (середина 80-х годов) оказался искусственно завышенным, что будет «компенсировано» на нынешней, нисходящей

стороне волны, когда число рождений и без того будет падать.

Поясню на простом примере. Хотела женщина иметь, допустим, двух детей. И завела второго раньше, чем это было бы без стимулирования, до 25 лет. Теперь у нее уже не будет новых детей в 27, 30... Поэтому очередной демографический «провал» — повторение того, что был в 60-е годы, - будет глубже.

В последнее десятилетие нашего века - за это, к сожалению, можно уверенно поручиться - **естественного прироста населения в России не будет.** Уже в 1992 году умерло людей больше, чем родилось. Эта разница будет увеличиваться, в середине 90-х годов она будет самой большой. В самом конце века число рождений может начать подниматься, поскольку в возраст наивысшей рождаемости постепенно будут входить более многолюдные годичные когорты, однако убыли населения России за прошлые годы это не перекроет.

Возможен некоторый приток беженцев в Россию из бывших союзных республик, но одновременно - и некоторая эмиграция за пределы бывшего Советского Союза. Чистый миграционный прирост населения России за десять лет будет, вероятнее всего, в два-три миллиона человек. Серьезных оснований ожидать какого-то многомиллионного притока переселенцев в Россию нет.

В начале следующего столетия в России будет жить около 150-ти миллионов человек - примерно столько же, как сейчас, в начале 1993 года. Это население будет заметно «старше» нынешнего. Доля людей пенсионного возраста в населении России в 1970 году составляла 11,8 процента, в 1989 - 18,5. В ближайшие годы в этот возраст будут вступать многочисленные люди, родившиеся в тридцатые годы, когда рождаемость была очень высока. Это создает в стране серьезные социальные проблемы.

С другой стороны, неблагоприятна и малочисленность в населении молодежи, тех, кто родился в 60-е годы и позднее. Это будет затруднять выход страны из нынешнего жестокого кризиса. Молодежь - это надежда и опора общества. Несомненно, что сравнительно быстрое восстановление народного хозяйства Советского Союза после тяжелейшей войны 1941-1945 годов было возможно

потому, что в то время в стране была многочисленная молодежь, родившаяся во второй половине 20-х годов.

Доля России в населении мира будет быстро падать.

Необходима сильная политика, направленная на повышение рождаемости. Речь должна идти не о росте населения, а, по крайней мере, о его воспроизводстве. Конкретно это значит, что наиболее массовой должна быть трехдетная семья. Хорошо известно, что для простого воспроизводства в наших условиях нужно около 215 рождений на 100 женщин, около 260 - на семью, могущую иметь детей. Но всегда есть бездетные и много однодетных. В центре государственной демографической политики должна быть среднедетная (с тремя-четырьмя детьми) семья. В последние годы в крупнейших городах России половина женщин хотела иметь по два ребенка, а вторая - по одному; лишь несколько процентов желало трех и больше детей. Это уровень резко суженного воспроизводства населения. Между тем именно большие города в демографическом поведении идут «вперед России всей» и показывают демографическое будущее всей страны при «естественном» развитии событий, при отсутствии демографической политики.

В начале будущего столетия демографическая ситуация в России будет улучшаться, и в 2012-2013 годах, возможно, будет очередной пик рождений. Однако скольконибудь большого естественного прироста населения, сопоставимого хотя бы с приростом 80-х годов, уже не будет.

«Официально зарегистрированное самое большое число детей от одной матери — 69. Это была первая из двух жен Федора Васильева (1707-1782 г.г.), крестьянка из деревни Шуя в 241 км к востоку от Москвы. Она рожала 27раз: 16 двоен, 7 троен и 4 четверни. Об этом случае Никольский монастырь 27 февраля 1782 г. сообщил в Москву. По меньшей мере 67 детей выжили. Известно, что императрица Екатерина II проявила интерес к сообщению. Дети, большинство из которых дожило до взрослого возраста, были рождены в период с 1725 по 1765 год. В настоящее время больше всех в мире детей имеет Леонтина Альбина (урожд. Эспинозарод. 1925) из Сан-Антонио, Чили, родившая в 1981 г. 55-го и последнего ребенка. Ее муж Жерардо Секунда Альбина (Альбина, род. 1921) заявляет, что до приезда в Чили, в Аргентине, где они поженились в 1943 г., у них родилось 5 троен — все мальчики. 40 детей, 24 мальчика и 16 девочек, живы. Одинадцать детей погибло при землетрясении, что подтверждает правдивость заявления о детях, родившихся до переезда в Чили.»

Россия одна из самых слабозаселенных стран мира. Средняя плотность населения не достигает *здесь и 9-ти человек на квадратный километр. Даже с учетом того, что две трети ее территории неблагоприятны для проживания, средняя плотность на остальной территории на целый порядок ниже, чем в странах Западной Европы. А это очень тяжело сказывается на экономике страны. Очень трудно в таких условиях создать хорошую современную инфраструктуру, в частности - современную дорожную сеть. Один пример: до сих пор нет дороги с твердым покрытием между крупнейшими, миллионными городами Западной Сибири — Омском и Новосибирском.

Горестный российский парадокс: по демографической ситуации мы приближаемся к развитым странам мира (суженное воспроизводство и быстро стареющее население), а по состоянию экономики — ближе к развивающимся...

Нынешний глубокий системный кризис еще раз сильно ударит по населению России. По времени он совпал с очередным демографическим провалом, обусловленным малой численностью тех, кто родился во второй половине 60-х и первой половине 70-х годов. Кризис углубит этот провал. Демографическая политика государства должна быть направлена, в принципе, на всемерное повышение рождаемости. Однако экономическое положение страны таково, что теперь «не до этого» - давят острейшие неотложные нужды.

Хотя, что может быть больнее, чем страна, теряющая людей...

Планета в подарок

По мнению ученых-генетиков, Марс можно биогенетическим путем превратить в живую планету. Уже сейчас существует ряд технологий, способных изменить поверхность планеты и атмосферу, сделав их пригодными для поддержания жизни, говорит Роберт Хайнс, консультант НАСА. «Генная инженерия продвинулась столь далеко, что мы способны, если возникает необходимость, создавать новые организмы, адаптированные к существованию в самой экзотической среде. Я говорю не об основании искусственной колонии - космической станции, а о создании живой планеты с собственной атмосферой. Она станет новым миром, в котором биологическая эволюция будет происходить независимо от земной».

Климат Марса слишком сух и холоден, а химический состав поверхности слишком токсичен для того, чтобы там могла существовать жизнь. Однако новые технологии могут изменить эти условия. Например, лазеры или гигантские зеркала, размещенные на орбите Марса, могут растопить шапки полярных льдов. Как только углекислый газ и водяной пар выделятся с поверхности планеты можно ожидать создания атмосферы, а это неизбежно повысит температуру планеты. Конечно, все это потребует огромных усилий. Ученые НАСА подсчитали: потребуется по меньшей мере двести лет, чтобы поднять температуру Марса до точки, при которой могут существовать примитивные микроорганизмы. Однако выигрыш будет грандиозным - человечество получит в свое распоряжение еще одну планету.

Нет бензина?

Заправляйтесь воздухом!

Возможно, в будущем источником горючего для многих видов транспорта станет вещество, недостаток которого вряд ли может когда-либо возникнуть. Речь идет об обычном атмосферном углекислом газе, который можно превратить, в метанол (древесный спирт) и

использовать как горючее. Химики Института солнечной энергии в Колорадо синтезировали молекулы, поглощающие и связывающие углекислоту из воздуха. Затем двуокись углерода с помощью электрохимической реакции переводится в окись углерода, из которой легко получить метиловый спирт. Ученые надеются, что применение результатов их исследований на практике поможет убить двух зайцев: снизить оранжерейный эффект и уменьшить зависимость США от стран - экспортеров нефти.

Секреты вечной молодости

Реальные попытки увеличить продолжительность жизни человека будут предприняты уже в следующем десятилетии, предсказывают ученые Израиля. Их исследования показывают, что основной механизм старения - это окислительные процессы, повреждающие клетки человеческого организма. В экспериментальных работах на нематодах — круглых червях — удалось получить положительные результаты замедления процесса старения с помощью витамина E, дающего антиокислительный эффект. Интенсивные исследования процессов окисления как источника повреждения клеток уже в ближайшем будущем помогут раскрыть хотя бы один из секретов вечной молодости.

Живые компьютеры

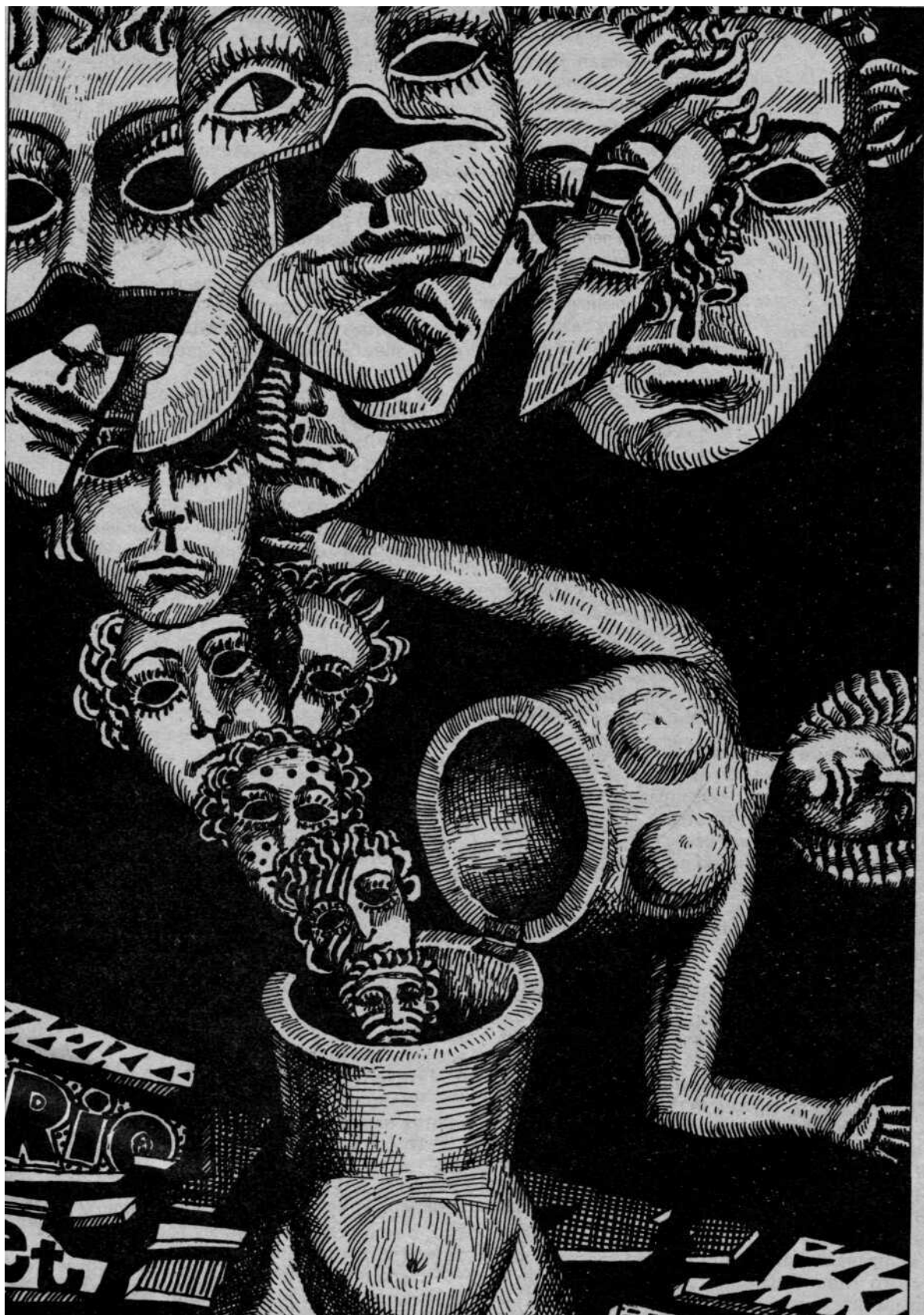
Сделан еще один шаг к созданию биокомпьютера. Группа исследователей Иллинойского университета применяет методы генной инженерии для «выращивания» белковых молекул, которые в совокупности «работают» как транзисторы или другие электронные устройства. Ученые считают, что в ближайшем десятилетии система таких молекул сможет соперничать с человеческим мозгом.

Одно из преимуществ «живых» компьютеров над обычными полупроводниковыми состоит в том, что они гораздо более компактны, выделяют меньше тепла и способны

к параллельной переработке информации, что делает их более эффективными, чем современные полупроводниковые устройства. Другим важным преимуществом является то, что применение методов генной инженерии позволит снабдить эти системы специфическими «чувствами» для выполнения определенных заданий. Один из основных недостатков полупроводниковых систем заключается в том, что, хотя они и способны к быстрой передаче электрических сигналов, но весьма ограничены в возможности «ощущать» окружающую среду. В то же время можно создать белковые молекулы, реагирующие на изменение среды. Подобная технология уже существует, и сложные сенсоры, способные воспринимать запахи и вкусы, появятся, по прогнозам ученых, в течение ближайших пяти лет.

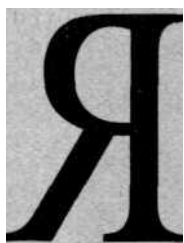
Артур Кларк заявляет

В конце прошлого года в пуэрториканском городе Аре'сибо был включен самый мощный радиотелескоп на Земле, в тот же момент на станции слежения «Голдстоун» в Калифорнии заработал второй телескоп. Так астрономы НАСА приступили к реализации проекта СЕТИ (поиска внеземного разума), который будет продолжаться, по крайней мере, 10 лет. Цель проекта - обнаружение радиосигналов, посланных разумными существами. Комментируя событие, известный писатель-фантаст Артур Кларк заявил: «Возможно они (люди) чувствуют, как тикает бомба с часовым механизмом, заложенная в основание нашей гордости и в основание многих наших религий... Я вспоминаю, как вождь одного племени, столкнувшись с чудесами западной технологии, сказал: «Вы украли наши мечты». Тем не менее, я верю, что пользы от СЕТИ будет гораздо больше, чем опасностей. Эта программа представляет собой наивысшую возможную форму исследований, а если мы перестанем исследовать, мы перестанем быть людьми».

Рон Уэбб

Девушка с глазами цвета виски

Я познакомился с Джинн за бутылкой выдержанного виски в моей квартире. А перед этим я нашел ее в баре. Впрочем, давайте я все объясню. Видите ли, все это началось в «Файв-0-Клок-Клаб» около часа ночи — так что мой день рождения уже начался.

Я сидел в баре один. Со своей крошкой я поцапался и теперь изливал душу бармену Элу. Я сказал ему, что сегодня у меня день рождения и, в общем-то, это несладко, когда нет девушки, чтобы отпраздновать его как следует. Эл сочувственно хмыкнул: «Надо же такому случиться, Дэнни» — и ушел в заднюю комнату.

Через минуту он вернулся со старой запыленной бутылкой, которую увел из запасов своего босса.

— Это тебе, — сказал он. — Поздравляю. Старик не заметит, он заказывает это пойло ящиками из-за границы, а в год открывает всего бутылку или две.

Я сдул пыль с этикетки, но прочитать не смог — язык оказался незнакомым.

— Что это? — спросил я.

— Виски. Забирай бутылку и забудь обо всем. Я закрываюсь.

И я пошел домой.

Поставив пластинку с душещипательным блюзом, я вытащил пробку и кинул в бокал пару кубиков льда. Наклонил бутылку, но она оказалась пуста. Я уже было совсем пал духом, как вдруг — только представьте! — из горлышка высунулись маленькие пальчики. Потом оттуда вырвался клуб дыма, и вылезла крохотная девушка. Очаровательная голенькая куколка.

— Я джинн, — сказала крохотулечка.

— Чудесное имя, — оторопело заметил я.

— Это не имя! — возмущенно заявила девушка.

И вдруг начала расти, как Алиса в Зазеркалье, пока не превратилась в аппетитную красотку ласвегасского типа. Высокая, с длинными ногами и умопомрачительным бюстом. А глаза — цвета янтарного виски. В тон волосам.

Я решил, что это какой-то фокус с зеркалами или что-нибудь подобное. Ну, неужели можно поверить, что из бутылки появится такая сногшибательная красотка. Минуту она стояла на кофейном столике. Вид у нее был заспанный.

Но выглядела она, честное слово, совсем настоящей. И пахла жизнью — терпко и сексуально, с ароматом выдержанного виски. Может, это и рекламный трюк, но в тот момент мне было уже все равно.

— Давай помогу тебе сойти, — сказал я, протягивая ей руку.

Сонное выражение слетело с ее лица, и глаза расширились. Вскрикнув, она соскочила со стола, столкнув при этом бутылку, и помчалась в ванную. Я догнал ее прежде, чем ей удалось захлопнуть дверь. Схватив полотенце, она обмотала его вокруг бедер.

— Не прикасайся ко мне, — завизжала она и выскочила из ванной. Полотенце сползло, обнажив роскошные упругие бедра. Девушка бросилась в гостиную, забилась в кресло, пытаясь скрыть полотенцем грудь и... все остальное.

— Я буду кричать, — предупредила она.

Взяв себя в руки, я гордо уселся в противоположном углу комнаты. В конце концов, мы даже не познакомились, а Джинн, судя по всему, отличалась застенчивостью.

— Привет, — неуверенно начал я.

— Привет, — настороженно ответила она.

Я понял, что так у нас ничего не выйдет.

— Ты что, там и живешь — в бутылке?

— Да, — ответила она, начиная успокаиваться. — Пока ее не откупорят.

— Так тебе уже приходилось выходить оттуда?

Ее глаза мечтательно затуманились:

— Да.

— И что же?

Она слегка нахмурилась:

— Не помню.

Было ясно, что она врет. Я попытался разыграть другой гамбит.

— А в лампе ты когда-нибудь жила?

Девушка оскорбилась.

— Я? В старой вонючей лампе? Господи, никогда. Моя семья живет в бутылках из-под самых изысканных напитков. Конечно, кроме дядюшки Чарли. Он жил в пивной бутылке. — Она слегка зарделась и добавила: — Но мы никогда не поддерживали с ним отношений.

Тут меня осенило.

— Значит, ты настоящий джинн, и, раз я выпустил тебя, ты — моя рабыня. Ты должна выполнять все мои желания!

— Ничего подобного! — заявила Джинн.

— Что значит, ничего подобного? Об этом даже в книгах написано.

— Ну... — задумчиво протянула она, — это не совсем так.

— Ага! — воскликнул я. — Значит, я прав. — Мысленно я уже перебирал возможности, и, наверное, в моих глазах появился голодный блеск, потому что она опасно сказала:

— Тебе положено только три желания.

Имея в своем распоряжении всего лишь три попытки, мне бы следовало хорошенько их обдумать, но в присутствии Джинн размышлять было решительно невозможно.

— Я хочу тебя, — выпалил я.

— Сейчас? — спросила она. И ее глаза снова округлились.

- Сейчас.

Тут ее глаза цвета виски стали совсем янтарными, и Джинн откинулась на спинку дивана. Волосы заструились по плечам, а полотенце упало на пол.

Я мигом оказался рядом и принялся осыпать ее поцелуями. Ее губы были мягкими и горячими, тело — юным и упругим, и все шло прекрасно, пока она вдруг не стала уменьшаться в размерах.

— Подожди! — завопил я. Теперь она лежала по-прежнему обворожительная — но не больше восьми дюймов в длину.

Она улыбнулась — такой лукавой улыбкой — и снова выросла.

— И это все? — уныло произнес я.

— Все. — Джинн схватила полотенце. — Я тебе отдалась, — невинно сообщила она.

— Только я почему-то этого не заметил...

И тут она заплакала. Я имею в виду, действительно заплакала. Можете себе такое представить? Всхлипывая, она сообщила интересную новость:

— Это у меня типа защитной реакции, понимаешь?..

Я ничего не понимал, но из-за ее рыданий совсем сник.

Она вытерла глаза уголком полотенца и, шмыгнув носом, сказала:

— Ты мне нравишься, Дэнни, на самом деле нравишься. Но я не могу до конца быть твоей, пока... — Тут она снова зарыдала: — Пока рядом со мной не будет бабушки.

Я молчал. Бабушка меня доконала.

А Джинн продолжала тоскливо:

— Бедняжка, ей так одиноко сейчас. Ее выманили из любимой бутылки из-под ликера, и теперь она живет в какой-то посудине из-под дешевого вина в магазине «Шурмер Деликатессен». — Захлопав ресницами, она добавила: — Я знаю, что у нас все будет хорошо, когда мне удастся вызволить свою бабушку. Ты pomoжешь мне?

А что бы вы сделали на моем месте? Я пошел в «Шурмер Деликатессен» и купил эту бутылку, узнав ее по пробке. Джинн сообщила, что пробка должна быть голубая.

Протянув бутылку Джинн, я отвел глаза в сторону, пока она откупоривала ее. Согласитесь, ситуация довольно щекотливая, когда из бутылки высовывается голая бабушка.

Я услышал хлопок пробки. Низкий мужской голос по-хозяйски произнес:

— Моя крошка!

А Джинн восторженно завопила:

— О, Гарольд, мое сокровище!

Я обернулся. Бабушки не было и в помине. По комнате разгуливал здоровенный голый парень, а Джинн висела у него на руках и влюбленно заглядывала в глаза.

Затем она все-таки соизволила вспомнить обо мне и сочувственно сказала:

— Извини, Дэнни. Это, конечно, нечестно, но думаю, ты меня простишь. Ведь мы с Гарольдом любим друг друга.

И тут здоровяк расхохотался. Вряд ли эта любовь была взаимной. В его глазах я видел только похоть и никакой душевной теплоты.

— Джинн, — воззвал я. — Ты слепая! Этот парень

тебя не стоит!

Гарольд плеснул себе в бокал мой бурбон и закурил мою сигарету.

— Как ты не понимаешь, -- горячо сказала Джинн, — у нас с Гарольдом духовная близость.

Тут я прямо-таки взбесился. Этот духовный близкий чурбан нагло хлестал мой бурбон, тянул мои сигареты и похотливо оглядывал мою Джинн.

— А ну проваливай отсюда! — закричал я. — Сгинь! Изыди!

Гарольд равнодушно налил себе еще бурбона, а Джинн сказала:

— Ничего не выйдет. Ведь это я освободила его. Так что твои желания не имеют над ним власти.

— Ах, так! Тогда попробуем по-другому, — спокойно ответил я. — Засади-ка Гарольда обратно в бутылку.

— О-о-о! — застонала она, но желание мое выполнила.

Гарольд превратился в облачко дыма и исчез в бутылке. Всхлипывая, Джинн закупорила бутылку пробкой.

— Джинн, любимая, — начал я страстную речь, но девушка лишь слегка передернула плечиком, а бутылка с Гарольдом стала раскачиваться на столе. Внезапно раздался звон, и бутылка раскололась на две половинки. И опять этот голый здоровяк принялся расхаживать по моей комнате, а Джинн с виноватым видом что-то бубнила мне про защитную реакцию пополам с духовной близостью.

Это было просто невыносимо!

Спасти меня могло только последнее, третье желание. Я мучительно соображал, что нужно загадать. Взвод «зеленых беретов»? Санитаров с носилками? Окружного прокурора? Тень царя Соломона?

— Джинн, дорогая, посмотри на этого идиота моими глазами!

Джинн и так смотрела на Гарольда. Внезапно она передернулась от отвращения и робко прижалась ко мне, словно искала защиты.

— Дэнни, дорогой. Я хочу остаться вдвоем.

— Это интересная идея, — с энтузиазмом сообщил я. — Но ведь его бутылка разбилась.

— Он может залезть в мою, — ответила она. — Мне-то бутылка уже не понадобится. — И она что-то прошептала. Превратившись в сизый дымок, Гарольд исчез в бутылке из-под виски.

— Бедняжка, — сказала Джинн, закупоривая пробку. — Ему там будет тесновато.

И тут я увидел, какими влюбленными глазами смотрит на меня Джинн. Сердце бешено заколотилось. Она тихо спросила:

— О, мой спаситель, ты любишь меня?

— Безумно, — покорно ответил я.

— Мой защитный механизм, — хихикнула она. — Ты должен меня любить.

Но я ничуть не возражал.

Я обнял ее одной рукой и поцеловал. Другой рукой я взял бутылку с Гарольдом и бросил ее в корзину для бумаг.

Джинн мечтательно улыбнулась и сбросила полотенце.

*Перевел с английского
Валентин СЕРГЕЕВ.*

ЖЕНЩИНА, ИСПОЛНЯЮЩАЯ ЖЕЛАНИЯ

Рассказ
Рона Уэбба
был написан
в качестве
шутливого вызова
феминисткам.
Это сугубо западное
движение
тихо тлело на нашей,
российской, почве,
вспыхивая лишь
в семейных ссорах,
а не в диспутах
на страницах
газет и журналов.
Чахоточные „женсоветы“
были пародией
на объединения,
центры и лиги
феминисток,
существующие
в США и Европе.
Сейчас
уже и в нашем
отечестве
готовы поднять
перчатку,
брошенную
фантастом.
Беседу с писателем,
председателем
женского творческого
центра «София»
ведет наш корреспондент
Елена Сеславина.

то означает для вас
феминизм - теория, способ жизни, а может быть, мировоззрение?

Н. Г.: Вообще на этот вопрос можно дать сто ответов, потому что явление очень широкое и достаточно противоречивое. Для меня феминизм - возможность реализовать незадействованные резервы женской психики. менталитета.

- А борьба женщин за равные права с мужчинами — в труде, в политике; проблемы, связанные с полом, сексуальностью вас не волнуют?

Н. Г.: Наверное, это очень важно. Но рассматривать женское движение только как борьбу за свои права, по-моему, вульгаризация. Для меня подобная постановка вопроса интересна только в той степени, в какой соприкасается с творчеством, а творчество я понимаю широко. На мой взгляд, сейчас из глубин, куда он был некогда вытеснен, выходит на поверхность гигантский материк — пространство женского мира. Потому что все ценностные ориентиры нынешнего мира - сугубо мужские. Каждый предмет окружен плотной оболочкой идей, представлений, ассоциаций, накопленных человечеством за длительную историю его существования, и верхний слой этой оболочки всегда отражает мужское представление о мире. Речь не о том, плохо это или хорошо, — речь идет об односторонности. Мы живем в искривленном пространстве.

— Это слишком серьезный тезис, чтобы оставить его без доказательства.

Н. Г.: Да начнем с первооснов культуры — языка. Во многих языках понятия «мужчина» и «человек» обозначаются одним и тем же словом, в отличие от «женщины», которая никогда не бывает равна «человеку». В работах многих философов вы встретите отождествление мужского начала с духом, женского — с материей, плотью. Даже столь утонченный философ, как Владимир Соловьев, пишет о том, что отношение человека к женщине — знаменательная постановка вопроса! - должно быть таким, как Творца к твари, Христа к Его Церкви... А вот высказывание Ницше: «Поверхность - душа жен-

щины, подвижная, бурливая пленка на мелкой воде. Но душа мужчины глубока, ее бурный поток шумит в подземных пещерах». Рассуждение так мало импонирует женщине, что и она может отказать мужчине в наличии ума.

- Оплатить той же монетой?

Н. Г.: Вот уж нет! Хуже нет, когда женщина, желая самоутвердиться, идет путями мужчины и становится агрессивной. Мне это проще показать на примере литературы. Сейчас появилась волна яркой, интересной «женской» прозы - Лариса Ванеева, Светлана Василенко, Нина Садур... Ряд можно продолжить. Пытаюсь вырваться из системы мужских стереотипов, они зачастую оказываются привязанными к ней столь же крепко, как писатель-антисоветчик к советской системе. «Идешь к женщинам - не забудь плетку» это опять Фридрих Ницше. И вот наша «женская проза» так заворожена плеткой, что дает на нее постоянную агрессивную реакцию.

— Чем женский мир отличается от мужского?

Н. Г.: Это с большим трудом поддается определению: здесь мы имеем дело с явлениями, уходящими корнями в иррациональные глубины. Мы пользуемся понятиями «мужчина» и «женщина», но есть еще «мужское начало» и «женское начало», это вещи не совпадающие. Психологи, в том числе Карл Юнг, утверждали, что в каждом из нас есть и то, и другое. Все знают платоновское учение об андрогине, который был разделен на две половинки, вечно притягивающие друг друга. Древнекитайская медицина утверждает, что организм, в котором нарушен баланс между мужской энергией Янь и женской энергией Инь - большой. В христианстве есть учение о Логосе и Душе мира... Вульгарным было бы предположить, что речь идет о простом физическом слиянии, взаимодополнении: это скорее идеальная космогоническая модель Вселенной.

Мои взгляды не являются анти-мужскими; я отрицаю не мужское начало, а его тотальное господство, сделавшее мир кривым - с борьбой за власть, войнами, экологическими кризисами...

- Зато мы получили цивилизацию.

Н. Г.: Да, но какой ценой? Хотя история не пишет черновиков, рискну предположить, что, пойдя человечество по «женскому» пути, мы бы имели не цивилизацию в

шпенглеровском употреблении этого слова, не безудержное развитие техники, но культуру. Мне кажется, в товарном, мире материальными путями ни одной проблемы не решить. Только духовными. Возможно, мы имели бы психическую культуру и вовсе не нуждались бы в колесе, тракторе, оружии и т. п. То, что существует сейчас, я бы сравнила с «внешним скелетом», который есть у некоторых насекомых. Мы не освобождаемся от материи, а все больше закрепощаемся. Не говоря уж о накопительстве...

- А кто сказал, что мы хотим от нее освободиться? По-моему, все мечтают о прямо противоположном - побольше бы ее, материи, в самых разных формах...

Н. Г.: Как-то я читала о племени, лепившем горшки из глины, в которой содержались радиоактивные элементы. Бесценные горшки. Очень вредные для тех, кто из них ел.

- Дух - мужское начало, материя - женское, это традиция. Похоже, вы просто меняете полюсы местами, и теперь душа — это «она», а плоть - «он». Но разве мир от перемены полюсов перестает быть кривым? Да и всякий человек, знающий историю культуры, вспомнит, что мужчины все же некий вклад в нее внесли.

Н. Г.: Повторяю, мои высказывания не являются антимужскими. Но есть вещи, которые по самой своей природе ближе женщине. Может быть, она причастна к каким-то космическим основам, паранормальным явлениям, к тому, что Карл Юнг определяет как коллективное бессознательное. У нее более развита интуиция, экстрасенсорные способности.

- Экстрасенсы все же, по большому части, мужчины.

Н. Г.: Просто женщины редко делают из этого профессию. Известно, что жертвами средневековой инквизиции становились «ведьмы», которых «Ловили» на каких-то парапсихологических способностях. На Руси были «бабки»-ворожеи, а не дедки... Еще Лев Толстой замечал, что женщина отвечает не на то, что ей говорят, а на то, как ей кажется, что ей говорят, то есть чувствительна не к словам, а к интонации, мимике, к тому, что стоит за словом.

- В одном из произведений «женской прозы» я читала примерно следующий диалог:

Он: Пообедаем вместе?

Она: Нет, я не хочу с тобой спать.

Вы об этом?

Н. Г.: Ну, допустим, так. На самом-то деле она отвечает по существу. Мужская психика предпочитает структуру, деление, обозначение, иерархию. Вечность делится на временные отрезки. Женщина способна совершать те же логические операции, но я сильно подозреваю, что в глубине души ей это совершенно безразлично, она просто не тем живет.

Знаете, перечитывая уже опубликованный собственный рассказ «Радостные, разноцветные», я с удивлением обнаружила заложенную в тексте (не специально) паралингвистическую возможность. Там по сюжету случайно встречаются две любовницы одного человека - старая, отставная, и новая - и старшая пытается внушить младшей, что их общий друг никогда на ней не женится, а когда понимает, что женится, то «ей становится так холодно, что в квартире тут же перестают топить, и полночи она ворочается с боку на бок, и никак не может согреться». Для женщины важны не столько физические параметры этого мира, сколько психическая реальность. Это другой мир, там другие приоритеты, и на поверхности пирамиды ценностей может оказаться какая-нибудь красная чашка, разбитая в детстве, и к ней сойдутся все сущностные нити.

А мужчина подходит к женщине с инструментальных позиций, она материал, глина, из которой надо что-то лепить. «Это платье тебе не идет», «перемени прическу» - в лучшем случае.

— Никак не пойму, что же в этом дурного?

Н. Г.: Рассматривание другого существа только как сферы приложения своих сил означает, что мир живет по законам взаимопожирания, вампиризма. От реального до психологического, когда цивилизованный мужчина пытается психологически скушать свою подругу, и она отвечает ему тем же. Но преимущество здесь на стороне мужчины, и, когда он уж очень наступает, женщине остается сделать то, что и героине рассказа «Девушка с глазами цвета виски» — она уменьшится... и ускользнет.

— Нина, существует точка зрения — конечно, мужская, — что женщина находит себя, рожая и воспитывая детей, вкладывая в них свой опыт и приобщая к опыту человечества.

Н. Г.: Здесь единственное зерно истины; по самой природе своей

женщина — творец. Она создает из собственной плоти новую жизнь.

Я думаю, что мужское творчество лишь компенсирует отсутствие способности к прямому продолжению себя в этом мире. Женское творчество бескорыстно, в каком-то смысле оно является продолжением биологической функции женщины.

— Вы, безусловно, знакомы с теорией фаллического начала как символа силы, власти, превосходства, которая подразумевает изначальному ущербу женщины, потому что сей предмет, дающий власть, у нее отсутствует. Мне кажется, сейчас вы снова поменяли местами точки отсчета, и мы оказались в том же иерархическом мире, только перевернутом.

Н. Г.: Я упоминала уже, что женское движение может проявляться в радикальных формах, противопоставляя мужской системе ценностей свою. И если по Фрейдю главное - это фаллос, женщина может утверждать, что главное - грудь, которой она кормит ребенка, и отсутствие таковой вызывает у мужчин комплекс неполноценности. А когда эти детские игры в мифологемы кончатся, мир будет более многокрасочным и гармоничным. В идеале хотелось бы, чтобы мужское и женское начало существовало в симбиозе. И мужчины, я полагаю, приспособив женщину к своим нуждам, попали в ловушку замкнутого пространства и испытывают смутную тоску по полноценному миру.

Якоб Бэме писал о том, что Адам был муже-девой, но, утратив мудрость — Софию, в похоти своей обрел Еву, смертное существо, каковым стал и сам. Христос показал нам путь воскресения человечества... Как сказано в Библии, на небесах не женятся и не выходят замуж. Никакого спасения в замене «мужского» знака на «женский» нет, добавлю от себя. Истина в целостности.

Пока же мы имеем модель общества, подавившего в себе все женское. А есть закон, что все подавленное обостряется, революционизируется, прорывается из-под спуда, не обязательно в привлекательных формах. Такова грубая эмансипация, к которой часто сводились все женские проблемы. Так и феминизм - как бы некое существо лезет, вот ухо показалось, часть руки, глаз... страшновато, как на сюрреалистической картине. Но когда это духовное тело

появится целиком, мы увидим, что не кривое оно и не косое, убедимся в его соразмерности.

— **Однажды в разговоре женщина-специалист по рабочему движению заявила, что феминистку очень легко отличить от обычной женщины. Тогда у меня не было возможности спросить как. А вы знаете?**

Н. Г.: Не знаю. На Западе широко распространено такое направление, как «сексизм», идет борьба с дискриминацией по половому признаку. Женщина может очень обидеться, если ей помочь надеть пальто или, скажем, предложить сесть - это проявление полового неравенства. Интересно, что в русле сексизма рассуждает Лев Толстой: его герой, Позднышев, в «Крейцеровой сонате» удивляется, почему это образованная девушка не может подать стул ему... «Не в том отсутствие прав женщины, - рассуждает Позднышев, — что она не может вотировать или быть судьей, а в том, чтобы в половом отношении быть равной мужчине, иметь право пользоваться мужчиной и воздерживаться от него по своему желанию... Вы говорите, что это безобразно. Хорошо. Тогда чтобы и мужчина не имел этих прав. Те-

перь же женщина лишена того права, которое имеет мужчина. И вот, чтобы возместить это право, она действует на чувственность мужчины, через чувственность покоряет его так, что он только формально выбирает, а в действительности выбирает она. А раз овладев этим средством, она уже злоупотребляет им и приобретает страшную власть над людьми.

— Да где же она, эта особенная власть? - спросил я.

- Где власть?... Пройдите в каждом большом городе по магазинам... Вся роскошь жизни требуется и поддерживается женщинами. Считайте все фабрики. Миллионы людей, поколения рабов гибнут в этом каторжном труде только для прихоти женщин... Женщины, как царицы, в плену рабства и тяжелого труда держат 0,9 рода человеческого. А все оттого, что их унизили, лишили их равных прав с мужчинами».

Прошу прощения за длинную цитату, но она имеет отношение к делу, не так ли? Все тот же вопрос. Возьмите популярный нынче призыв «Вернем женщину в семью». Думаю, немалая часть женщин готова вернуться в семью; но есть и другие, которые не желают ограничивать свой мир только интере-

сами родных людей. Я не против создания условий для возвращения в семью, но против того, чтобы женщин загоняли домой так, как когда-то загоняли на фабрики и заводы. В любом случае, это не свободный выбор.

...Конечно, есть агрессивный феминизм, но это пена на поверхности реки, а если река несет какой-то сор, грязь, корни, это не отрицает саму реку. Потому что исток ее естественный, правда, со своими особенностями в Америке, во Франции, в России...

— **Нина, скажите, а вас очень замучили дискриминацией в виде предложения помочь надеть пальто?**

Н. Г.: Да что-то не очень...

*Родился девочкой — терпи
Подножки и толчки
И подставляй косички всем,
Кто дернуть их не прочь.
Зато когда-нибудь потом
Покажешь кукиш им
И скажешь: «Фигушки! За вас
Я замуж не пойду!»
Григорий ОСТЕР. Вредные советы.*

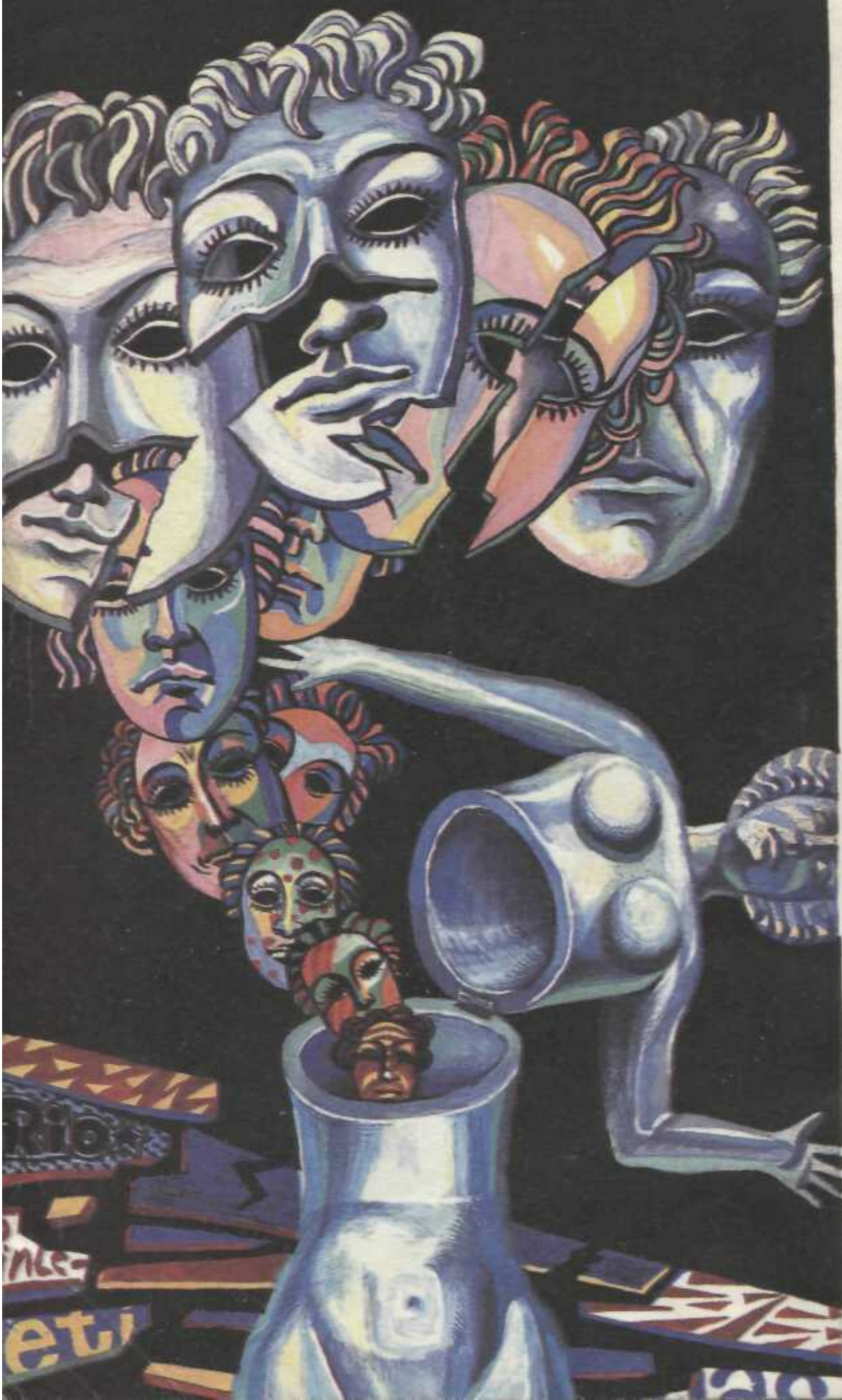
Постскриптум от редакции.

Объявив подписку на 1993 год, мы убедились, что у журнала много друзей: «Если» решили выписать 110 тысяч человек. Далеко не все имеют весь комплект журналов за 1992 год — чаще два-три номера. Эту беду мы поправить не сможем, тиражи предыдущих номеров давно разошлись. Остается утешиться тем, что уж на это полугодие для подписчиков журнала проблема решена. Тех же читателей, кто решил приобретать журнал в открытой продаже, вынуждены огорчить: в связи с ростом тиража редакция существенно сокращает розничную продажу — в три раза. Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что об этом мы предупреждали читателей и со страниц журнала, и со страниц «Московских Новостей». К сожалению, подписаться на «Если» с февраля или марта тоже нельзя — редакция объявила комплектную подписку, на шесть месяцев сразу.

Так что единственная возможность — дождаться подписки на следующее полугодие. Условия, индекс будут опубликованы в каталоге Роспечати, газете «Московские Новости» и, естественно, в журнале.

Взятые на себя обязательства мы выполняем. Редакция обещала опубликовать знаменитую «Стальную Крысу» Гарри Гаррисона — вы познакомились с ней в этом номере; повести Кита Лаумера и Фрица Лейбера, рассказы Урсулы Ле Гуин и Айзека Азимова ждут вас во втором номере журнала; с повестью Пола Андерсона вы встретитесь в третьем номере; журнал также откроет читателю неизвестные имена.

Словом, до следующей встречи.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Кит
Лаумер
НОЧЬ
ИЛЛЮЗИЙ

Фриц
Лейбер
КОРАБЛЬ
ПРИЗРАКОВ

ЕВАН

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Урсула
Ле Гуин
ВДОГОНКУ

Айзек
Азимов
ГЛАЗАМ
ДАНО
НЕ ТОЛЬКО
ВИДЕТЬ